

"Испытание страстью"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джуж Деверо

Испытание страстью

Глава 1

Англия, 1572

— Наследница Мейденхолла?

Едва сдерживая себя от возбуждения, Джоби переводила взгляд со своей старшей сестры Беренгарии на сидевшего рядом с ней брата Джеми и обратно. Красота этой пары уже не ослепляла ее так, как в детстве. Обычно отец поднимал ее высоко над головой и принимался уверять, что со временем она станет такой же красавицей, как ее сестра, Беренгария.

Но он обманывал ее. Причем не только в этом, но и во многом другом, как потом оказалось. Он обманывал ее, когда говорил, что у них всегда будет достаточно еды, что в их доме всегда будет тепло и уютно. Он обманул, когда поклялся, что ее мать скоро прекратит беседовать со своими духами.

Но самая его страшная ложь заключалась в том, что он будет жить вечно.

Джоби тряхнула темными кудряшкам и устремила горящий взгляд на брата. Она была острижена почти наголо после того, как победила нескольких мальчишек в поединках на мечах и те в отместку вымазали ей голову медом и смолой. Теперь, когда волосы немного отросли и спускались блестящими локонами до плеч, Джоби обнаружила, что в ее внешности есть, по крайней мере, одна красивая черта.

— Наследница Мейденхолла, — повторила она. — О, Джеми, только представь эту кучу денег. Как ты думаешь, ее ванна из золота? А спать она ложится в изумрудах?

— Ей только и остается, что ложиться спать с изумрудами, — еле слышно заметил Рис, дружинник Джеми. — Отец стережет ее так же тщательно, как и свое золото.

Рис что-то проворчал, когда Томас, единственный вассал Джеми, пихнул его ногой под стол.

Джоби прекрасно знала, почему Томас заставил Риса замолчать. Они считали, будто двенадцатилетней девочке ничего не известно и нужно продолжать держать ее в неведении. Джоби же не собиралась рассказывать, что именно ей известно, а что — нет, полагая, что ее свобода и так в большой степени ограничена. Если кто-нибудь из окружающих ее многочисленных взрослых каким-то образом узнает, как много ей известно, то немедленно попытается выяснить, где же она набралась знаний о том, о чем ей знать не следует.

Глаза Джеми весело блеснули.

— Ну, наверно, не в изумрудах. Скорее всего, она ложится спать в ночной сорочке.

— Шелковой, — мечтательно проговорила Джоби и подперла рукой щеку. — Из итальянского шелка или из французского?

Все за столом засмеялись, и Джоби поняла: аудитория у нее в руках. Может, она не привлекала к себе внимание заурадной внешностью, зато умела заставить людей смеяться.

Их ветвь клана Монтгомери не могла содержать шутов и кучу актеров, чтобы развлекать

господ за обедом, более того, они никогда не наедались досыта во время этих обедов, однако Джоби делала все возможное, чтобы как-то скрасить унылое существование.

Легко перепрыгнув через стол, она приземлилась на холодный каменный пол старого замка.

Нахмурившись, Джеми посмотрел на мать, сидевшую в противоположном конце комнаты. Она ела так мало, что все не раз задавались вопросом, как она до сих пор осталась жива. Даже шумной Джоби не удалось вырвать ее из вечного мира снов. Мать лишь повернула голову в сторону своей младшей дочери, и по ее ничего не выражающему взгляду Джеми не смог понять, помнит ли она, кто эта девочка. Иногда она называла ее Эдвардом или Беренгарией, а иногда — Маргарет, настоящим именем Джоби.

Джеми перевел взгляд на младшую сестру, как всегда, одетую пажом — в бриджи и кожаную куртку. Тысячи раз он говорил себе, что надо бы заставить ее одеваться, как положено девушке, хотя прекрасно знал, что не сделает этого. Скоро она вырастет и столкнется с изнанкой жизни — так пусть же побудет ребенком столько, сколько возможно.

— И как, по-вашему, она одевается каждый день? — громко спросила Джоби, обращаясь к своей аудитории, которая состояла из пяти человек, сидевших за столом, да нескольких слуг, потянувшихся в зал из кухонь. Но девочке нравилось представлять, будто она выступает перед сотнями зрителей и даже сама королева с восторгом наблюдает за ней.

Джоби принялась потягиваться и зевать, словно только что проснулась.

— Принесите мой золотой ночной горшок, — властно приказала она и была вознаграждена веселым смехом сестры.

«Раз Беренгария смеется, пусть малышка продолжает», — подумал Джеми.

Джоби довольно правдоподобно изобразила, как наследница задирает ночную сорочку и устраивается на горшке.

— О Боже, как приятна боль от этих изумрудов, — простонала она, поерзав.

Джеми, шептавшийся о чем-то с Беренгарией, бросил на Джоби предостерегающий взгляд, говоривший о том, чтобы та не переходила границы.

Девочка выпрямилась.

— А теперь принесите мое платье. Нет! Нет! Не то. И не это, не это и не то. Нет, вы, идиоты! Сколько раз я вам повторяла, что уже надевала это! Я хочу новые туалеты. Только новые. Что? Это новое? Неужели вы думаете, что наследница Мейденхолла будет носить нечто подобное? Почему шелк такой тонкий, он... он согнется, когда я надену платье.

Рис засмеялся, а уголки губ Томаса, который вообще редко смеялся, приподнялись. Они видели, как дамы при дворе наряжаются в платья жесткие, будто из дерева.

— Вот, — объявила Джоби, разглядывая воображаемое платье, — это больше мне по вкусу. Эй, вы, поднимите меня и всуньте в него.

Шутка оказалась настолько забавной, что Томас даже улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. Джеми же хохотал во все горло.

Джоби показала зрителям, как наследница запрыгивает в жесткое платье и замирает в ожидании, когда ей застегнут крючки.

— Теперь украшения. — Девочка притворилась, будто копается в ларцах, выставленных в длинный ряд. — Да, вот изумруды, рубины и бриллианты, а вот жемчуг. Что же мне выбрать? — задумчиво промолвила она. — Выбрать? Зачем мне выбирать! Я надену все!

Широко расставив ноги, словно стояла на качающейся палубе, Джоби вытянула в стороны руки.

— Так, поддерживайте меня за плечи и обхватите за талию. А ты быстренько надевай драгоценности.

Все смеялись до слез, когда девочка принялась выставлять то руку, то ногу. Затем она вытянула шею так, будто ее тянула вверх веревка палача. Совершенно непостижимым образом ей удалось передать, как тяжеленные серьги мешают ей повернуть голову. Когда же ее волосы украсили воображаемой диадемой, она согнулась под весом всех драгоценностей.

Единственным зрителем, у которого представление не вызвало никакой реакции, была мать Джоби.

— А теперь отпускайте меня, — скомандовала девочка. Несколько мгновений она, подобно пьяному матросу во время шторма, раскачивалась, грозя рухнуть на пол, потом с видимым усилием выпрямилась и вскинула голову.

Зрители угомонились и с нетерпением ждали продолжения.

— А теперь, — важно заявила она, — я встречаюсь с человеком, который должен сопровождать меня, богатейшую женщину во всей Англии. Я посмотрю, достоин ли он того, чтобы отвезти меня к тому, кого отец выбрал мне в мужа. Нет, подождите, сначала расскажите мне о нем.

Взгляды всех присутствующих обратились на Джеми, который смущенно опустил голову и прижал к груди руку Беренгарии. Он пробыл дома всего несколько дней и за это время понял, что не может находиться вдали от своей семьи.

— Джеймс Монтгомери, — громко сказала Джоби. — Ах да, я слышала об этой семье. Деньги есть, но мало. Но если сравнивать со мной, то про всех можно говорить, что денег нет, не так ли? Что? Громче, я не слышу! Да, да, так лучше. Знаю, что я богата, но мне, как истинной женщине, приятно, когда об этом говорят вслух. — На мгновение она задумалась, залюбовавшись кистью левой руки. — Так о чем же я? Ах да. Об этом человеке, которого удостоили великой чести сопровождать меня. Он Монтгомери. Что ты там несешь? Он из бедной ветви клана Монтгомери? — Нежное личико Джоби озадаченно сморщилось. — Бедной? Кажется, я не знаю, что значит это слово. Пожалуйста, объясните мне. — Когда смех стих, она продолжала: — А-а, понятно. Это те, у кого только сто шелковых платьев и крохотные драгоценные камешки в украшениях. Что? Вообще нет драгоценностей? И шелков? Вы говорите, что у половины его дома нет крыши, а у него самого не всегда бывает мясо на столе?

Последние слова не вызвали смеха у Джеми, знавшего, что именно по этой причине он опустил до того, чтобы сопровождать какую-то избалованную наследницу через всю Англию к ее не менее богатому жениху. Однако ему не нравилось, когда об этом говорилось вслух.

Джоби не обратила внимания на недовольство брата.

— Раз у него нечего есть, значит, он должен быть очень... маленьким, — с наигранным изумлением воскликнула она, чем заставила Джеми хоть на минуту забыть о мучивших его проблемах.

Уж что-что, а маленьким его не назовешь. — Неужели мне придется нести его в коробочке? — в ужасе вскинула руки девочка, не забыв при этом показать, что ей тяжело двигаться под весом драгоценностей. Она растопырила пальцы, будто воображаемые кольца мешали ей сдвинуть их. — В отделанной драгоценностями коробочке, естественно, — добавила она. — Это неплохая мысль: коробочка послужит мне еще одним украшением. Как! Коробка еще не готова? Ты уволен! И ты! И... Ах, он не маленький. Он большой, хотя ничего не ест. Не понимаю. Наверное, будет лучше, если вы пришлете его ко мне и я взгляну на этого... этого... Что это было за слово? Да, бедный. И я взгляну на этого медного, нет, бедного человека.

Джоби изобразила, как наследница Мейденхолла, придавленная весом драгоценностей, неподвижно стоит и ждет появления Джеймса Монтгомери.

Сложив губы, девочка издала звук, похожий на скрип ржавых дверных петель.

— Утверждают, — обратилась она к зрителям, — что золотые петли скрипят еще громче. Поэтому мы отказались от них.

В следующее мгновение на лице девочки отразилось изумление: ее челюсть отвисла, глаза расширились. Затем она поднесла руки к лицу, словно пытаясь отгородиться от ослепительного света.

— Ты слишком прекрасен, — громким шепотом произнесла она.

Джеми покраснел, а Рис и Томас, уже уставшие смотреть на то, как женщины тают перед необычной красотой Монтгомери, от души расхохотались.

— Ни одна драгоценность, — продолжала Джоби, стараясь перекричать шум, — не сравнится с тобой по красоте. О, ты должен принадлежать мне. Должен, должен! Вот! — Она притворилась, будто лихорадочно снимает с себя украшения — стаскивает браслеты с запястий и кольца с пальцев, срывает ожерелья и серьги — и бросает их к ногам Джеми. — Ты должен жениться на мне, — закричала Джоби. — Я не могу жить без тебя. Ты то, что я искала всю свою жизнь. Рядом с тобой меркнут изумруды, их блеск не сравнится с блеском твоих глаз. Твоя кожа нежнее жемчуга. Бриллианты...

Она вынуждена была замолчать, потому что Джеми выхватил из-под себя вытертую подушку и швырнул в нее.

Джоби, поймала ее и прижала к груди.

— Это от моего прекрасного возлюбленного. Он... О небеса, он сидел на ней. Эта подушка касалась самой нежной части его тела. О, если бы мои губы могли коснуться того места, которого...

На этот раз Джоби вынуждена была замолчать, потому что Джеми, перегнувшись через стол, одной рукой зажал ей рот, а другой обхватил за талию. Она впиалась острыми зубками ему в палец, и, к ее удивлению, он выпустил ее.

— Быть в его объятиях, — громко продолжила девочка. — Я умираю от наслаждения, когда он обнимает меня.

— Ты умрешь, если не прекратишь, — предупредил Джеми. — Где ты научилась всему этому? Нет, не говори. Но если тебя не волную я, побереги нежные ушки своей сестры. Ты шокируешь ее.

Выглянув из-за широких плеч брата, Джоби увидела, что красавица-сестра едва сдерживает смех. Их обеих вполне устраивало то, что все считали Беренгарию невинной, как ангел. Правда же заключалась в том, что Джоби ничего не скрывала от своей сестры и подробно рассказывала ей о своих эскападах.

— Уходите! — приказал Джеми всем, кто находился в зале. — Спектакль окончен. Вы достаточно посмеялись надо мной. Скажи мне, сестричка, как ты всех развлекала, когда меня здесь не было и ты не могла делать из меня посмешище?

Джоби, которая никогда не лезла за словом в карман, ответила:

— Наша жизнь была мрачной. Имея лишь отца и Эдварда... — Она замолчала и прижала руку ко рту.

На мгновение в старом уютном зале воцарилась тишина: все вдруг сейчас вспомнили, что только два дня назад они присутствовали на двойных похоронах. Официально домочадцы находились в трауре по главе и старшему сыну этой ветви Монтгомери. Но Эдвард никогда не разделял с семьей ее простые радости, а отец практически отсутствовал, запершись в своей комнате на верхнем этаже башни. Трудно скорбеть по тем, кого редко видел, а в случае с Эдвардом, по тем, по ком никогда не скучал.

— Да, — спокойно проговорил Джеми. — Полагаю, настало время вспомнить, зачем мы собрались. — Обойдя стол, он взял Беренгарию за руку и вывел из зала. — Почему никто мне не сказал? — спросил он, когда они оказались в комнате Беренгарии.

Приблизившись к окну с обвалившимся подоконником, Джеми без особых усилий отломил кусок камня от стены. Вода. Несколько лет назад были проданы все свинцовые желоба, и с тех пор вода хлестала прямо в камень стен.

Джеми повернулся и посмотрел на сестру, сидевшую в кресле, место которому было в крестьянской хижине, а не в том, что некогда являлось великолепным замком.

Беренгария собралась было придумать какое-то оправдание, но неожиданно для себя сказала правду:

— Гордость. Та самая великая гордость Монтгомери, будь она проклята. — Замолчав, она улыbnулась. — Та самая гордость, которая сейчас вызывает спазм в твоём желудке и от которой твой лоб покрывается испариной. Скажи, ты вертишь в руках отцовский кинжал?

Джеми не сразу сообразил, что она имеет в виду, но потом заметил, что держит в руках красивый кинжал с позолоченной рукояткой, который отец подарил ему много лет назад. Давным-давно украшавшие его драгоценные камни были проданы и заменены на цветные стекляшки, однако позолота сохранилась и ярко блестела, когда на нее падали лучи солнца.

Он грустно усмехнулся.

— Я и забыл, насколько хорошо ты знаешь меня. Он расположился на подушке у ее ног и, положив голову ей на колени, закрыл глаза. Беренгария нежно перебирала его волосы.

— Никогда не встречал женщину, способную сравниться с тобой по красоте.

— Разве не глупо с твоей стороны говорить, что мы близнецы?

Он поцеловал ее руку.

— Я стар, уродлив и весь в шрамах, а ты не тронута временем.

— Нетронута, именно так, — пошутила Беренгария, намекая на свою девственность.

Но Джеми не улыбнулся. Он поднял руку и помахал ею перед лицом девушки.

— Бесполезно, — проговорила та и ухватила его за руку. — Я ничего не увижу, даже если зажечь лучину у меня перед глазами. Я слепа, а какому мужчине нужна слепая жена? От меня нет никакой пользы, лучше бы я умерла при рождении.

Стремительность, с которой Джеми вскочил на ноги, изумила ее.

— О Джеми, прости меня. Я не хотела... Я просто не подумала. Пожалуйста, садись рядом. Дай мне дотронуться до тебя. Пожалуйста.

Джеми вновь опустился на подушку. Его сердце учащенно стучало, и причиной этому было чувство вины. Они с Беренгарией были близнецами, но Джеми оказался очень крупным ребенком, и ему потребовалось много времени, чтобы появиться на свет. Когда же настал черед Беренгарии, она появилась обмотанная пуповиной, и вскоре обнаружилось, что девочка слепа. Повитуха утверждала, что во всем виноват Джеми со своей медлительностью, поэтому он жил с чувством вины перед красавицей-сестрой.

Он всегда старался быть рядом с ней. Ни разу терпение не изменило ему, никогда ее общество не утомляло его. Он помогал ей во всем, учил лазать по деревьям и даже ездить верхом, вдвоем они прошли десятки миль по холмам.

Все считали Джеми чуть ли не святым, за исключением их брата Эдварда. Когда кто-то хвалил Джеми за то, что он отказывается от игры со своими сверстниками ради того, чтобы повести слепую сестру в лес за ягодами, Эдвард обычно говорил: «Он украл у нее зрение, верно? Так почему же ему не делать все возможное, чтобы вернуть его ей?»

Джеми набрал в грудь побольше воздуха.

— Итак, никто не рассказал мне, что творил Эдвард, только из-за этой гордости, — заметил он, возвращаясь из воспоминаний в действительность.

Вина лежала на его сердце тяжелым грузом. Вина за то, что он так надолго оставил слепую сестру, вина за то, что произошло после его отъезда.

— Хватит тебе заниматься самобичеванием, — проговорила Беренгария.

Она слегка потянула Джеми за волосы, и он, подняв голову, посмотрел на нее. Трудно было поверить, что такие прекрасные голубые глаза с длинными пушистыми ресницами ничего не видят.

— Ой! — с улыбкой воскликнул он и, когда она отпустила его волосы, поднес ее руку к губам. — Я ничего не могу поделать с чувством вины. Оно постоянно мучает меня. Я знаю, что собой представляли отец и Эдвард.

— Да, — поморщилась Беренгария. — Отец носа не показывал из своей комнаты, а Эдвард оказался самой настоящей свиньей. Он был опасен для всех деревенских девочек старше десяти лет. Он умер молодым, потому что дьявол слишком сильно полюбил его и захотел, чтобы он всегда был рядом.

Джеми против воли рассмеялся.

— Я так скучал по тебе все эти месяцы.

— Годы, дорогой братец. Годы.

— Ну почему женщины помнят какие-то мелочи? Беренгария дернула его за ухо.

— Хватит говорить о твоих женщинах. Лучше расскажи мне о данном тебе поручении.

— Как же ты великодушна! Ты представила все так, будто мне предстоит отправиться на поиски Святого Грааля, а вовсе не сопровождать богатую наследницу по стране.

— Но так и есть, если дело касается тебя. Меня всегда удивляло, что вы с Эдвардом родные братья.

— Иногда я спрашивал себя: а кто же его отец, если учесть, что он родился через пять месяцев после свадьбы наших родителей, — цинично заметил Джеми.

Если бы эту мысль высказал кто-нибудь другой, Беренгария бросилась бы защищать свою дорогую матушку, чей рассудок давным-давно помутился.

— Однажды я спросила маму об этом.

— И что же она ответила? — Джеми не скрывал своего изумления.

— Она взмахнула рукой и проговорила: «В то лето вокруг меня было так много красивых молодых людей, что я, боюсь, и не вспомню, кто именно из них».

Первой реакцией Джеми был гнев. Однако он сказал себе, что слишком хорошо знает свою мать, чтобы обижаться, и, успокоившись, улыбнулся.

— Если ее семья обнаружила, что она беременна, то для нее не было лучше мужа, чем отец. Я так и представляю себе, как его мать подходит к нему и говорит: «Сынок, отложи эту книжку. Настало время жениться».

— Ты думаешь, в свою брачную ночь он тоже читал?

О Джеми, неужели ты считаешь, что и мы?.. — Глаза Беренгарии расширились.

— Даже ученые время от времени отрываются от книг. Если бы ты могла взглянуть на нас и наших двоюродных братьев и сестер. Ведь мы же похожи. А Джоби так вообще копия отца.

— Да, — согласилась Беренгария. — Значит, ты тоже над этим задумывался?

— Раз или два.

— Наверное, в те разы, когда Эдвард пихал тебя в кучу навоза? Или привязывал к ветке дерева и уходил? Или когда он ломал твои вещи?

— Или когда он обзывал тебя, — тихо произнес Джеми. Внезапно его глаза блеснули. — Или когда он пытался выдать тебя за Генри Оливера.

Беренгария застонала.

— Генри все еще продолжает упрашивать маму.

— У него все еще мозгов, как у морковки?

— Скорее, как у редиски, — мрачно ответила Беренгария, которую охватывало отчаяние при мысли, что единственное предложение о замужестве она получила от такого человека, как Генри Оливер. — Пожалуйста, давай не будем об Эдварде и о том, как он проматывал те крохи, что у нас были. И больше ни слова о... об этом человеке! Расскажи мне о своей наследнице.

Джеми собрался было возразить, но промолчал. «Его» наследница имела прямое отношение к азартным играм, кутежам и вообще непотребному поведению его «брата» Эдварда. По мнению Джеми, такой негодяй просто не заслуживал того, чтобы называться братом. Пока Джеми сражался за королеву, подвергал опасности свою жизнь, Эдвард распродал все, чем владела семья, чтобы покупать лошадей (которые спустя короткое время ломали шеи и ноги из-за его небрежности), дорогую одежду (которую он терял или рвал). Деньги также были ему нужны для азартных игр (в которых он всегда проигрывал).

Пока Эдвард разорял семью, их отец постоянно сидел в своей комнате в башне и писал историю мира. Он мало ел, мало спал, ни с кем не виделся, ни с кем не разговаривал. Просто писал день и ночь. Когда Джоби и Беренгария представляли ему доказательства преступных деяний Эдварда, в том числе документы, из которых следовало, сколько земли и на какую сумму продал Эдвард, чтобы расплатиться с долгами, отец лишь отвечал: «Что я могу сделать? Когда-нибудь все будет принадлежать Эдварду, поэтому сейчас он может поступать, как считает нужным. Я во что бы то ни стало должен закончить эту книгу, прежде чем умру».

Но лихорадка унесла жизни и Эдварда, и отца. Только вчера они были живы — и вот уже их нет на этом свете.

Приехав на похороны, Джеми обнаружил, что некогда процветающее поместье просто не способно обеспечить собственное существование. Вся земля, за исключением участка, на котором стоял замок, была продана. Господский дом был продан год назад так же, как и дома, в которых жили фермеры, и обрабатываемые ими поля.

В течение нескольких дней в Джеми бушевала неумная ярость.

— На что, он считал, вы будете жить? Чем, по его мнению, вы должны были питаться, если некому платить ренту и собирать урожай?

— На карточные выигрыши, естественно. Он всегда утверждал, что в следующий раз обязательно выиграет, — ответила Джоби, которая выглядела одновременно и трогательно юной, и пугающе мудрой. Она вздернула бровь. — Полагаю, тебе пора прекратить сокрушаться по поводу того, что нельзя изменить, и подумать, что сделать с тем, что у тебя есть.

При этом она многозначительно посмотрела на Беренгарию.

Джоби имела в виду, что ни один мужчина не захочет взять в жены слепую, как бы красива она ни была и каким бы огромным приданым ни обладала. Поэтому Джеми обязан содержать ее.

— Гордость, — проговорил он. — Да, вы с Джоби оказались слишком гордыми, чтобы послать за мной.

— Нет, только я оказалась слишком гордой. Джоби сказала... Наверное, лучше не повторять то, что сказала Джоби.

— Что-то насчет того, что я струсил, оставив вас на попечение такого чудовища, как Эдвард?

— Ты обрисовал ситуацию в более мягких тонах, чем она, — улыбнулась Беренгария, вспомнив слова Джоби. — Где только она научилась таким ужасным выражениям? Джеми поморщился.

— Нет сомнения в том, что Джоби истинная Монтгомери. Отец был прав, когда утверждал, что с появлением младшего ребенка его жизнь превратилась в настоящий ад.

— Отец ненавидел все, что отвлекало его от драгоценных книг, — с горечью заметила Беренгария. — Однако Джоби имела возможность читать ему вслух, а я нет.

Джеми взял ее за руку, и на несколько минут они погрузились в невеселые воспоминания.

— Хватит! — вдруг встрепенулась Беренгария. — Наследница. Расскажи мне о своей наследнице.

— Никакая она не моя. Ей предстоит выйти за одного из Болингброков.

— Ну и жизнь у них, наверное, — медленно произнесла девушка. — Как ты думаешь, они каждый день топят камины? Они сжигают огромные бревна? У них тепло в доме?

Джеми рассмеялся.

— Джоби бредит драгоценностями и шелками, а ты — теплом.

— Я мечтаю не только об этом, — возразила она. — Я мечтаю о том, чтобы ты женился на наследнице.

Возмущенный, Джеми отбросил ее руку и, поднявшись, подошел к окну. Не отдавая себе отчета, он вытащил из ножен кинжал и принялся вертеть его в руках.

— Почему женщины так любят фантазировать?

— Ха, фантазировать! — воскликнула Беренгария, вскочив. — Я хочу, чтобы на столе была еда. Ты знаешь, что это такое — целый месяц питаться плесневелой чечевицей? Тебе известно, что она делает с желудком, не говоря уже о котлах? Тебе...

Джеми приблизился к ней и, надавив на плечи, заставил ее сесть. — Прости. Я...

Что он мог сказать? Его семья голодала, в то время как он обедал за одним столом с королевой.

— Это не твоя вина, — гораздо спокойнее заговорила Беренгария. — Однако мучные черви в хлебе лишают жизнь романтики и напрочь отбивают желание фантазировать.

Надо смотреть фактам в лицо, надо оперировать тем, что у нас есть. Во-первых, мы могли бы обратиться к нашим богатым родственникам и отдать себя на их милость. Мы могли бы поселиться в одном из их домов и сытно есть трижды в день.

Джеми пристально посмотрел на нее.

— Если ты рассматриваешь такую возможность, почему же ты и наша сквернословящая сестрица не поехали к ним год назад? Эдварду все было безразлично, а отец просто бы не заметил. Почему ты решила жить здесь и питаться гнилью?

Губы Беренгарии медленно растянулись в улыбке, и в следующее мгновение она и Джеми хором произнесли:

— Гордость!

— Жаль, что мы не можем продать нашу гордость, — заметил Джеми. — В противном случае мы стали бы богаче наследницы Мейденхолла.

Они расхохотались, потому что выражение «богаче наследницы Мейденхолла» уже стало крылатым и слышалось не только во всех уголках Англии, но и кое-где во Франции.

— Мы не можем продать гордость, — сказала Беренгария, — но у нас есть нечто, представляющее большую ценность.

— И что же? Неужели на рынке стали продавать крошащиеся от времени камни? Хотя нет, мы можем объявить, что в нашем колодце живая вода, которая излечивает все болезни, и найти богатого постоянного покупателя. А еще...

— Твоя красота.

— ...мы можем продавать навоз из конюшни, — продолжал Джеми. — Или... Моя — что?

— Твоя красота. Именно Джоби заговорила об этом. Джеми, подумай! Что нельзя купить за деньги?

— За деньги можно купить многое, если не все.

— Нельзя купить красоту.

— О, я начинаю понимать. Предполагается, что я продам свою... красоту, как ты ее называешь. Раз я продаюсь, значит, за деньги можно купить красоту, если я действительно обладаю этой красотой. — Его глаза, как всегда, Когда он поддразнивал ее, задорно блеснули. — Откуда тебе известно, что я не урод, похожий на... на кучу твоей плесневелой чечевицы?

— Джеми, я не вижу, но я не слепа, — ответила Беренгария таким тоном, будто разговаривала с недотепой. Джеми не смог сдержать смех. — Ты думаешь, я не слышу и не чувствую, как вздыхают женщины, когда ты проходишь мимо них? Ты думаешь, я не слышала, как женщины рассуждали о том, какими грязными вещами им хотелось бы с тобой заняться?

— Ну-ну, это очень даже интересно, — заметил Джеми. — Расскажи-ка мне еще. — Джеми! Я серьезно.

Обняв сестру за плечи, Джеми наклонился к ней и едва не касался носом ее носа.

— Моя дорогая маленькая сестричка, — сказал он, — ты не слушаешь меня. Я должен проводить эту богатую наследницу к человеку, за которого она выйдет замуж. Ей не нужен муж, он у нее уже есть.

— А кто такой этот Болингброк?

— Как тебе известно, он богач. Его отец так же богат, как и отец наследницы. — Так зачем ей еще больше денег?

Джеми снисходительно улыбнулся сестре. Она всю жизнь провела в провинции, поэтому для нее богатство ассоциировалось с теплой одеждой и сытной едой. Но сам он много путешествовал и знал, что нет таких понятий, как «достаточно денег», «достаточно власти». Для большинства слова «достаточно» просто не существует.

— Не надо относиться ко мне свысока, — возмутилась Беренгария.

— Я же молчу.

— Да, но я слышу твои мысли. Королева, как тебе известно, намекала, что Перкин Мейденхолл может получить титул, если достаточно заплатит.

— И он отказался. Скупость этого человека стала притчей во языцех по всей Англии. В данном случае меня это радует, так как иначе он не нанял бы такого бедняка, чтобы сопровождать свою дочь.

— Верно, ты беден, но зато ты унаследовал все титулы отца.

Джеми на мгновение замер.

— Действительно, — задумчиво произнес он. — Действительно. Итак, я граф, верно?

— А еще виконт. И еще у тебя, по крайней мере, три титула баронета.

— Гм, как по-твоему, удастся ли мне заставить Джоби преклонить предо мной колена и поцеловать перстень?

— Джеми, подумай о рынке невест. У тебя есть титул, ты красив.

Ее слова возмутили Джеми до глубины души. — Ты говоришь обо мне, как о жирном гусе, которого все вырывают друг у друга из рук, чтобы украсить свой рождественский обед. Лорд Гусак! Подходите, дамы, взгляните, какие у него прекрасные перья! Только представьте, как великолепно он будет смотреться на вашем столе! Купите птичку, и ваш муж и детки будут вечно любить вас!

Губы Беренгарии сжались в тонкую линию.

— Что у нас есть еще, кроме тебя? Я? Разве какой-нибудь богач женится на мне? Слепой и без приданого? А, Джоби? У нее нет приданого, она не блещет красотой, а ее характер оставляет желать много лучшего.

— Ты слишком добра, — как обычно поддразнил ее Джеми.

— А ты слишком туп.

— Прошу прощения, — сердито сказал он. — Когда я смотрю на себя в зеркало, то вижу только себя, а не того Аполлона, о котором говорят мои сестры. — Джеми заставил себя успокоиться. — Послушай, сестричка, неужели ты считаешь, что я не задумывался над всем этим? Я прекрасно знаю, что выгодный брак решит множество проблем. Неужели ты не

понимаешь, что первой моей мыслью было: наследница — это путь решения наших проблем. — Беренгария улыбнулась, и Джеми знал, что означает ее улыбка.

— Чего ты и наша неугомонная сестричка добиваетесь? Что вы затеяли? — Несмотря на полное несходство характеров, обе сестры были очень близки.

— Беренгария! — жестко произнес Джеми. — Я не буду участвовать в том, что вы задумали. Это работа. И я честно заработаю свои деньги. Если я доставлю наследницу к жениху целой и невредимой, мне хорошо заплатят. И ничего больше, поэтому я запрещаю тебе и Джоби...

Он замолчал и застонал. Он сражался на войне, водил своих людей в атаку, участвовал в переговорах между странами, но у него не хватало сил противостоять сестрам, когда они выступали единым фронтом. Да помогут ему небеса!

— Я отказываюсь участвовать, — устало проговорил Джеми. — Ни за что! Ты поняла меня? Беренгария, прекрати так улыбаться!

Глава 2

— Если она влюбится в тебя, Джеми, ее отец, естественно, позволит ей выйти за тебя. Она его единственный ребенок, все наследство ойдет ей. Не сомневаюсь, что он готов дать ей все, что она пожелает.

Доводы Джоби звучали очень убедительно даже для Джеми. Он хотел высказать некоторые замечания, но не мог произнести ни слова, потому что у него во рту были булавки. С раннего утра он стоял посреди комнаты в нижнем белье и с голыми ногами, в то время как Джоби давала указания деревенскому портному и шести швеям по поводу нарядов, которые предназначались для того, чтобы помочь Джеми завоевать сердце наследницы.

Прошлой ночью он выпил почти полбочонка мерзкого вина, пока Джоби и Беренгария рассказывали ему свой план. Хоть замысел был и противен ему, он не мог не восхищаться сестрами, которым удалось так много сделать за столь короткий срок.

Той же ночью он узнал много нового о вероломстве своего родного брата (или, как он предпочитал считать, своего единоутробного брата). Эдвард не просто продал земли Монтгомери — он продал их людям, характер которых не отличался от его собственного.

— Мерзкие лживые преступники... — начала Джоби.

— Да, — перебил ее Джеми, — но что конкретно они совершили?

Управление хозяйством являлось слабым местом всех новых владельцев. Создавалось впечатление, будто единственным их желанием было держать в страхе крестьян. Они сжигали урожай и дома, насиловали всех девушек, скакали на лошадях по только что засеянным полям.

Узнав, что Джоби успокаивала крестьян тем, что обещала помощь брата, когда он вернется, Джеми поперхнулся.

— Эта земля больше мне не принадлежит, — напомнил он.

Беренгария пожала плечами:

— Монтгомери владели этой землей веками, поэтому каких-то два года не лишают тебя

ответственности за нее.

— Но ведь была заключена сделка, были заплачены деньги! — Джеми почти кричал, хотя прекрасно понимал, что долг перед предками тяжелым грузом лежит на его плечах.

— Кстати о деньгах, — сказала Джоби и подала знак слуге, стоявшему с кувшином в руке у Джеми за спиной.

Позже Джеми говорил себе, что, будь он не так пьян, то выпрыгнул бы в окно и побежал прочь. Прошло лишь две недели с тех пор, как он согласился сопровождать богатую молодую женщину, но за это время его сестры ухитрились мобилизовать жителей трех деревушек, находившихся на земле, которая прежде принадлежала Монтгомери, — на земле, которую продал Эдвард.

Стоило Джеми подумать о том, что наговорили эти чертовки, как его лицо заливала краска. Казалось, сестры уже «продали» своего брата.

— Не тебя, а твою красоту, — увещевала его Беренгария. Как будто ему от этого легче!

— Как жеребца или призового быка, — заявила Джоби.

Когда Джеми попытался схватить ее, она ловко увернулась и засмеялась.

Прошлой ночью в зале собрались жители деревень, которые принесли самое ценное, что им удалось сохранить или, как подозревал Джеми, украсть. Среди прочего были обломки от серебряных ложек, ручка от золотого кувшина, монеты с ликами давно почивших в бозе королей, мешки с гусиным пухом, который можно было бы продать, поросята (один даже пожелал присоединиться к Джеми в стремлении напиться), кожи, пряжка от пояса, несколько пуговиц от богатого дамского платья. Перечню не было конца.

— Скажите, ради Бога, для чего все это? — спросил Джеми, оглядывая горы добра на столе и на полу.

Любопытному поросенку все же удалось добиться своего: он перевернул все кубки на столе и вылакал остатки вина, посчитав лакомством то, от чего отказались люди.

— Мы собираемся сделать тебе роскошный гардероб, — объяснила Беренгария. — Мы оденем тебя, как принца, и наследница Мейденхолла с первого взгляда влюбится в тебя.

Джеми закинул голову и расхохотался над столь абсурдным заявлением. Поросенок, забравшийся к Джеми на колени, посмотрел на него и тоже начал смеяться."

Оглядевшись по сторонам, Джеми, к своему удивлению, обнаружил, что никто из сотни людей, собравшихся в зале, даже не улыбается.

— Джеми, ты наша единственная надежда, — сказала Беренгария. — Ты способен очаровать любую женщину.

— Нет! — возразил Джеми и с грохотом опустил кружку на стол, расплескав вино и едва не задев пяточек поросенка. Он был так возмущен, что не заметил, как охочее до выпивки животное сунуло нос в его кружку. — Я не пойду на это! Эта женщина выходит за другого. Ее отец никогда не даст разрешения.

Ему хотелось кричать о том, что он всегда мечтал жениться по любви, но бедные безземельные графы не имеют права на такую роскошь. Если же он все-таки женится, то пусть это будет честный брак. Да, у него нет денег, зато есть титулы. Возможно, дочка какого-нибудь богатого купца...

Именно таковой и является наследница Мейденхолла. Никто не видел ее и, следовательно, не мог описать ее иным словом, кроме «богатая». Она казалась неуловимой, подобно сказочной принцессе. Некоторые утверждали, что она прекрасна, словно богиня. Как бы то ни было, ей предстояло унаследовать миллионы.

— Не могу. Не буду. Нет. Ни под каким видом. Вот что он сказал вчера, а сегодня на него уже примеряли новую одежду. Джеми не собирался спрашивать, где и как сестры и жители деревень раздобыли эти великолепные ткани. Он подозревал, что сундуки Эдварда периодически опустошались. Среди женщин он узнал тех, кто работал в господском доме, и пришел к выводу, что новый хозяин обязательно не досчитается кое-каких своих запасов.

Однако он не собирается расспрашивать их, потому что не хочет ничего знать.

— Четоф псенок! — не разжимая губ, проговорил Джеми, которого заставили стоять с поднятыми руками. Джоби вынула булавки у него изо рта.

— Что-что, братишка?

— Уберите этого чертова поросенка! Он крутится у меня под ногами.

— Но он любит тебя, — сказала Джоби.

Те, кто был в комнате, едва сдержали смех. Все пребывали в приподнятом настроении, потому что знали: Джеми решит их проблемы. Разве есть на свете женщина, способная устоять против его чар? Высокий, широкоплечий, с тонкой талией, мускулистый. Он божественно красив: темно-зеленые глаза, черные волосы, золотистая от загара кожа, чувственные губы. Ни у кого не вызывало удивления, когда женщины теряли дар речи при виде Джеми.

— Этот поросенок женского пола, — заметила Беренгария, и комната наполнилась громким хохотом.

— Хватит! — взревел Джеми и принялся сдирать с себя бархатный камзол.

В следующее мгновение он издал жуткий вопль: булавки впились ему в ладонь. Когда Джоби вытащила булавки, он схватил свою старую выношенную одежду и направился к двери. Поросенок бросился за ним. Не заметив его, Джеми споткнулся и едва не упал. Разозлившись еще сильнее, он поймал несчастное животное и собрался выбросить в окно, но в последнюю секунду увидел его глаза.

— Ад и пламя! — процедил Джеми сквозь зубы, сунул поросенка под мышку и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Вслед ему донесся громкий хохот. — Женщины! — прошипел он и сбежал вниз по древней каменной лестнице.

Глава 3

Эксия не видела и не слышала, как мужчина крался по саду, поэтому его появление оказалось для нее полной неожиданностью. Обхватив девушку за талию и зажав широкой ладонью рот, он оттащил ее в кусты. Сердце Эксии бешено стучало, но она то и дело повторяла себе, что

нужно сохранять самообладание. Любой ценой. В тот момент она простила своего отца. Вот почему всю свою жизнь она провела за высокими стенами, вот почему ее существование скорее напоминало тюремное заключение. Следующей ее мыслью было: «А как ему удалось пробраться в сад?» Вдоль верхнего края стены тянулся ряд острых железных шипов, по саду свободно бегали собаки, поднимавшие громкий лай при появлении чужака, везде трудились рабочие.

Эксии казалось, что за ту минуту, что незнакомец тащил ее к зарослям, она прожила целую жизнь. Только что она рисовала портрет своей красавицы-кузины Франчески — наверное, двадцатый за этот год — и вот ее похитили. «Как он узнал? — спрашивала она себя. — Как он узнал, кто я?»

Незнакомец остановился, но не отпустил девушку, а продолжал прижимать ее к своей мускулистой груди. Эксия впервые оказалась так близко к мужчине. В замке было множество шпионов отца, и если кто-нибудь из мужчин — садовник, управляющий — осмеливался улыбнуться ей, он исчезал на следующий же день.

— Дай мне слово, что не закричишь, когда я уберу руку. — Он дышал ей прямо в ухо. — Наверное, ты не поверишь мне, но я не причиню тебе вреда. Мне просто нужно кое-что узнать.

Услышав эти слова, Эксия почти полностью успокоилась. Ну конечно. Всем мужчинам нужно было кое-что узнать у нее. Сколько золота отца хранится в доме? Сколькими поместьями он владеет? Каково ее приданое? Желание людей выяснить хоть что-нибудь о состоянии ее отца не имело границ.

Эксия кивнула. Естественно, она скажет ему все, что ей известно. Она бы любому рассказала все, что знает, — ведь знает она очень мало.

Но незнакомец не сразу убрал руку. Несколько секунд он пристально смотрел на нее — Эксия почувствовала на себе его взгляд. Ее голова была прижата к его плечу, его щека касалась ее лба.

— Ты очаровательная малышка, — проговорил он, и страх с новой силой охватил девушку. Она начала вырываться. — Прекрати! У меня нет времени на развлечения. Меня ждут дела.

Эксии удалось повернуться, и она получила возможность увидеть незнакомца. Может, ей следует извиниться перед ним за то, что она мешает ему похищать ее?

Однако Эксии не удалось разглядеть его лицо, потому что он смотрел в сторону Франчески.

— Она красива, правда? — Эксия укусила его за ладонь, и он освободил ей рот, однако продолжал удерживать ее другой рукой. — Ой! Зачем ты это сделала?

— Я сделаю и не такое, если ты... Он опять зажал ей рот.

— Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Я приехал, чтобы сопровождать ее, наследницу Мейденхолла, в путешествии по Англии.

Тут Эксия совсем успокоилась. Теперь понятно, в чем дело. Он хочет узнать, что представляет собой эта женщина. Вполне естественно, что он принял Франческу, которая не имела ни гроша за душой, за наследницу: по роскоши ее наряд превосходил наряд королевы. Кроме того, Франческа вела себя так, как, по ее мнению, должна вести себя богатая наследница. Другими словами, если она роняла иголку, то звала слугу, чтобы поднять ее.

«Да», — кивнула девушка.

— Ты не поднимешь шум, если я уберу руку?

И опять Эксиа кивнула.

Он убрал руку с ее лица и перестал сжимать с невероятной силой за талию.

Эксиа, обладавшая здравым умом, воспользовалась возможностью и бросилась прочь.

Но незнакомец сбил ее с ног. Она упала навзничь и ударилась так сильно, что у нее перехватило дыхание. В следующую секунду он всем своим весом обрушился на нее.

Придя в себя, Эксиа посмотрела похитителю в лицо. «Господи, до чего же он красив! — подумала она. — Нет, не просто красив, он божественно прекрасен. Он похож на принца из сказки».

Что касается Джеми, то он увидел очаровательную девушку, не такую красивую, как наследница, но с очень выразительной внешностью, которая с лихвой компенсировала то, что не дала природа. Овальное личико обрамляли темно-каштановые волосы, короткие, но густые темные ресницы подчеркивали величину ее карих глаз. Изящный носик и совершенной формы маленький ротик довершали портрет.

Пристальный взгляд девушки был устремлен на Джеми, и ему показалось, будто она ждет, чтобы он проявил себя. Ни одна женщина не смотрела на него подобным образом, этот взгляд разжигал в нем любопытство. Что касается прочего, у девушки были полная грудь, тонкая талия и стройные бедра. При виде такой фигуры у любого мужчины зачешутся руки — во всяком случае, у Джеми они уже чесались.

Красота незнакомца так подействовала на Эксию, что ей потребовалось некоторое время, чтобы обрести присутствие духа. И сразу же ей стало интересно, почему отец нанял этого красивого молодого человека, чтобы отвезти ее к жениху. Ведь он всегда брал на работу уроков, которые, естественно, не могли ввести в искушение богатую молодую женщину. И они сполна отработывали деньги, которые он им платил. Однако красивые люди другие, они считают, будто одного их присутствия достаточно, чтобы осчастливить любого. Из опыта общения с Франческой Эксиа сделала вывод, что красивые люди бесполезны. Так почему же отец прислал этого красивого бесполезного молодого человека сопровождать ее?

— Пожалуйста, выслушай меня, — попросил незнакомец.

Он приподнялся на руках и окинул взглядом ее тело. Эксиа почувствовала, как его ладонь заскользила вверх от ее талии. Она впервые сталкивалась с тем, чтобы мужчина так смотрел на нее, но подсознательно поняла, что именно у него на уме.

— Только дотронься до меня, и я закричу, — холодно проговорила девушка.

— Я не имею склонность к насилию, — произнес он так, словно она ранила его гордость.

— Тогда убери свои руки и вообще всего себя с меня.

— Ах да, — улыбнулся он.

Эксиа не сомневалась, что его улыбка способна лишить сна многих женщин. Но красивые

молодые люди всегда лучезарно улыбались наследнице Мейденхолла или, как сейчас, той, кого считали приближенной к наследнице.

— Ты будешь вести себя тихо? — спросил незнакомец, продолжая лежать на Эксию.

— Только в том случае, если ты слезешь с меня. Мне трудно дышать.

Незнакомец скатился с Эксию, и она мгновенно предприняла новую попытку бежать. Однако он был готов к этому. Ухватив ее за юбку, он вновь уложил ее на землю и навалился сверху.

— Ты не держишь своего слова, да?

— Я веду себя честно только с достойными мужчинами, — сверкнув на него глазами, отрезала Эксию. — Вы, сэр, нарушаете границы чужого владения..

— Предпочитаю рассматривать мое появление так, что я просто прибыл на день раньше, вот и все. И вновь его рука поползла вверх. Эксию прищурилась.

— Если ты уберешь руки, я все расскажу тебе, — произнесла она таким тоном, будто его прикосновение вызывало у нее непереносимое отвращение.

Судя по выражению лица молодого человека, ее слова шокировали его. Без сомнения, «да» было единственным ответом, который он слышал от женщин. Проведя большую часть своей жизни рядом с Франческой, Эксию знала, сколь велика власть красоты. Она могла часами спорить с садовником по поводу того, как обрезать яблони, Франческе же достаточно было похлопать своими ресницами, сказать, что деревья надо обрезать так и так — и спустя минуту трое мужчин уже с энтузиазмом лазали по веткам, едва не сбрасывая друг друга. А в аптекарском саду помешавшийся от любви юноша подстриг куст розмарина в виде огромной буквы "Ф". И везде жили лебеди — любимые птицы Франчески.

Пусть это будет некоторым преувеличением, но можно сказать, что Эксию ненавидела красивых людей. О, ей нравилось рисовать шаржи на них и писать с них портреты, но что касается общения с ними, то ей больше нравилось проводить время с такими, как Тод и старший управляющий.

— Да, конечно. — Незнакомец откатился в сторону. — Только не убегай и не шуми. Иначе я вынужден буду... Эксию села.

— Вновь прижать меня к земле своими лапищами? Чтобы избежать этого, я расскажу тебе все, что знаю.

Заметив, что ее презрительный тон озадачил его, девушка улыбнулась.

Поднявшись на ноги, незнакомец подал ей руку, но она проигнорировала ее и встала самостоятельно.

— Что ты хочешь знать? Сколько золота у Мейденхолла? Какие единицы измерения тебя устроят: в фунтах или в повозках?

— Ну и язва же ты! Нет, я хочу узнать кое-что о ней.

— А, о прекрасной Франческе.

Эксию отряхнулась. Незнакомец был одет в черный бархат, а она — в платье из грубого

полотна. Но ведь бархат так непрактичен в деревне: он все время пачкается!

— Так вот как ее зовут! Франческа.

— Ты собираешься слагать сонеты в ее честь? Прославлять ее имя? Все это уже было до тебя. Предупреждаю, ее имя трудно рифмуется.

Рассмеявшись, незнакомец взглянул сквозь кусты на Франческу, которая сидела на скамье. У нее на коленях лежала открытая книга.

— Почему она совсем не двигается? Неужели она такая ученая, что книга заставляет ее забыть обо всем на свете?

— Франческа не умеет ни читать, ни писать. Она говорит, что от чтения на лице появляются морщины, а от писания портится кожа на руках.

И опять незнакомец рассмеялся.

— Тогда почему же она не шевелится?

— Она позирует для портрета, — ответила Эксия таким тоном, будто он являлся полным дураком, если не мог заметить очевидного.

— Но ведь портрет пишешь ты, а ты находишься здесь. Неужели она не видит, что тебя нет?

— Для нее достаточно мысли, что на нее смотрят. — Эксия перевела взгляд на его дублет. — Тебя ранили?

— Ад и пламя! — воскликнул незнакомец. — Я забыл о вишнях. — Он принялся вытаскивать из кармана ягоды, большинство из которых были раздавлены.

— Итак, ты не только нарушитель, ты еще и вор.

— А какое ей до этого дело? Она так богата, что не обеднеет без десятка ягод. Угощайся.

— Нет, спасибо. Прошу тебя, скажи, что ты хочешь знать о ней. Мне нужно вернуться к работе.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Кого? — Эксия притворилась, будто ничего не понимает.

— Наследницу Мейденхолла, естественно.

— Так же, как и все. Значит, это она тебя интересует? Или ее золото?

— Да, золото, — подтвердил незнакомец, серьезно глядя на девушку. — Но мне необходимо узнать кое-что и о ней. Что нужно сделать или подарить, чтобы доставить ей удовольствие?

Минуту Эксия пристально смотрела на молодого человека.

— А почему ты хочешь доставить ей удовольствие? Выражение его лица смягчилось, и он стал более красивым, если такое возможно. Если бы он так взглянул на какую-нибудь женщину, то та бы, Эксия не сомневалась, растаяла, словно воск. Он наклонился к ней и таким же прекрасным, как и тело, голосом прошептал:

— Скажи, какой подарок мне сделать, чтобы ей было приятно?

Эксия мило улыбнулась ему.

— Двустороннее зеркало. — Она имела в виду то, что незнакомец и Франческа будут одновременно любоваться своими отражениями, сидя друг против друга.

Молодой человек расхохотался, затем резко замолчал, сообразив, что нельзя шуметь. Выбросив последние ягоды, он заявил:

— Мне нужен друг. Вернее, партнер в одном деле.

— Я? — с невинным видом спросила Эксия и поинтересовалась, когда он кивнул: — А что я получу за помощь?

— Ты мне начинаешь нравиться.

— Так как я не испытываю ничего подобного к тебе, предлагаю закончить беседу и расстаться с миром.

— Иди, — махнул рукой незнакомец. — Иди. Пусть я останусь один. Завтра я буду здесь. Может, мы с тобой встретимся. А может, и нет.

Эксия, заинтересовавшись, мысленно обругала себя.

— Что же ты дашь мне за помощь? Наследницам никогда не платят деньги, напротив, они сами раздают деньги.

— Богатство, о котором ты даже не смеешь мечтать. «А-а, — подумала Эксия, — золото Мейденхолла. И его серебро, земли, суда, склады...»

— Нет, — проговорил незнакомец, — не смотри на меня так. Я не желаю ей вреда. Я намереваюсь... — Он колебался, оценивающе глядя на девушку.

— Ты намереваешься заполучить ее для себя, верно? Увидев, что в его глазах промелькнуло изумление, она поняла, что попала в точку. Но он не первый: до него были тысячи желающих жениться на золоте Мейденхолла. Однако пусть потешит себя иллюзией, будто ему единственному пришла в голову столь потрясающая идея. «Ну почему отец нанял человека с такой внешностью, — в который раз спросила себя Эксия. — Человека, полагавшего, будто женщины готовы по первому требованию отдать ему все, что имеют». Эксия улыбнулась.

— Ты очень честолюбив. А разве она не обручена?

— Да, конечно... — пробормотал он и с отсутствующим видом вытащил из ножен кинжал.

У Эксии со страха сердце ушло в пятки, но в следующее мгновение она догадалась, что он сделал это совершенно бессознательно. Она даже усомнилась, что он отдает себе отчет в своих действиях.

— Понятно, — сказала она. — Ты намереваешься использовать путешествие для того, чтобы она передумала и согласилась выйти за тебя.

— Ты считаешь, что это возможно? — с тревогой спросил он.

Девушка почувствовала, что тревога незнакомца искренна. Ей захотелось сочувственно похлопать его по руке.

— Франческа полюбит тебя, — ответила она, мысленно смеясь над своей ложью: Франческа ненавидела все, что было так же прекрасно, как она сама. Ей нравилось окружать себя уродливыми вещами, чтобы еще сильнее блистать на их фоне. — Итак, ты собрался жениться на наследнице Мейденхолла? Для твоей семьи и владений настали тяжелые времена?

В его глазах зажегся огонек.

— Я знал, что могу доверять тебе. С первого мгновения, увидев тебя с кистью в руке, я понял, что ты станешь мне верным товарищем. Мы с тобой будем большими друзьями. Ты отправляешься с ней?

— Да. Мы кузины.

— Ага, — улыбнулся незнакомец. — У меня тоже есть богатые родственники.

— Скажи мне... э-э... Я не знаю, как тебя зовут.

— Джеймс Монтгомери, граф Далкейт. У меня есть титул, но, увы, нет земли и золота, чтобы содержать поместье. А тебя зовут госпожа...

— Мейденхолл, но, увы, я всего лишь Эксия Мейденхолл.

— Необычное имя, однако оно подходит тебе: ты сама не такая, как все. Скажи, что мне сделать, чтобы произвести на нее впечатление? Может, подарить ей что-нибудь? Или написать сонет в честь ее красоты? Преподнести экзотический фрукт? Или желтые розы, например? Помоги мне. Я добуду все, что скажешь.

— Маргаритки, — без колебаний ответила Эксия.

— Маргаритки? Эти примитивные цветы?

— Да. Франческа не любит, чтобы что-либо соперничало с ней в красоте. Розы — это вызов, а маргаритки — это скромная оправка для сверкающего драгоценного камня.

— Ты очень умна, да?

— Людям в моем положении ничего другого не остается, чтобы выжить.

Монтгомери улыбнулся ей.

— Да, мы с тобой хорошо понимаем друг друга.

— Плащ, отделанный маргаритками, — продолжала Эксия. — Ты накинешь его ей на плечи, когда она будет стоять с закрытыми глазами. Разве это не романтично?

— Да, очень. — Монтгомери несколько мгновений подозрительно смотрел на девушку. — А ты не обманываешь меня?

— Клянусь святым именем Господа, что наследница Мейденхолла любит маргаритки.

— А почему вдруг ты решила помогать мне? Эксия с наигранным смущением опустила голову.

— Ты позволишь мне написать портреты своей обедневшей семьи?

— Конечно, — ответил он с улыбкой. — И я хорошо заплачу тебе. У меня есть сестра-близнец.

Эксия продолжала стоять с опущенной головой, чтобы он не заметил выражения ее глаз. До чего же он тщеславен, если допускает, будто она готова предать свою кузину ради того, чтобы нарисовать портрет какой-то бесхарактерной красавицы!

— Вы оказываете мне большую честь, милорд.

— Зови меня Джеми.

Он наклонился вперед, словно намереваясь поцеловать ее, но Эксия повернулась, и он лишь коснулся губами ее щеки.

— Это не входит в нашу сделку, — заявила она с таким же видом, как Франческа, выпроваживавшая двенадцатого за день поклонника. — Пока, — добавила она и направилась к своему мольберту.

Краешком глаза она наблюдала за молодым человеком, который очень быстро для своего роста побежал через фруктовый сад к стене.

Взяв в руку кисть, Эксия собралась было рисовать, но поняла, что не может работать. Ее разбирал смех. «Подождем до завтра, — подумала она, — когда он увидит, кто именно является наследницей, и узнает, что Франческа лишь бедная родственница».

Но в следующее мгновение она перестала смеяться и ее тело сотрясла дрожь. Смех уступил место страху. Если этот Джеймс Монтгомери смог так легко пробраться в сад, значит, это под силу и тем, кто по каким-то причинам ненавидит отца. Таких людей легионы, и любой из них был бы рад заполучить дочь Мейденхолла ради выкупа. Эти люди...

Эксия упала в обморок.

В ту ночь Джеми сел писать сестрам письмо, как и обещал. «Что же им написать? — подумал он, взяв перо, и улыбнулся. — Они хотят послушать сказку — они ее получат». О молодом человеке, который пытается завоевать любовь девушки, а эта девушка так же красива, как Франческа Мейденхолл.

"Дорогие сестры!

Я встретился с ней. То, чему я научился, спасаясь от измышательства Эдварда, сослужило мне хорошую службу: я перебрался через стену по нависавшей над ней ветке. С собаками не возникло проблем, так как я захватил какую-то тряпку из сарая садовника. Это приключение достойно Джоби!

Наследница Мейденхолла сидела в саду неподвижная, как статуя, и прекрасная, как Венера, и позировала для портрета. Неудивительно, что отец держит ее взаперти: ее потрясающая красота заслуживает гораздо больше внимания, чем драгоценности.

Я не разговаривал с ней, лишь смотрел на нее, купаясь в лучах ее блеска и наслаждаясь ее красотой".

Джеми поднял голову. Да, так и надо продолжать. Приключение и романтика. Что еще способно успокоить их? Надо убедить их, что ему окажут помощь.

"Я расспросил девушку, которая писала портрет с наследницы. Она напоминает очаровательного воробушка, пойманного в клетку. У нее острый язычок, она очень умна и собирается помочь мне заполучить руку наследницы. Когда все закончится, я привезу этого воробушка к вам, чтобы она написала с вас портреты.

С любовью, Джеми".

— Какой идиот! — взорвалась Джоби. — Он решил, будто дурнушка поможет ему завоевать руку красавицы! Я ни за что не помогла бы ему.

Несколько раз мужчины, видевшие Беренгарию издали, просили Джоби представить их ей. И это всегда приводило девочку в бешенство.

— Наш брат влюблен, — тихо произнесла Беренгария.

— Ты так считаешь? Хотя верно, он только и пишет, что о ее красоте. Я очень рада. Джеми мучают сомнения и угрызения совести. Будь я на его месте...

— Нет, он влюблен в этого серого воробушка.

— Ты сошла с ума, — безапелляционно заявила Джоби.

— Посмотрим, — улыбнулась Беренгария. — Посмотрим.

Глава 4

— Итак, — проговорил Рис, поглядывая на Джеми поверх кружки с элем, — ты видел ее. Какова она?

Все трое — Томас, Рис и Джеми — были давними друзьями. Они бок о бок сражались в битвах, делились всем, что имели. Посторонний мог бы подумать, что Джеми мягок по натуре, что им легко управлять, но Рис и Томас слишком хорошо знали характер своего друга и суверена: тому, кто осмелится переступить границу, не сдобровать.

Кроме того, им было известно и слабое место Джеми: он полагал, будто женщины — это ангелы, сошедшие с небес. Естественно, при виде мужчины с такой внешностью женщины и в самом деле вели себя как ангелы. В какой бы стране он ни оказывался, стоило ему приблизиться к женщине — и к светловолосой датчанке, и к темноволосой красавице из Святой земли, и даже к сварливой мегере, — как она тут же превращалась в сладкоголосую пташку.

Рис хорошо помнил, как во Франции его прогнала вилами жена фермера. И та же жена фермера оставила стол бутылками с вином из подпола и предложила, им располагаться на ночь, едва в дом вошел Джеми и улыбнулся ей. Она даже не пожалела пуховую перину. Но только одну. Для Джеми. Рису и Томасу она указала на пол.

Будь Джеми другим человеком, он бы воспользовался преимуществом, данным природой. Однако он так не делал. Он был вежлив и внимателен и отклонял большую часть предложений. «Это плохо по отношению к мужу той женщины», — не раз повторял он. Если подобное

заявление доносилось до ушей других мужчин, то его встречали громким хохотом.

При дворе мало кто из женщин, замужних и незамужних, не пытался затащить Дджеми в свою постель, но он почти всегда отказывался от их приглашений. Дело было вовсе не в его скромности или стремлении сохранять обет безбрачия, просто он соблюдал осторожность.

«Я не лезу на рожон на поле брани, так зачем мне рисковать своей жизнью ради ночи с замужней дамой? — думал он. — Или вдруг за мной погонится отец какой-нибудь девственницы? А на любовницу у меня нет денег».

Несмотря на тесную дружбу с Дджеми, несмотря на то что все трое почти все время проводили вместе, ни Рис, ни Томас почти ничего не знали о его личной жизни. Иногда его постель оставалась пустой в течение нескольких ночей, но в одно прекрасное утро он начинал часто зевать и тереть глаза. Однако ничего не рассказывал своим друзьям о том, где и с кем он был.

То, что сейчас Дджеми размышлял о женитьбе, говорило о том, что финансы семьи оказались в плачевном состоянии.

— Какова она? — опять спросил Рис.

Наследница Мейденхолла. Человек-легенда, как Мидас или Крез. С рождения эта девочка, единственная дочь того, кто обладал несметными богатствами, превратилась в предмет мечтаний очень многих молодых людей. «Если бы я был богат, как наследница Мейденхолла» — так, по крайней мере, один раз в жизни заявлял каждый житель Англии. Даже королева, как сплетничали, спросила у иностранного посла, считает ли он ее такой же богатой, как наследницу Мейденхолла.

Однако никто не восклицал: «Если бы я был так же богат, как Перкин Мейденхолл!», потому что в этом отсутствовала романтика, особенно если учесть, что Перкин Мейденхолл славился своей скупостью. Рассказы о том, как он дрожит над каждым пенсом, превратились в легенды. Утверждали, что он носит одежду до тех пор, пока она не превращается в лохмотья, что он морит себя голодом, экономя деньги на еде. В его жизни не было никаких удовольствий и развлечений, он никогда не играл ни в какие игры. А еще говорили, что он женился потому, что отец его невесты не желал продавать ему участок, лежавший между их владеньями, и один раз лег в постель со своей женой, в результате чего появилась на свет его дочь. Мать девочки умерла через несколько дней после родов.

Нет, мало кто завидовал Мейденхоллу, завидовали его дочери — несчастной девушке, выросшей без матери, спрятанной за высокими стенами замка на юге Англии. Даже жители деревни, располагавшейся рядом с поместьем, никогда не видели наследницы. И если кто-либо отваживался обсуждать ее, он вскоре исчезал — шпионы Мейденхолла шныряли везде.

— Да хватит об этом, — вмешался Томас. Обычно он позволял Рису вытягивать из Дджеми то, что того интересовало, но на этот раз продолжительное молчание Монтгомери заставило его прибегнуть к решительным мерам.

— Она очаровательный воробушек, — пробормотал Дджеми, задумчиво глядя вдаль. — Огромные карие глаза, способные видеть насквозь, полная грудь. А двигается она стремительно и уверенно, как воробушек. — Его губы медленно растянулись в улыбке. — Язычок же у нее острый, как воробьиный клюв. Она может так клюнуть, что истечешь кровью.

Рис и Томас были до такой степени ошарашены его словами, что у них отвисли челюсти. Рис пришел в себя первым.

— Ты влюбился в наследницу Мейденхолла? Джеми посмотрел на своих друзей так, будто они помешались.

— Эксиа? — только произнеся имя девушки, он сообразил, что сказал слишком много. Есть нечто, о чем нельзя говорить. — Влюбился? Любовь не имеет к этому никакого отношения. Мне предстоит отвезти женщину к ее...

— Полногрудого воробушка, а? — со смехом поинтересовался Рис, пихнув Томаса под ребра. — Думаю, этой зимой мы будем кушать от пуза, если он положил глаз на наследницу Мейденхолла.

Однако Томас не улыбнулся.

— Кто такая Эксиа?

— Она поможет мне завоевать сердце наследницы, — угрюмо буркнул Джеми.

— Но я решил, что пышногрудый воробушек и есть наследница, — озадаченно произнес Рис.

— Нет, — возразил Джеми, уткнувшись в кружку. — Наследницу зовут Франческа. Я в жизни не видел более красивую женщину: золотистые волосы, ресницы, как опахала, румяные щеки, очаровательный ротик, совершенный подбородок. Она ожившая богиня.

Рис все еще ничего не понимал.

— Твой тон и твои слова противоречат друг другу. Ты описываешь чудо природы, но произносишь слова так, будто рассказываешь о мегере. Давай-ка, поведай нам, чем женщина с такой внешностью отбила у мужчины охоту общаться с ней?

— Она не умеет ни читать, ни писать, — ответил Джеми. — И ей нравится, когда с нее пишут портреты. Она... Рис рассмеялся.

— Истинная женщина. Раз ты слишком хорош для нее, то попытаю счастья я.

Джеми бросил на Риса такой взгляд, что тот окаменел.

— Я должен сделать то, что должен. Я должен думать о своих сестрах. И если наследницу можно завоевать, я сделаю это.

— Сомневаюсь, что эта задача будет столь уж тяжелой.

— Ты не видел, как она красива, — напомнил Джеми. — За ней придется долго и много ухаживать. Она к этому привыкла.

— В отличие от твоего полногрудого воробушка? — спросил Томас, изучающе глядя на Джеми.

Он был старше Риса и Монтгомери, которым еще не исполнилось тридцати. Ему же было почти сорок, и он достаточно повидал на своем веку, чтобы знать, как сделаться нужным человеку типа Джеми. Если Джеймс Монтгомери считал кого-то «своим», он заботился о нем, старался не нагружать работой и прилагал все усилия, чтобы связанные с ним люди ни в чем не нуждались.

Джеми улыбнулся.

— О, как я хочу быть свободным, — воскликнул он. — Быть сыном фермера и жениться, на ком пожелаю. — Он поднял свою кружку. — За свободу, — произнес он тост и залпом выпил эль.

Рис и Томас обменялись взглядами, прежде чем последовать его примеру. Не важно, как давно они знали Джеми — они все равно не понимали его. Он один из немногих, кому удалось увидеть наследницу Мейденхолла, — и он жалуется на ее красоту.

— За свободу, — хором сказали они.

Глава 5

— Ты видел его? — спросила Эксиа, чье лицо пылало от гнева.

— Нет, не видел, — ответил Тод, чистивший ногти перочинным ножичком. Он не хотел показывать Эксиа, как расстроен.

Когда дородный управляющий на руках внес девушку в дом, сердце Тода едва не разорвалось при виде ее бездыханного тела. Сначала он подумал, что она умерла. Он перенес ее в комнату, запер дверь и потребовал, чтобы послали в деревню за доктором. Когда же он понял, что Эксиа всего лишь упала в обморок, то не впустил к ней несчастного лекаря. Вместо этого он дал ей выпить бренди и заставил рассказать, что произошло. Пока девушка говорила, он старался скрыть от нее, как его испугало появление чужака, который мог причинить ей вред.

— Он не ходит, как обычные люди, он вышагивает, — заявила Эксиа и, соскочив с кровати, принялась изображать походку Джеймса Монтгомери. — Он строит из себя важную персону. Он закидывает голову и шествует с таким видом, будто владеет всей землей. Но почему? Потому что он граф? Ха! Мой отец каждое утро завтракает с двумя графами.

— Неудивительно, что это вызвало у него неудовольствие, — заметил Тод.

Но Эксиа не улыбнулась в ответ.

— Ты бы видел, как он увивался за дорогой кухней Франческой. Меня просто тошнило.

Тод усомнился, что все действительно происходило именно так, но промолчал, потому что согласен был с Эксиа насчет Франчески.

— Ты правильно поступила, солгав, будто она наследница. Иначе он похитил бы тебя.

— Нет, только не он. Только не Джеймс Монтгомери. Он хочет жениться на мне. На ней. Вернее, на золоте. — Девушка тяжело опустилась на стул. — Ну почему никто не замечает меня? Отец запер меня, как будто я совершила преступление. У преступников больше свободы, чем у меня.

— Наследницы и женщины твоего положения не выбирают мужей, — напомнил Тод, пытаясь образумить ее.

— Но мужчины перелезают через стену только ради того, чтобы увидеть ее. Увидеть, как она сверкает. Иногда я испытываю благодарность к своему отцу. Чем, по их мнению... — она махнула рукой, имея в виду тех, кто находится за пределами стен замка, — ...я занимаюсь целыми днями?

Тод понимал, что иногда вынужден исполнять отведенную ему роль шута.

— Ешь язычки колибри, приготовленные в соусе из жемчуга. А вечерами подсчитываешь драгоценности. Каждый день выбираешь шелка на платья.

Ни капли не развеселившись, Эксия сердито взглянула на него.

— Ты говоришь истинную правду.

— Мне платят за то, чтобы я заставлял тебя смеяться, а что может быть более веселым, чем правда!

Превозмогая боль — что-то сегодня изуродованные ноги слишком сильно беспокоили его — Тод оттолкнулся от стены.

— Сядь! — потребовала Эксия, зная, что Тод не любит, когда она жалеет его. — Мне неприятно, когда ты скрипишь своими костями.

— Прости меня за это, — проговорил Тод и опустился в кресло.

Комната была маленькой и скромно обставленной. Перкин Мейденхолл купил поместье потому, что оно являлось частью участка, который он мечтал заполучить. Когда родилась его дочь, он отослал ее сюда и запер за высокими стенами. Лишь Тод и Франческа разделяли с ней долгие годы одиночества. Тоду было двенадцать, когда его привезли к Эксии. Несчастный мальчик, жизнь которого была наполнена лишь страхом и болью, ожидал, что его мученья продолжатся и за высокими стенами поместья. Но восьмилетняя Эксия, своим характером уже мало походившая на ребенка, приняла близко к сердцу судьбу Тода. Благодаря ее заботе и любви мальчик научился смеяться и впервые узнал, что на свете существуют душевное тепло и доброта. Он не просто любил Эксию, он обожал ее.

— Этот Монтгомери должен сопровождать тебя — или Франческу? — с завтрашнего дня, — поддразнил ее Тод, пытаясь отвлечь, и его глаза, единственное, что было прекрасным во внешности этого несчастного, заблестели.

— Франческу, или меня, или тебя, — сердито буркнула Эксия. — Ему нужно только золото Мейденхолла. Если бы я напялила на тебя парик и представила как наследницу, он упал бы пред тобой на колени и признался в любви.

— Вот бы увидеть это, — мечтательно произнес Тод, проведя пальцем по шраму на шее. Немногие знали, что от плечей до середины бедер его тело было совершенным, а кожа ровной и гладкой.

Внезапно Эксия сникла и села. На ее лице появилось несчастное выражение.

— Неужели так будет в течение всего путешествия? Все мужчины отсюда до Линкольншира будут ухаживать за мной и лгать мне в лицо? А красивые молодые люди будут затаскивать меня в кусты и шептать слова любви в надежде заполучить деньги моего отца? — Девушка фыркнула. — Если бы они только знали! Мой отец ни за что не платит. Наоборот, ему за все платят. Только сын богача, такой как Грегори Болингброк, мог позволить себе заплатить огромные деньги, чтобы жениться на золоте отца.

Тод не перебивал ее. Он во всем был согласен с Эксией, но никогда не говорил ей об этом, потому что понимал: ей станет еще тяжелее. С детства ее окружали люди, которым платил (как можно меньше) ее отец. А те, кто шпионил за дочерью Перкина Мейденхолла и докладывал ему каждый ее шаг, получали премии. Для него Эксия являлась ценной

собственностью, и в его намерения не входило терять такую дорогостоящую вещь, как ее девственность, на которую мог позариться какой-нибудь безродный дружинник.

Таким образом, из поместья исчезали все молодые люди, кто хоть в малой степени привлекал внимание девушки. Окружавшие ее женщины так же часто сменяли друг друга, потому что могли оказать на нее дурное влияние. Надолго удалось задержаться лишь Франческе и Тоду. Наверное, глядя на Тода, никто не предполагал, что он способен разжечь нежные чувства в чьем-либо сердце. Однако в действительности Тод был единственным, кого любила Эксиа.

— О Тод, — с отчаянием воскликнула она. — Ты знаешь, что ждет меня в браке?

Тода радовало то, что Эксиа смотрит в потолок (который действительно нуждался в ремонте) и не видит страдания в его глазах. Он намного лучше нее знал, что ждет ее.

— Не будет никакой любви. Нет, я не настолько наивна. Жизнь в заключении прибавила мне мудрости и опыта. Наверняка с Грегори Болингброком что-то не так, если его отец согласился заплатить моему отцу за меня. Мне нечего надеяться на брак по любви со здоровым мужчиной. Интересно, у нас могут родиться дети? — Вдруг Эксиа резко опустила голову и взглянула на Тода, но тот успел отвернуться, поэтому она не поняла, что отражалось в его глазах. — Не отвечай! — закричала она. — Не хочу знать. — Вскочив, она раскинула в стороны руки. — Как бы мне хотелось хоть раз пожить нормальной жизнью! Посмотреть мужчине в глаза и увидеть, что он любит меня не из-за золота отца. Я не Франческа, которая не устает повторять на каждом углу, что является кузиной самой богатой наследницы на Земле. Тебе известно: я с большим удовольствием поболтала бы с кухаркой, чем с этими стариками, которые навещают меня по указанию отца.

Тод прищурился.

— Ты, дорогая Эксиа, поболтала бы с любым человеком за пределами этих стен.

— Вот бы увидеть мир! — Эксиа закружилась по комнате, и ее юбка образовала колокол вокруг ног. — Именно этого мне и хочется. Увидеть мир. — Она остановилась. — Но чтобы это сделать, я должна стать обычной, вроде... вроде Франчески. Да, быть обычной, как Франческа, — вот что я хочу.

Тод прикусил язык, чтобы промолчать. Он уже привык сдерживать себя, когда речь заходила о Франческе, и не высказывать своего мнения о ней. Когда Эксиа было двенадцать, она получила от отца письмо, в котором говорилось о том, что он направляет к ней компаньонку, ее тринадцатилетнюю кузину. Эксиа так обрадовалась, что Тода обуяла ревность. Девочка перевернула вверх дном все поместье, готовясь к приезду кузины. Она решила предоставить той свою комнату, лучшую в замке, и заново обставила ее. Тод начал было протестовать, но Эксиа сказала: «Если ей здесь не понравится, она не останется». На том обсуждение и закончилось. Всю жизнь Эксиа боялась чем-то не угодить отцу, и у нее вошло в привычку ничего не просить для себя. Однако она не колебалась обращаться к Мейденхоллу, когда тот, кто находился под ее опекой, в чем-либо нуждался. К приезду Франчески в приготовленной для нее комнате появились новые шторы, новый полог, новые подушки на стулья и кресла. Эксиа же сгорала от нетерпения.

В день приезда кузины никто не мог найти Эксию. Спустя некоторое время Тод обнаружил ее спрятавшейся за яблоней. «А что если я не понравлюсь ей? — прошептала девочка. — Если я ей не понравлюсь, она скажет об этом отцу, и он заберет ее». Тоду пришлось долго убеждать Эксию в том, что ее просто нельзя не полюбить, прежде чем она согласилась выйти навстречу

Франческе.

Но Эксию Франческе не понравилась. Тод, имевший довольно хорошее представление о внешнем мире и закаленный двенадцатью годами ужасов и мучений, сразу понял, что Франческа умеет получать то, что хочет. И действительно, ей удавалось многое вытянуть из всегда готовой услужить и заботливой Эксию. Неудивительно, что Джеймс Монтгомери принял Франческу за наследницу: ведь та разодета так, как следует одеваться наследнице Мейденхолла. И не только это: она вообще ведет образ жизни, подобающий лишь богатой наследнице. И чем больше давала ей Эксию, тем больше королева Франческа верила в то, что имеет право это брать. За семь лет пребывания в замке Тод много раз пытался образумить Эксию, просившую отца прислать все, что желала Франческа, будь то апельсины зимой или шелк какого-то определенного оттенка, но девушка лишь махала руками и отвечала: «Я получаю от этого удовольствие, почему бы не предоставить Франческе все, что ей нравится? У моего отца хватит денег».

Тод знал, что Эксию, такая одинокая, запертая в стенах замка, навсегда останется маленькой девочкой, которая боится чужих. Все эти годы она терпеливо заботилась о Франческе, хотя та ничего не давала ей взамен. В ответ на явную неблагодарность кухни девушка только изредка отпускала колкости в адрес той да притворялась, будто ей безразлично. А еще, с улыбкой подумал Тод, устраивала всякие розыгрыши: то рисовала уродливую старуху на зеркале Франчески, то подкладывала под подушку маргаритки, чтобы та чихала.

Резкое движение Эксию сразу вывело Тода из задумчивости.

— Я буду Франческой. — В глазах девушки запылал огонь.

— Да, конечно. Мы развесим в твоей комнате зеркала, как у нее, и выбросим все эти ужасные книги, которые ты так любишь. А потом... — Тод помолчал. — А кем же будет Франческа? — Но он уже обо всем догадался. — Нет! Твой отец...

— Ничего не узнает. Ему безразлично. Я скажу ему, что сделала это ради того, чтобы сберечь его самую большую драгоценность. Если на нас нападут похитители, то они увезут ничего не стоящую Франческу, а не меня. Уверена, случись такое, кухня бы быстро рассказала похитителям, кто она в действительности. Но нам ничего не грозит: ведь мы будем под охраной. Опасность нам не страшна.

— Потому что нас будет охранять Монтгомери, да? Он вбил тебе в голову такую чушь?

— Пусть он идет к черту, мне наплевать. У него нет чести, он не имеет представления о вежливости. У него нет души, он лжец.

Тод знал, что испытывает Эксию к тем, кто хотел быть рядом с ней лишь ради денег ее отца. Однажды она сказала о Франческе: «По крайней мере, ее дружбу нельзя купить. Я попробовала».

Подойдя к креслу, в котором сидел Тод, Эксию наклонилась и оперлась на подлокотники. Она, единственная в мире не отворачивавшаяся с отвращением при виде его лица, вплотную приблизилась к нему, и молодого человека захлестнула волна нежности.

— Ты ничего не понимаешь? — спросила она. — Это мой шанс. Я могла бы отправиться в путешествие под видом бедной компаньонки моей богатой кухни.

— И вправду бедной, потому что ты имеешь меньше, чем Франческа, — заметил он, с любовью

глядя на нее.

Чувства Тода не были тайной для Эксики, и, когда ей было необходимо, она использовала их, чтобы добиться от него желаемого. Она не сомневалась в том, что он является главным шпионом ее отца.

— Все зависит от тебя, — чарующе улыбнувшись, проговорила Эксики.

— Не втягивай меня. — Тод догадывался, что замыслила Эксики. — Ты думаешь, что можешь убедить меня в чем угодно. Это опасно. Ярость твоего отца...

— А как, по-твоему, он отреагирует на то, что меня похитят и потребуют выкуп? Его ярость будет пострашнее. — Эксики надеялась, что Тод не заметил слабого места в ее рассуждениях: ведь всего секунду назад она уверяла его в безопасности своей затеи. — Что ты почувствуешь, если отец откажется платить выкуп и меня убьют? — понизив голос, спросила она и поняла, что победила, когда глаза Тода заблестели. Захлопав в ладоши, она засмеялась и радостно закружилась по комнате. — Ни один человек не узнает, кто я! Никто не будет пялить на меня глаза, как нанятые отцом работники, впервые попадающие в замок! Никто не будет смотреть, что я надеваю и ем, не спросит, сплю я в шелках или нет. Никто не будет обсуждать каждое мое слово, потому что так, видите ли, сказала самая богатая наследница Англии. И мне не придется выслушивать предложения руки и сердца по три раза на дню.

Тод улыбнулся, потому что последнее заявление Эксики было явным преувеличением, однако ей постоянно бросали записки через стену. Молодые люди, располагавшиеся под стенами замка, пели ей серенады. В своих сонетах поклонники прославляли ее красоту и утверждали, что полюбили наследницу с того мгновения, когда мельком или издали увидели ее, забравшись на дерево. На это Франческа всегда говорила: «Должно быть, они увидели меня».

— А Франческа согласится? — осведомился Тод, чтобы выиграть время и собраться с мыслями. — Ты же прекрасно знаешь, как ей нравится всегда перечить тебе.

— Согласится ли она? — возбужденно воскликнула Эксики. — Естественно! Ты спрашиваешь, согласится ли она заполучить все? И золото, и красоту? Неужели ты сомневаешься, что именно этого она и хочет? — Она радостно рассмеялась. — Предоставь Франческу мне.

— Да поможет ей Господь, — очень тихо произнес Тод, но Эксики не услышала его.

Франческа спокойно сидела перед Эксикией. Комната кухни была в два раза больше комнаты наследницы. Главным украшением служили оправленные в дорогие рамы портреты Франчески.

— Ты хочешь, чтобы я стала тобой? — уточнила она. — И чтобы я рисковала своей жизнью? Ведь все преступники страны попытаются завладеть золотом твоего отца.

Эксики вздохнула.

— Тебе известно, что отец не отправил бы меня через всю страну, если бы мне грозила опасность. Губы Франчески тронула легкая улыбка.

— Допускаю, что тебе ничего не грозит. Но вот как насчет моей безопасности, если я буду выдавать себя за наследницу?

— При чем тут опасность? Ты говоришь так, будто нам придется отбиваться от бандитов,

скачущих на нас с мечами наголо. Завтра придут дружинники, которых отец нанял, чтобы сопровождать меня. Сопровождать нас. Никто никого не узнает. А те, кто видел нас здесь, ничего не расскажут. Никому до нас нет дела, — с горечью добавила Эксиа. Она собиралась снабдить Тода достаточной суммой, чтобы тот расплатился с обитателями замка за молчание. — Франческа, — продолжила она, — мы не собираемся путешествовать с такой же пышностью, как королева. Тебе известно, да не только тебе, но и всей Англии, до какой степени скуп мой отец. Мы поедем как обычные люди, и никто не догадается, что движется караван Мейденхолла. Все будут считать меня, нет, тебя дочерью купца. Это твой шанс...

— Хватит! — оборвала ее Франческа, подняв руку. Она встала, подошла к окну и выглянула наружу, затем повернулась к кухне и устремила на нее тяжелый взгляд. Ты всегда добиваешься своего, не так ли, Эксиа?

— Как ты можешь говорить мне такое? Я живу, словно в тюрьме.

— В тюрьме! Ха! Только бедняк знает, что такое тюрьма. Моя семья как была, так и остается бедной. Но ты, ты всегда имела все, что хотела. Если у тебя возникало какое-нибудь желание, стоило тебе попросить отца, и он мгновенно исполнял его. А здесь, в замке, ты олицетворяешь закон.

Эксиа сжала кулаки, но промолчала. Каждое слово Франчески было правдой, она действительно не представляла, что такое бедность. Люди за стенами замка голодали, она же жила в довольстве и роскоши. Но ей этого мало: она, неблагодарная, захотела свободы. Кухина умела повернуть разговор так, чтобы Эксиа почувствовала себя виноватой.

— Ладно, я дам тебе возможность узнать, что же это такое — не иметь никакой власти, — объявила Франческа.

Эксиа едва не задохнулась от возмущения.

— Власть? Ты думаешь, я обладаю властью? Франческа рассмеялась.

— Ты здесь королева, хотя не догадываешься об этом.

— Вовсе нет. Именно ты флиртуешь с садовниками, поддразниваешь других, именно ты...

— И это все, что у меня есть! Разве ты не видишь? Тебе не надо приказывать: «Откройте дверь!», потому что ее и так распахивают перед тобой. Ты не понимаешь, что все прекрасно осознают, кем ты являешься, и скажут перед тобой на задних лапках, чтобы добиться твоего расположения.

— Я стараюсь тратить на себя как можно меньше, ты же, как я слышала...

— Она слышала! О Эксиа, ты так наивна, что веришь в сказки. Ладно, посмотрим, что ты будешь чувствовать в роли простолюдинки. Но предупреждаю тебя: мы сыграем этот спектакль до конца. Я буду наследницей Мейденхолла до самого конца путешествия. Если через неделю или даже завтра ты придешь и скажешь, что хочешь вернуть все на свои места, я притворюсь, будто не понимаю, о чем речь. Только при этом условии я согласна осуществить твой план.

Эксиа вздернула бровь.

— Ты полагаешь, что легко быть человеком-легендой и жить, не зная, кто твой друг, а кто — враг? Три года назад меня едва не похитили. Думаешь, приятно постоянно испытывать страх?

— Точно так же, как я испытываю страх перед тобой? Тебе стоит лишь написать отцу и попросить его прогнать меня, и я снова стану бедной. Сейчас же все, что платит мне твой отец, я отсылаю отцу и младшим сестрам. Живя здесь с тобой, я лишилась шанса удачно выйти замуж. Запертая в замке, я не имею возможности встретиться с подходящим человеком. Надеюсь, благодаря Моей жертве сестры сделают хорошие партии.

— Я не прогоню тебя, — „тихо произнесла Эксиа. Она неоднократно пыталась уверить в этом Франческу, но та не верила. Если между ними возникал спор, кузина обязательно заканчивала его словами:

«Вот теперь ты прогонишь меня, и моя семья будет голодать».

Прошло несколько минут, прежде чем Франческа удостоила Эксию улыбки.

— Полагаю, нам следует заключить финансовое соглашение. Не думай, что я настолько глупа, чтобы за так рисковать своей жизнью.

Эксиа усмехнулась.

— Поверь, мне даже в голову не приходило, что ты согласишься сделать что-либо для меня лишь из чувства дружбы. Я взяла на себя смелость составить список того, что ты можешь получить в награду, — сказала она, разворачивая свиток.

Внимательно изучив документ, Франческа хмыкнула.

— Этого недостаточно. Я не собираюсь рисковать жизнью ради такой малости.

Эксиа, как обычно, была готова к подобному повороту дел.

— Может, присядем? — устало предложила она.

На торговлю с Франческой всегда уходило много времени.

Несколько часов спустя золото, драгоценности, дорогие ткани и даже годовой доход с земель, принадлежавших матери Эксиа, стали собственностью Франчески. Честно говоря, Эксиа ожидала, что ей придется заплатить гораздо больше.

Поднявшись, она свернула документ.

— Тебе не понравится быть на моем месте, — заметила она напоследок.

— И тебе — на моем, — ответила Франческа. Девушки торопливо пожали друг другу руку. Сделка состоялась.

Глава 6

Джеми пребывал в плохом настроении.

Дома, когда он и сестры шутили и поддразнивали друг друга, попытка добиться руки богатой наследницы казалась великолепной идеей. Ему действительно пора было бы жениться, мысль о браке не вызвала у него отвращения. Во-первых, ему давно надоело спать на голой земле или в кишасших клопами гостиницах. Во-вторых, ему хотелось вернуть то, что продали отец и брат, но на это требовались деньги. Ответ на все вопросы виделся в том, чтобы внушить богатой девушке, будто она любит его, причем так сильно, что готова умолять отца разрешить ей выйти

замуж не за того, кого он выбрал для нее.

И естественно, тщеславно размышлял Джеми, его кандидатура гораздо лучше, чем кандидатура того, с кем ей предстоит связать свою жизнь. Он Монтгомери, представитель древнего рода. Отсутствие у него денег с лихвой компенсируется титулами и голубой кровью.

Однако прошлой ночью, когда Джеми расплачивался с детишками, собравшими для него маргаритки, его начали мучить угрызения совести. Перкин Мейденхолл поручил ему эту работу, потому что доверял. Доверял. Он обязан защищать девушку от врагов и не должен сам превращаться в ее врага.

Разве он может поступить так по отношению к себе самому и к ней? Он не раз спрашивал себя, а получится ли у него что-нибудь. Несмотря на скромность, Джеми отлично знал, что нравится женщинам. Но каждый раз, когда он думал о том, чтобы ухаживать за красавицей Франческой, в его памяти всплывало ощущение тела Экси под собой. Он помнил, как его рука касалась ее груди, как девушка надменно смотрела на него. Наверное, именно это и привлекло его: она не растаяла от любви при виде него. Она стояла, гордо вскинув голову, и весь ее вид говорил:

«Я тоже чего-то стою!»

Мысли об Экси вызвали у Джеми улыбку, однако эта улыбка скоро угасла. Ему предстоит долгое путешествие, во время которого он, находясь рядом с Эксией, будет соблазнять наследницу Мейденхолла. Это бесчестный поступок, потому что он не любит ее и почти наверняка никогда не полюбит. Кроме того, она обручена с другим и...

— Ад и пламя! — вскричал Джеми. — Проклятье, да что же это такое!

Джеми остановил свою лошадь на вершине холма и, оглядевшись по сторонам, потер глаза. Этого не может быть! Наверное, во всем виноват предрассветный сумрак. К тому же вчера он очень поздно лег спать, проследив за тем, как маргаритки пришивали к плащу (на него ушла куча денег). И теперь этот плащ лежит в фургоне среди вещей, которые понадобятся ему самому и его людям во время путешествия. Да, пришлось немало потрудиться, чтобы подготовиться к встрече с наследницей Мейденхолла.

И сейчас, спускаясь с холма, Джеми не мог поверить своим глазам.

— Сколько их там? — спросил ехавший рядом Томас.

— Я насчитал восемь, — ответил Рис и спустя минуту добавил: — Похоже на бродячий цирк.

— Как же я смогу защищать ее? — ошеломленно проговорил Джеми.

Перед стенами замка, в котором была заключена наследница, стояло восемь фургонов. Но не простых. Шесть из них были сделаны из дуба, обитого железными полосками. И на каждом огромными буквами было выведено имя Мейденхолла. Фургоны скорее походили на сундуки для золота на колесах. Это было равносильно тому, как если бы Мейденхолл нанял трубача, чтобы тот оповещал всех о том, что везут ценности. Два остальных фургона были выкрашены в красный и золотой цвета. На всех четырех стенках были нарисованы рулоны тканей, над которыми летали херувимы. В Святой Земле Джеми видел так же ярко расписанные фургоны, но они предназначались для жен султана. Трудно было более явно объявить о том, что по стране путешествует наследница Мейденхолла и везет в фургонах свое приданое.

— Мы привлечем внимание всех воров в королевстве, — заметил Томас.

— И всех охотников за приданым, — добавил Рис. Джеми бросил на него уничтожающий взгляд. — За исключением тебя, конечно, — прокашлявшись, поправился он. — Я не имел в виду...

— Когда-нибудь ты заплатишься за свой несдержанный язык, — сказал Джеми и пришпорил лошадь. Томас придержал Риса.

— Сегодня он в дурном настроении. Нам не сдобровать, если мы не будем — помалкивать, — заключил он и поскакал за Джеми.

— Очевидно, его замучили угрызения совести, — пробормотал Рис. — Совесть — вот его слабое место. — И он последовал за Томасом.

Джеми действительно было трудно сдерживать себя. Он знал, что Мейденхолл всего лишь торговец, хоть и добившийся огромных успехов. Поэтому не следовало ожидать, что он имеет представление о военной тактике и стратегии. И все же с его стороны было большой глупостью отправить своего единственного ребенка через всю Англию в фургонах, которые, как обязательно подумает любой встречный, набиты золотом. Ведь тем самым он подвергает дочь опасности.

В сером свете утра Джеми увидел, что вокруг фургонов кто-то ходит. Наверное, кучеры. Но где же дружинники? Ведь даже Мейденхолл мог сообразить, что троим не под силу обеспечить охрану каравана!

Наконец Джеми увидел охранников, которые, потягиваясь и зевая, неторопливо выбирались из-под фургонов, и они сразу не понравились ему. Очевидно, Мейденхолл считает, будто сила определяется размерами. Это распространенное мнение ошибочно. Джеми знал: нельзя нанимать людей, руководствуясь теми же принципами, что и при покупке говядины, — по весу. Эти трое были одного с ним роста, но весили в два раза больше. По тому, как они двигались, Джеми заключил, что они никогда не проходили, военной подготовки.

«Я откажусь», — подумал Джеми, прекрасно понимая, что лжет самому себе. Мейденхолл в своем письме утверждал, что нанял Монтгомери потому, что доверял ему. Джеми и так назвал себя предателем из-за того, что пытается обманом жениться на него дочери. Его совесть не перенесет еще одного потрясения, если он оставит наследницу со всем ее золотом на попечение кого-то другого.

— Джеймс Монтгомери, — представился он, спешившись. Громилы, как он и предполагал, ответили ему дерзкими взглядами. Джеми едва не застонал вслух, так как понял, что придется доказывать им, кто тут главный. — Вас только трое?

— Никто на это не жаловался, — заявил один из громил, похлопав себя по груди. — Вообще-то достаточно и одного. — Он посмотрел на приятелей, и те нагло ухмыльнулись.

«Жирные, — подумал Джеми. — У них и тела, и мозги заплыли жиром».

— Ты кое-кого забыл, — сказал другой, сдерживая смехок. — Нас четверо. — Тут все трое громко расхохотались.

Наконец один из них пришел в себя и указал куда-то пальцем.

— Вон четвертый.

Рядом с фургоном стоял высокий и худощавый юноша с бледным лицом. У него на бедре висел меч, да такой древний, что создавалось впечатление, будто им воевали римляне. Юноша робко улыбнулся.

Джеми воздел руки к небесам и направился к дереву, под которым его ждали Рис и Томас.

— Мы замаскируем фургоны, — сказал Джеми в ответ на вопросительный взгляд Томаса. — Если оставить их в таком виде, то мне понадобится сотня солдат, чтобы охранять их. А от этой жирной троицы я избавлюсь, как только смогу. Пока же мне придется поладить с ними.

— А мальчишка? — напомнил Томас.

— Отправим его домой к мамочке. Идите и потолкуйте с кучерами. Что касается тебя, Рис, то не ввязывайся в драку с этими бандитами. Мне бы не хотелось, чтобы ты сегодня проявлял свой темперамент.

Рис сердито посмотрел на Джеми и кивнул. Честно говоря, ему сразу не понравилась эта троица, и он только и ждал повода, чтобы сбить с них спесь.

— Ах эти купцы! — пробормотал Джеми. Подойдя к воротам, он обнаружил, что они заперты, и позвонил. Безрезультатно. Он позвонил еще раз, но с тем же успехом.

Повернув голову, Джеми обнаружил, что трое громил стоят у него за спиной. По их виду он мгновенно понял, что они намереваются с самого начала установить свое главенство.

— Мы должны предупредить тебя, — ухмыляясь, заявил один из них, — насчет «этого».

Но у Джеми не было времени на препирательства.

— Откройте ворота! — заорал он.

Как он сможет защищать одинокую женщину, если она едет в фургонах, набитых золотом? А вдруг что-то случится с Эксией? Нет, поправил он себя, с Франческой, наследницей.

Джеми был так погружен в свои мысли, что не слышал разговора громил.

— Ты видел «это»? — спросил один, наклонившись к уху Джеми. — Я даже не могу назвать «это» мужчиной. Коротышка с лицом, как кусок мяса. Урод. — Джеми не повернулся. Не решился. Ведь и Беренгарию нередко называли уродом. — Если «это» выйдет к нам, я не уверен, что не расстанусь со своим завтраком. — Остальные рассмеялись, сочтя его шутку верхом остроумия. — «Это» не может ехать с нами. Я не смогу без тошноты целыми днями смотреть на его рожу.

— Мы скормим его собакам, вместе с нищими и слепыми, — добавил другой.

В следующую секунду кулак Джеми, которым он барабанил в ворота, обрушился на наглеца, и тот рухнул на землю. Наступив ему на горло, Монтгомери приставил меч к шее второго. Словно из ниоткуда появились Рис и Томас. Томас занялся третьим, а Рис тем, который лежал на земле.

— Прочь отсюда, — процедил Джеми сквозь стиснутые зубы. — Убирайтесь, пока я не пустил вам кровь. Вот была бы потеха!

Он видел, что громилы горят желанием отомстить ему, и знал, что нельзя поворачиваться к

ним спиной. Однако у него хватило выдержки дожждаться, когда они побрели прочь, бормоча что-то себе под нос.

— И как же мы будем охранять фургоны? — поинтересовался Томас, возвращая меч в ножны.

Он слышал, как громилы произнесли слово «слепые», и понимал, чего те избежали.

— А что делать с мальчишкой? — спросил Рис, обеспокоенный не меньше, чем Джеми и Томас. — Нам предстоит охранять женщин, и у нас не будет времени возиться с детьми.

Внезапно Рис оказался на земле, а юноша склонился над ним и приставил к груди свой древний меч.

— Проткнуть его, милорд? — осведомился он. В отличие от Риса Джеми, Томасу и кучерам, наблюдавшим за происходящим со стороны, ситуация показалась забавной. Когда Рис шевельнулся, собираясь преподать юноше урок, Джеми взмахом руки остановил его.

— Как тебя зовут? — обратился он к юноше.

— Смит, сэр.

— Ты уже успел побывать в битве?

Джеми прекрасно понимал, что Смиуте еще не доводилось участвовать в сражениях, но решил испытать честность юноши, лицо которого было таким же простым и бесхитростным, как маргаритки, пришитые на плащ.

Не вызывало сомнения, что первым порывом Смита было выдумать какую-нибудь леденящую душу историю, но затем он усмехнулся.

— Единственное, чем я занимался, — это помогал отцу на ферме, сэр.

Томас и Джеми улыбнулись, и даже у Риса приподнялись уголки губ. Он не был злопамятен, а юноша показал, что наделен отвагой.

— Ты нанят, — объявил Джеми.

Приказав юноше принести из фургона плащ, он вновь повернулся к воротам. Но прежде чем он успел коснуться звонка, створки распахнулись, и перед ним появилось «это». Джеми увидел молодого человека с пропорциональным телом, но с кривыми короткими ногами. Левая сторона лица была изуродована длинными глубокими шрамами, которые спускались на шею и исчезали за воротом рубашки. Когда-то эти шрамы срослись неправильно, стянув мышцы, и теперь он напоминал карикатуру на человека. Очевидно, когда раны были открыты, в них ввели какое-то вещество, чтобы они навсегда остались красными и узловатыми. Нетрудно было предположить, что уродство этого человека не является врожденным.

Рис и Томас отшатнулись при виде несчастного, но только не Джеми.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Тод, — ответил молодой человек, спокойно встретив его взгляд.

Он знал, что несколько минут назад произошло по ту сторону ворот, что и кем было сказано и как на все отреагировал этот рыцарь.

— А каково твое настоящее имя? — продолжил Джеми. Он нахмурился, вспомнив, сколько раз ему приходилось доказывать, что Беренгарию зовут вовсе не Слепой.

Впервые посторонний человек обратился к Тоду с подобным вопросом. Единственной уступкой самолюбию было то, что он отказался от имени Тэуд, каким называл его отец.

— Не знаю, — ответил он, — но Тод меня вполне устраивает.

Он отошел в сторону, чтобы пропустить Монтгомери и его людей. Когда Джеми проходил мимо молодого человека, он ободряюще похлопал того по плечу и тем самым навечно завоевал его преданность. Лишь Эксия не брезговала дотрагиваться до него, да и то редко. Больше ни один человек на свете не показывал ему своей дружбы таким образом.

Тод заспешил вслед за Джеми, стараясь не отставать от него. Даже он видел, что рыцарь не в том настроении, чтобы можно было позволить с ним вольности, но не осуждал его за это. Ему тоже не хотелось путешествовать по стране в этих обитых железом сундуках с именем Мейденхолла, выведенным на стенках. Эксии будет постоянно угрожать опасность. Нет, поправил он себя, Франческа, потому что ей предстоит выдавать себя за наследницу Мейденхолла. Тод с трудом подавил готовый вырваться стон. Эксии придется заплатить всем, кто проживает в поместье, за ложь. Хвала Господу, они пробудут в замке всего несколько часов, прежде чем покинут его навсегда.

Джеми попытался овладеть собой. В его душе смешались страх за женщину и вина перед ней. Что бы ни случилось, он будет всегда относиться к ней с подобающим уважением, поклялся он.

Франческа ждала их в комнате, расположенной рядом с парадной дверью. Стена, на которой была изображена сцена из греческой легенды, служила ей великолепным фоном. Джеми улыбнулся, но не Франческе, а своим мыслям, потому что наследница Мейденхолла выглядела именно так, как ее изображала Джоби. Платье из темно-зеленой шелковой парчи весило, наверное, столько же, сколько маленький пони. Корсаж украшала золотая вышивка. Белизну кожи подчеркивали изумруды, а жемчужины в серьгах были такой величины, что, если продать их, можно было бы оплатить продолжительную войну. Даже в волосах наследницы сверкало множество драгоценных камней.

— Лорд Монтгомери, — произнесла она, протягивая руку. Джеми поцеловал ее, обратив внимание на то, что на каждый палец надето кольцо. — Итак, вам предстоит проводить меня к жениху.

— С вашего позволения, — с улыбкой сказал Джеми и, вытащив из внутреннего кармана куртки свиток, протянул его наследнице. Та уже собралась взять его, но он внезапно отдернул руку и покраснел. — Разрешите мне прочитать вам письмо от вашего отца. «Монтгомери, — начал он, — хочу поручить вам...»

Франческа подняла руку.

— Полагаю, будет лучше, если я сама прочту его. Глаза Джеми расширились от изумления.

— Вы умеете читать? — Все, кто находился в комнате, замерли, услышав столь странный вопрос. — Я имел в виду... — пробормотал Джеми, еще сильнее покраснев, и прокашлялся. — Я не хотел вас обидеть. Мне сказали...

— Он не может поверить, что такое прекрасное создание, как ты, умеет читать. Твои способности — это оправа из бриллиантов, подчеркивающая красоту редкой жемчужины. Не

правда ли, милорд? — выглянула из-за Франчески Эксиа.

Она была ниже кухни и одета беднее. Рядом с наследницей, которую можно было сравнить с экзотической птицей, она выглядела серым воробушком. Однако светло-коричневое платье с белой вышивкой на рукавах удивительным образом подчеркивало величину ее глаз, блестящих ярче, чем драгоценности Франчески.

Джеми устремил на Эксию сердитый взгляд, и та поняла, что именно он думает о ее лжи.

В этот момент Джеми вспомнил о плаще. Без сомнения, Франческа ненавидит маргаритки. Если женщина одевается так, как наследница, она не будет предпочитать простенькие маргаритки другим цветам. Но, с другой стороны, на свете не существует женщины, которая не любила бы цветы. К тому же у него нет другого подарка. Лучше уж подарить плащ, чем вообще ничего.

— Госпожа Мейденхолл, — заговорил он, вежливо улыбаясь Франческе и стараясь не обращать внимания на Эксию, ухмыляющуюся за ее спиной, — у меня есть подарок для вас.

— Вот как?

Судя по тону, Франческа была очень довольна, но Джеми все еще сомневался в этом. Наверняка наследница Мейденхолла получает подарки по несколько раз на день.

Внезапно Джеми захотелось стереть ухмылку с лица Эксиа.

— Ничего особенного, — произнес он. — Нечто, не заслуживающее особого внимания, для той, кто славится своей красотой.

— О, вы меня заинтриговали, — восторженно воскликнула Франческа, ни на секунду не забывая о присутствии Эксиа. — Прощу вас, покажите мне подарок.

— Обязательно, — согласился Джеми, — но только закройте глаза.

Франческа с радостью выполнила его просьбу.

— Хорошо.

Джеми подал знак, и в комнату вошел Смит с красным бархатным плащом, переброшенным через руку. Джеми с нежностью набросил одеяние на плечи Франчески, затем надел ей на голову капюшон и завязал тесемки на шее. Аромат маргариток окутал девушку.

Франческа, которая все это время в предвкушении сдерживала дыхание, вздохнула, и ее горло сдавил спазм.

— Вот, — сказал Джеми, отступая и окидывая ее внимательным взглядом.

В красном плаще, отороченном крохотными букетиками маргариток, наследница напоминала фею из сказки, богиню весны.

Франческа, чувствующая себя как-то странно, огляделась по сторонам и внезапно увидела цветы на капюшоне.

— Маргаритки! — выдохнула она.

Джеми не ожидал столь бурной реакции и похвалил себя за то, что сделал столь желанный подарок.

Поднеся руки к шее, Франческа принялась лихорадочно развязывать тесемки, но они никак не поддавались. В следующее мгновение она закатила глаза, побледнела и стала оседать.

Озадаченный, Джеми успел подхватить ее и усадил на приоконную скамью.

— Вина! — приказал он.

Эта женщина больна? Поэтому ее всегда держали взаперти? Очевидно, болезнь медленно отнимает у нее жизнь? Он поспешно откинул капюшон, развязал тесемки плаща и уложил ее голову к себе на колени. Ему показалось, что за последние несколько секунд она побледнела еще сильнее. Неужели она умирает?

— Вина, черт бы вас побрал! Пошлите за доктором. Но к нему, с кувшином в руке, уже спешил Тод на изуродованных ногах. Увидев маргаритки, он отшвырнул кувшин.

— Снимите с нее плащ.

— Что? — Джеми решил, что ослышался.

— Цветы. От них она чихает, у нее кружится голова. Снимите с нее плащ!

Джеми в считанные секунды сдернул с Франчески плащ и отбросил его Смиту, который тут же вылетел из комнаты. Затем он попытался открыть окно. Раму перекосило, она не открывалась, и Джеми толкнул ее ногой.

Едва Франческа оказалась на свежем воздухе, она задышала, хотя все еще походила на мертвеца.

Немного успокоившись, Джеми обдумал ситуацию и догадался, кто все это затеял: Эксиа. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, зачем она подстроила так, что Франческа чуть не умерла: ею двигала зависть к более богатой и более красивой кузине.

Он оглядел комнату, в которой собрались все дружинники и слуги замка, в поисках Эксиа. Она стояла, словно каменная, ее лицо ничего не выражало, однако Джеми мог поклясться, что ни одна слезинка не скатилась по ее щеке. Но что ей давала смерть кузины? Неужели она становилась наследницей?

Сотвори такое мужчина, Джеми обнажил бы против него свой меч. Но Эксиа не была мужчиной. В его глазах она даже не была женщиной.

— Ты думаешь, тебе... — возмутилась Эксиа, когда Джеми, схватив ее за руку, потащил за собой.

Внимание присутствующих быстро переключилось с Франчески на Эксию. Несмотря на то что им заплатили за молчание, они знали, что именно Эксиа является наследницей Мейденхолла и что именно ей надо подчиняться при любых обстоятельствах.

— Ах ты, подлая лгунья, — заявил Джеми и, сев на табуретку, дернул Эксию так, что она упала ему на колени лицом вниз.

— Прекрати! — закричала она. — Как ты смеешь? Я... Сильный шлепок пониже спины заставил

ее замолчать.

— Из-за тебя она могла умереть, — отрезал Джеми, еще раз шлепнув ее:

— Я выцарапаю тебе глаза! — закричала Эксия. — Мой отец...

— ...поблагодарит меня! — заявил он. — Ему давно надо было бы выпороть тебя. Ты лгунья, ты негодяйка, которая думает только о себе.

С этими словами он спихнул ее с колен, и она упала на пол.

Покраснев от унижения, Эксия села и посмотрела на окружавших ее людей. Все знали правду, но ни один из них не шевельнул пальцем, чтобы помочь ей. И где Тод?

Взгляд Эксии упал на Франческу, которая стояла, опираясь на подоконник. Унижение Эксии доставило той такую радость, что ее щеки окрасил нежный румянец. Она прекрасно знала, что кухня даже в мыслях не имела причинить ей вред. Обнаружив, что Франческа чихает от запаха маргариток, Эксия не раз подсовывала цветы ей под подушку, в шкаф, в одежду, — куда угодно. Никто из них не предполагал, что реакция может быть столь губительной. Но почему же Франческа не скажет этому подлецу правду — что это не больше чем розыгрыш.

— Он собирается заграбастать твои деньги! — через всю комнату закричала Эксия. Джеми остановился. — Он собирается ухаживать за тобой, чтобы ты уговорила отца выдать тебя за него!

Как он посмел унижить ее! Пусть теперь Франческа узнает, что это такое, когда тебе улыбаются не потому, что ты красива, а потому, что у твоего отца много денег.

Джеми словно прирос к полу. Когда он увидел эту девушку вчера, она ему очень понравилась, очень-очень. Как он мог так ошибиться? Неужели он совсем не умеет судить о людях?

— Надеюсь, он преуспеет, — как можно громче ответила Франческа.

Все расхохотались. Джеми тоже улыбнулся и покинул комнату. Он продолжал улыбаться, пока шел к таверне, куда его влекло вполне объяснимое желание выпить и забыть обо всем.

Глава 7

Эксия иступленно била кулачками по подушке. Она не хотела, чтобы все так получилось! Она не собиралась убивать Франческу, как, кажется, считают все! Она просто хотела заставить ее расчихаться. Откуда ей было знать, что бесхарактерная кухня начнет задыхаться от какого-то букетика маргариток? Даже Тод смотрел на нее с осуждением.

А этот Монтгомери! Эксия навзничь упала на кровать. Когда они познакомились, она понравилась ему. Без сомнения. Не деньги отца, а она сама.

Сейчас же он, естественно, пожирает глазами Франческу и фургоны, набитые всяким добром, а в ее сторону даже не смотрит.

После утреннего происшествия Эксия заперлась в своей комнате и принялась упаковывать краски и кисти, угольные и восковые карандаши, а также мольберт. На это ушел почти весь день. Наверное, следовало бы пойти попрощаться с людьми, которые окружали ее в этой прекрасной тюрьме, но отец так часто менял их, что она не успела ни к кому привязаться,

кроме Тода. И Франчески, если их отношения можно назвать привязанностью.

Глаза девушки обожгли слезы, но она усилием воли подавила желание разрыдаться. На свете нет человека, способного понять, что она чувствует. Да и кто будет жалеть богатейшую женщину Англии? Никто. Даже в детстве никто ей не сочувствовал, а однажды, когда она плакала, помощник садовника сказал: «Возьми золото и вытри слезы». Все, кто жил или приезжал в замок, находились рядом с ней не по собственной воле. Всем, кого она встречала на своем жизненном пути, платил ее отец.

Она уже привыкла наблюдать за тем, как меняется выражение глаз у тех, кого ей представляют. Иногда в замке появлялись молодые люди, не знавшие, кто она такая, Они оценивающе разглядывали ее и либо проявляли интерес, либо отворачивались. Но когда им сообщали, что перед ними легендарная наследница Мейденхолла, — о, она была не настолько изолирована от мира, чтобы не слышать об этом, — их взгляд менялся. У тех, кто прежде проявлял к ней интерес, в нем отражалось подобострастие, а у тех, кто оставался равнодушным, в глазах загорался огонек. Она не помнит ни одного случая, чтобы в людях не происходили подобные перемены. И не только во взгляде, но и в тоне, и в манерах. Одни были грубы с нею, чтобы показать, будто им все равно, какое положение она занимает. В детстве ей не раз говорили, что не позволят себя унижать — как будто было предрешиено, что она чудовище. Любимым изречением ее учителя было:

«Деньги твоего отца не дают тебе права...»

— Деньги моего отца не дают мне свободы, — громко произнесла Эксиа.

Свободы гулять по деревенской ярмарке, смотреть представление кукольного театра; свободы внушать людям искренние чувства, будь то любовь или ненависть.

— И права иметь нормальную семейную жизнь, — прошептала она, сглотнув комок в горле.

Тот, кто запер за высокими стенами своего единственного ребенка, создав вокруг него ореол тайны и тем самым увеличив его стоимость, не собирается размениваться на сильного здорового мужа. Эксиа ничего не знала наверняка, но догадывалась, что у Грегори Болингброка есть какой-то серьезный недостаток. Когда она принималась расспрашивать о нем тех, кто прибывал от отца, они начинали нести какую-то чушь. В конце концов девушка предположила, что ее нареченный сумасшедший. Или у него какая-то наследственная болезнь. Или порок. Или и то, и другое, и третье. Каким бы он ни был, его отец согласился заплатить Мейденхоллу целое состояние, — при условии, конечно, что после смерти того наследство переходит к Эксиа, — чтобы ввести в свою семью его дочь.

Эксиа знала своего отца лучше, чем кто-либо на земле. Она не удивилась бы, услышав, что перед смертью он все продал, а вырученные деньги закопал, и никому не известно, где именно. Он вполне может руководствоваться принципом: «Сам не дам, и другим не дам». Ему всегда нравилось запираить на замок все, чем он владел.

Завтра начинается интереснейшее приключение в ее жизни. У Эксиа не было иллюзий насчет того, что ждет ее в браке с Грегори Болингброком: свободы она получит не больше, чем сейчас. Отец хотя бы разрешал ей рисовать. А что, если ее муж — или его отец, который, кажется, управляет всем, — считают, что женщине можно лишь шить и молиться?

— А-а-а! — застонала девушка, вновь забив кулачками по подушке.

Она поступила правильно, решив отказаться от положения наследницы Мейденхолла на все

путешествие. О, в последний день ее пребывания в замке все его обитатели в полной мере насладились возможностью не открывать перед ней двери. Кухарка даже посмела выгнать ее из кухни, а один из слуг обругал ее за то, что она мешаетя у него под ногами. Однако ничего более ужасного не произошло. Видимо, им нравилось делать вид, что она обычный человек.

Но в собственных глазах Эксиа и в самом деле была обычной. «Обычна, как сорняк на клумбе», — однажды, еще в детстве, заметила Франческа.

«Зато так же сильна», — отпарировала Эксиа и толкнула кузину на только что унавоженную клумбу.

— Я обычная, — громко сказала она. — Обычная, но не свободная.

Итак, спросила себя девушка, что сделал бы на ее месте обычный человек? Извинился бы перед Джеймсом Монтгомери и подружился бы с ним. Ее реакция на собственные размышления была мгновенной: «Лучше я буду есть землю».

Вспомнив, как он смотрел на красавицу Франческу, Эксиа сжала кулаки так, что ногти впились в ладонь. Только вчера он смотрел на нее, и в его глазах читался интерес, — и вот сегодня он увивается вокруг богатой Франчески.

О том, что он устроил утром, Эксиа отказывалась даже думать. Очевидно, смех, то и дело звучавший во всех закоулках замка, имел некоторое отношение к тому, что она пряталась, э-э, нет, большую часть дня провела в своей комнате.

— Будь он проклят! — воскликнула она. Он даже не посчитал нужным расспросить ее, просто допустил, что она ревнива, мстительна и... и способна на убийство!

На глаза вновь навернулись слезы, но Эксиа сдержала себя. Ее взгляд упал на шелковую салфетку с вышитым девизом «Carpe diem». Пользуйся сегодняшним днем. Лови момент. Это был ее девиз. Бери все, что дает тебе каждый день. Лови солнечный свет, тащи малиновый пирог с подоконника, наслаждайся поцелуем, если есть возможность, бодрствуй всю ночь и не думай, что произойдет завтра. Тод сказал, что однажды у нее возникнут серьезные неприятности, если она будет руководствоваться этим девизом, на что Эксиа рассмеялась и ответила: «Надеюсь. Зато мне не скучно».

«Неприятности — вот чего я хочу, — подумала девушка и рассмеялась. — Мне следует появиться на ступенях дома Грегори беременной. Это перечеркнет договор. — Улыбка исчезла с ее губ, и она сморщилась. — Или хотя бы избавит меня от необходимости рожать ребенка от сумасшедшего».

Внезапно Эксиа сообразила, что начало смеркаться, но никто не пришел, чтобы зажечь свечи в ее комнате. Сегодня люди показали наследнице Мейденхолла, что они не хуже ее.

Эксиа стало безумно жаль себя. Нахмурившись, она спрыгнула с кровати, расправила платье, расчесала и собрала волосы и направилась к двери. Уже находясь у порога, она, поддавшись порыву, повернулась, подбежала к небольшой этажерке под окном и схватила лежавший на ней чепец. Это была единственная вещь, оставшаяся у нее после матери. Чепец был шит из нескольких слоев темно-синего шелка и украшен сказочными животными: драконами, единорогами и грифонами. В детстве она часами рассматривала его. Чепец был единственной вещью, которой девушка дорожила больше всего на свете. Она редко надевала его — только в тех случаях, когда ей надо было успокоиться. Как сейчас.

Прохладный весенний воздух был напоен ароматом цветущих деревьев. Она не станет скучать по тем, кто жил рядом с ней в поместье, сказала себе Эكсия, на бегу закалывая булавкой чепец, но ей будет не хватать этого сада.

Ей никто не встретился, потому что обитатели замка ужинали.

Пройдя вдоль северной стены, расположенной дальше остальных от замка, Эксия заметила, что в одном месте железные шипы обломаны. «Надо бы попросить кого-нибудь починить», — подумала она и подняла голову. Внезапно ее взгляд упал на ветку дуба, нависшую под стеной. Кора была сильно повреждена. В первую секунду ей стало любопытно, какие действия садовников могли привести к тому, что на ветке почти не осталось коры.

— Так вот как он пробрался, — изумленно произнесла Эксия и огляделась, испугавшись, что ее услышат. Но вокруг никого не было.

Итак, он закинул на ветку веревку, а затем перебрался через стену. Нет ничего проще, когда знаешь, как это сделать.

Ни минуты не колеблясь, Эксия приподняла юбки и побежала к сараю, чтобы добыть веревку. Спустя некоторое время она уже находилась по другую сторону стены.

На мгновение девушка прислонилась к камням, хранившим дневное тепло. Вдали виднелись дома, поля, пастбища. Она даже различила людей — незнакомцев, которым не платит отец, — прогуливавшихся по улицам. Ее сердце учащенно забилось, и она, охваченная страхом, уже собралась вернуться назад, под защиту стен.

Но страх уступил место любопытству, когда слева от себя, за углом, Эксия услышала мужские голоса.

Осторожно, стараясь не шуметь, она подкралась к углу и, выглянув, увидела три палатки, над одной из которых развевался штандарт с тремя золотыми леопардами.

— Может, если бы я запихал ему в глотку бочонок сахара, его настроение улучшилось, — донеслось до Эксии.

Она отпрянула, но успела узнать беседовавших мужчин: эти двое были с ним. С тем, кто... Она ни за что не вспомнит об этом!

— И бочонок тоже? — поинтересовался другой.

— И бочонок. Широким дном вперед.

«Интересно, о ком они говорят?» — спросила себя Эксия. Чье настроение надо улучшить? Не ее ли? Только бы не ее. Нет, первый сказал «его».

— Что-то страшно расстроило его, — заметил второй. У него был очень приятный голос, но по тону можно было заключить, что он старше своего собеседника.

— Сомневаюсь, что дело в наследнице. Ну и красавица! Хорошая, мягкая, скромная. Неудивительно, что отец держал ее взаперти.

Пальцы Эксии сжали шершавый камень.

— Думаю, его беспокоит та, другая, — продолжал дружинник.

Первый фыркнул.

— Эта милашка? Верно, ее грудь действительно может свести с ума, но только ненормальный согласится жить с мегерой. Вон он. Прячься.

Эксия в изумлении так широко распахнула глаза, что они заболели. Грудь, способная свести мужчину с ума? Ее грудь? Значит, «та, другая» — она? Она опустила глаза на свою грудь, будто видела ее впервые. Ведь ей действительно неудобно спать на животе. Но как она может судить о размере своей груди, если ей не с чем сравнивать?

Природа давно погрузилась в ночной мрак, но глаза девушки успели привыкнуть к темноте. Она увидела, как худощавый юноша — один из охранников, нанятых отцом, — выскользнул из палатки со штандартом и поспешил к дороге, ведущей в деревню. Через секунду оттуда вышел «он» и растворился во мраке.

Сжигаемая любопытством, Эксия подбежала к палатке и пробралась внутрь. Что он за человек? Единственная свеча отбрасывала тусклый круг света, оставляя углы палатки в темноте. Скромное убранство составляли складные стол и стул и узкая кровать, застеленная суровыми простынями и покрытая шерстяным одеялом. Его одежда лежала на большом кожаном дорожном сундуке, и девушка, не удержавшись от соблазна, погладила мягкий бархат и нежный атлас.

Эксия отлично знала: отец никому никогда не платил столько, чтобы хватало на такие дорогие наряды. Непрошенная мысль пронзила ее сознание: наряды для ухаживания. Одежда, сшитая специально для того, чтобы соблазнить наследницу.

Девушка с отвращением отдернула руку и внезапно услышала шум. Он возвращается! Он уже откинул полог! Она поспешно задула свечу.

— Кто здесь? — с угрозой спросил Джеми, и Эксия увидела, как в его руке блеснул металл.

Неужели он убьет ее за то, что она пробралась в его палатку? Она судорожно сглотнула и испуганно пролепетала:

— Это я.

— О, — ровным голосом, лишенным каких-либо эмоций, проговорил Джеми. — Раздевайся и ложись. Я вернусь через минуту.

У Эксии от удивления отвалилась челюсть. Он забыл, кто она такая? Что он себе позволяет? Она не видела, как он нахмурился.

— Ты та, кого прислал Смит, верно? — уточнил он. Джеми трудно было сосредоточиться, потому что он немало выпил за этот день.

— Д-да, — брякнула Эксия.

«Пусть лучше он считает меня деревенской девчонкой, чем той, кто утром вызвал его ярость».

— Отлично! Раздевайся и зажги свечу. Я хочу посмотреть, за что плачу.

И тут Эксия все поняла. «Боже мой! Платит!» Он решил, что она...

— Зажги свет, я сказал, — рявкнул Джеми.

— Нет! — в панике закричала Эксиа и сразу же взяла себя в руки. — Не могу, мой господин. — Она немного изменила голос.

— И почему же ты не можешь зажечь свет? — раздраженно осведомился Джеми.

Эксиа лихорадочно соображала.

— Я уродлива, сэр. Я очень, очень уродлива. Оспа. Просто жуть. — Даже на расстоянии она почувствовала его отвращение. — Но, — многозначительно (во всяком случае она надеялась, что в ее тоне слышится намек) добавила она, — мне говорили, что у меня грудь, способная свести мужчину с ума.

Джеми негромко рассмеялся.

— Полагаю, я должен это проверить, правильно? — спросил он и шагнул к ней.

Что теперь? Открыться? Если он посмел отшлепать ее на глазах у всех домочадцев, то что он сделает теперь, когда они одни? А что он сделает, если она продолжит выдавать себя за другую?

«Carpe diem», — внезапно промелькнуло в ее мозгу. Лови момент.

Он стоял перед ней, но в темноте Эксиа не видела его, лишь чувствовала его присутствие. Она ощущала запах его дыхания, спокойного и в то же время мощного. Ее немного шокировало то, что от него пахло вином.

— Ну? — произнес Джеми, будто ожидая от нее чего-то.

«Но чего? — недоумевала девушка. — Что я сброшу одежду и...»

— Я девственна, мой господин, — пробормотала она.

— Что?!

— Да, — более уверенно сказала она. — Я девственна. Просто я хорошо умею притворяться.

Догадавшись, что он хмурится, Эксиа прикоснулась пальцем к его мускулистой груди.

— Уверена, мой господин, — прошептала она, — вам хотелось бы провести ночь с девственницей. У которой грудь, способная свести мужчину с ума. Поколебавшись, Джеми тихо произнес:

— Да, ты права.

Эксию потрясли не сами слова, а то, как они были сказаны, и ее словно обдало жаром. Теперь можно возвращаться в свою комнату и жить спокойно, потому что она наконец-то почувствовала, что мужчина возжелал именно ее.

Она сделала шаг, но Джеми совершил нечто, заставившее ее замереть: он накрыл ладонью ее грудь. От изумления Эксиа лишилась дара речи. Но она все равно не смогла ничего сказать, когда вновь обрела способность говорить, потому что Джеми приник к ее приоткрытым губам.

Его поцелуй был нежным и ласковым, и Эксиа потянулась за ним, когда он отстранился.

— Ты великолепная актриса, — прошептал он, одной рукой продолжая ласкать ее грудь, а другой поглаживая по щеке. — Я бы подумал, что ты никогда прежде не целовалась.

— А я и не целовалась. Ты научишь меня? Не ответив, Джеми опять поцеловал ее. «Как приятно, когда до тебя дотрагиваются, — подумала Эксиа. — Какое же это наслаждение!» В соответствии с приказами ее отца, ни один человек, будь то женщина или мужчина, не смел приблизиться к ней. Это делалось в целях сохранения здоровья наследницы. Один Тод касался ее, но только когда рядом никого не было, да и то лишь до щеки и кончиками пальцев.

Не удержавшись, Эксиа прижалась губами к его ладони, и он принялся покрывать поцелуями ее шею, лицо. Девушка все сильнее льнула к нему.

— Меня зовут Джеми, — проговорил он. — А тебя?

— Диана, — прерывающимся голосом ответила Эксиа.

Как прекрасно чувствовать прикосновения его кожи, как прекрасна близость его сильного тела!

— Да, богиня-девственница, — пошутил Джеми, и Эксиа догадалась, что он улыбается.

Большим пальцем руки он провел по ее щеке.

— У тебя нет оспин. Кожа гладкая, как мрамор.

— Но хоть теплее?

— О, значительно теплее.

Умелыми движениями он принялся распускать шнуровку на ее платье, и она поняла, что его нужно остановить, но не успела, потому что губы приникли к ее соскам.

— Тебе нравится? — спросил он. — Скажи, чего тебе хочется.

— Не знаю. — Эксиа закинула голову, подставив его губам шею. — Все ново для меня, но пока это все мне нравится.

До нее донесся тихий смех Джеми. Его руки стремительно заскользили по ее телу, и вдруг, словно по волшебству, одежда упала на землю. Он продолжал гладить ее нежную теплую кожу, и когда одна его рука спустилась вниз, Эксиа почувствовала, что слабеет от охвативших ее эмоций. Все тело было объято желанием.

Джеми убрал руку, и она разочарованно прошептала:

— Нет.

Взяв девушку за плечи, он отодвинул ее от себя.

— Ты действительно девственна.

— Это плохо? — спросила она.

— Это большая ответственность, — серьезно ответил Джеми, внезапно пожалевав, что так много выпил. — Я не возьму тебя.

«Пожалуйста, не покидай меня», — чуть было не взмолилась Эксиа.

— Мне... мне нужны деньги. Мы бедны. — Она повторила то, что читала в посланиях молодых людей или слышала от них.

— Тогда деньги твои. Бери их и уходи.

Эксиа поняла, что он сейчас оставит ее, и, обняв его за шею, прижалась к нему всем телом. Их разделяла одежда, которую так и не снял Джеми. "

— Не покидай меня, Джеми, пожалуйста, — хрипло прошептала она. — Мне так одиноко, ты не представляешь, что меня ждет в будущем. Оно ужасно, я знаю. — Это была истинная правда.

Джеми колебался, хотя чувствовал, что она говорит искренне. Если она уродлива и живет в бедной семье, ей открыта одна дорога — в шлюхи. Вполне возможно, что тот, кто лишит ее девственности, не будет с ней так нежен, как он. Кроме того, он безумно желает ее, желает так, как никогда никого не желал, и это не имеет никакого отношения к количеству выпитого вина.

Он обнял ее и сильно прижал к себе. Его руки, погладив ее спину, спустились к округлым ягодицам. У него никогда не было девственницы, ему не приходилось спать с женщиной, до которой не дотрагивался ни один мужчина.

— Я хочу запомнить эту ночь на всю жизнь, — прошептала Эксиа. — Я всегда буду вспоминать ее. Может, ты притворишься, что... что любишь меня? — робко попросила она и грустно добавила: — Никто никогда не любил меня. И не полюбит, я думаю.

Джеми решил, что она имеет в виду изрытое оспинами лицо, потому что не видел никаких других недостатков в женщине, которую обнимал. Она казалась ему чистой и непорочной и даже более красивой, чем Диана, богиня луны.

— Наверное, я действительно люблю тебя. — Лишь произнеся эти слова, он до конца осознал их смысл и поправился: — Но только сегодня ночью.

— Этого достаточно.

Джеми прижимал ее к себе, а Эксиа целовала его лицо и шею.

— Ты снимешь одежду? — спросила она.

— Нет, ты снимешь ее.

Эксиа губами почувствовала, как он улыбнулся.

— Я? — воскликнула она с таким энтузиазмом, что он засмеялся. — А могу я дотронуться до тебя?

— Да, Диана, любимая, ты можешь дотронуться до меня, — громче засмеялся Джеми и, подхватив ее на руки, закружился по палатке. — Сегодня был ужасный день, но ты вылечишь меня, ты станешь моей наградой за то, что мне пришлось пережить.

«И ты, ты награда за то, что мне пришлось испытать за всю мою жизнь», — подумала Эксиа. Обняв его, она поняла, что впервые чувствует себя такой счастливой.

— Целуй меня. Целуй меня, пока мои губы не онемеют и я не смогу произнести ни слова.

— Да, — опять засмеялся Джеми. — Я буду целовать тебя всю.

— А я — тебя. Но как мне снять с тебя одежду? Он помог ей раздеть себя, и она с чисто детским любопытством, подстегнувшим его возбуждение, принялась исследовать его.

— А можно мне дотронуться до тебя вот здесь? — спросила Эксиа, и ее рука скользнула ему между ног.

У Джеми не было сил отвечать, он лишь застонал и, положив девушку на кровать, принялся неистово ласкать ее прекрасное тело, прикосновение к которому доставляло ему неземное блаженство.

Эксиа лежала неподвижно, наслаждаясь тем, что он с ней делал. Ей нравилось чувствовать его губы на своей груди, его руки у себя между бедер, его палец внутри себя. Когда он лег на нее и она ощутила на себе вес его тела, ее охватил восторг.

— Я люблю тебя, Джеми, — прошептала она. — Я люблю тебя.

Джеми промолчал и начал входить в нее. Ее крик заставил его резко остановиться.

Решив, что чем-то не угодила ему и что он намеревается оставить ее, Эксиа, неумело подняв бедра, приняла в себя его плоть — и едва не заплакала от боли.

— Милая моя, — проговорил Джеми, изо всех сил пытаясь сохранить контроль над собой, и слизнул слезинки, выкатившиеся из ее глаз, — не торопись. У нас вся ночь впереди.

Когда боль прошла, Эксиа обнаружила, что новые ощущения очень приятны.

— А мне нравится, — заявила она и раскинула руки. — Возьми меня, Джеми. Я твоя.

Он засмеялся. Она отличалась от всех, кого он когда-либо знал. Как будто она не имела ни малейшего представления о том, где и как надо себя вести.

— Да, — пробормотал он и задвигался в ней. Глаза Эксиа расширились от изумления. Она думала, что он войдет в нее и этим все ограничится, но то, что он делал сейчас... О, это было потрясающе! Закрыв глаза, она, повинувшись инстинкту, выгнулась ему навстречу. Когда его движения убыстрились, она закинула ноги ему на спину и прижала его к себе.

Вдруг он замер, потом содрогнулся и рухнул на нее. Эксиа с блаженством думала о том, что ему хорошо, и удивлялась тому, что всего мгновение назад он был тяжелым и сильным, а теперь стал легким и беззащитным, как ребенок.

Она нежно погладила его по голове, счастливая от того, что смогла доставить ему удовольствие.

— Тебе было очень больно? — ласково спросил он.

— Нет, совсем нет, — честно ответила Эксиа. Внезапно она встрепенулась. — Я должна идти. — Ведь Тод будет искать ее и, если не найдет, поднимет тревогу.

— Нет! — вырвалось у Джеми. Обхватив девушку за талию, он прижал ее к себе, но спустя секунду ослабил объятие и, отвернувшись, тихо произнес: — Да, конечно, ты должна идти.

«Да пусть они ищут меня», — подумала Эксиа. Да какое ей дело до того, что ее найдут здесь? Как они накажут ее? Посадят под замок на всю оставшуюся жизнь?

Прижавшись к Джеми всем телом, Эксиа повернула к себе его лицо.

— Что мучает тебя? — прошептала она. — Расскажи мне.

После стольких дней тревог и волнений Джеми впервые расслабился и наслаждался этим состоянием.

— Я не знаю, как защитить ее, — ответил он, предполагая, что девушка не понимает, о чем он говорит.

— Ах да, — небрежно произнесла Эксиа. — Наследницу. — Голова Джеми лежала у нее на плече, а одна нога была закинута на ее ноги. «Мы с ним как одно целое, — подумала она, — и возникает ощущение, будто так и должно быть». — Она так важна для тебя?

— Я не имею права провалить это задание. От меня зависят люди. Но фургоны... — Внезапно Джеми безумно захотелось спать.

— Да, фургоны, — скривившись, повторила Эксиа. Она мечтала путешествовать по Англии, не привлекая к себе внимания. Но отец прислал эти дурацкие фургоны, которые, без сомнения, набиты несметными богатствами, и теперь они будут разжигать любопытство жителей всех деревень и городов на своем пути. Едва завидев имя Мейденхолла, люди будут тарашиться на нее, вернее, на Франческу. Эксиа грустно вздохнула. — Если бы я была наследницей Мейденхолла, то обязательно сделала бы все, чтобы быть другой.

Джеми сонно улыбнулся.

— И кем же? Разве есть кто-нибудь могущественнее нее? Только королева Англии.

— Нет, конечно, не королева. Я бы притворилась... обыкновенной. Например, женой купца. Я бы останавливалась в придорожных гостиницах или ночевала в такой палатке, как эта. Я бы сделала так, чтобы ни одна душа не знала, кто я.

— Да, но люди видели ее.

— Кто? — удивилась Эксиа. — Я слышала, что всю жизнь ее держали взаперти, как пленницу. Никогда не выпускали за ворота. Думаю, она ни разу не видела мир за стенами замка, не смотрела представление кукольного театра, никогда не бывала в соборе, не встречалась с людьми, никогда...

Джеми рассмеялся.

— У тебя богатое воображение. Франческа так красива, что всегда будет привлекать к себе внимание, где бы она ни находилась. Если бы мы с ней путешествовали вдвоем, мне бы все равно пришлось потрудиться, чтобы защитить ее.

— Может, мне стоит заразить ее оспой? — с готовностью предложила Эксиа. Джеми снова засмеялся.

— Жаль, я не могу взять тебя с собой. Мне хорошо с тобой. Легко.

— О да! Я бы с удовольствием поехала с тобой, — с детской наивностью воскликнула Эксиа.

— Увы, — грустно произнес Джеми, — я не могу.

— Почему? Потому что я уродлива? Ты будешь стесняться меня?

Джеми не знал, что бы испытал, если бы увидел Диану при дневном свете, да и не считал нужным задумываться над этим.

— Она может убить тебя.

— Кто? Кому понадобится убивать меня?

— Кузине наследницы. Франческа, наследница, милая и добрая женщина, но ее кузину гложет ревность.

— О? — Голос Эксию дрогнул. — Откуда ты знаешь, что у нее нет причин, чтобы совершать свои... свои злодеяния? Женщина может видеть женщину в одном свете, а мужчина — в другом.

— Как я тебя, да? Для меня ты привлекательна, а для других — уродлива?

— Вот именно. Но что касается кузины: неужели в ней нет ничего хорошего?

— Сначала я думал, что есть, но потом оказалось, что она не такая, какой я себе ее представлял. Я ненавижу лжецов.

— Возможно, у нее были причины солгать. — От волнения голос Эксию зазвенел.

Джеми приподнялся на локте.

— Ты говоришь так, будто знакома с ней.

— Нет, естественно, нет. Разве такая, как я, может быть знакома с ней? Но я знаю, что значит иметь старшую сестру-красавицу.

— А откуда тебе известно, что ее кузина не красавица? Губы Эксию сжались в прямую линию.

— Я сужу по тому, как ты говоришь о ней. Когда ты говоришь о красавице Франческе, у тебя один тон, а когда — о ее кузине — другой. Я всю жизнь сталкиваюсь с тем, что именно таким тоном говорят о моей сестре. Но никогда обо мне.

— Иногда женщине нужно нечто большее, чем красота, — заметил Джеми, подумав о Беренгарию. Эксию сразу же почувствовала, что его настроение изменилось. — Ты поедешь к моей сестре, — произнес он так, будто оказывал ей честь.

— К твоей сестре? Зачем? Что?..

— Я не оставляю тебя на волю судьбы. После этой ночи я чувствую себя ответственным за тебя. Да, — проговорил Джеми, и Эксию догадалась, что он улыбается. Не вызывало сомнения, что идея пришла ему по вкусу. — Я оставлю письмо и деньги для тебя у управляющего Мейденхолла. Завтра же ты отправишься в путь. Я напишу сестрам и предупреджу их о твоём приезде.

Эксию потрясло его великодушие. Никогда в жизни она не получала столь щедрого подарка. Обычно на Рождество все ждали подарков от нее. Лишь от Тода она обязательно получала

какой-нибудь сувенир. Даже Франческа ничего не дарила ей. И вот совершенно чужой человек просит у нее разрешения взять на себя ответственность за всю ее жизнь. Неужели все бедняки так добры и великодушны? В своих фантазиях она представляла, что бедняки любят друг друга и всегда готовы прийти на помощь. Каждый год Франческа уезжала на месяц к своим родственникам, и Эксия пыталась вообразить, что это такое — иметь семью.

— Твоя сестра красива? — поинтересовалась она. — Как и ты?

— Откуда ты знаешь, как я выгляжу? Рука Джеми скользнула по телу Эксии. Ему нравилось чувствовать под ладонью ее бедра, грудь, плоский живот. А Эксия тем временем лихорадочно искала ответ.

— Я видела тебя. Ты... Джеми поцеловал ее.

— Молчи. Я не хочу, чтобы обо мне судили по моей внешности.

Эксия улыбнулась. Повернувшись на бок, она обняла его.

— Возьми меня еще раз. Пожалуйста.

— Да, — прошептал Джеми и приник к ее губам. Теперь он не спешил, наслаждаясь каждым мгновением их близости. Эксия всем телом впитывала его ласки, но особое удовольствие ей доставляло то, что она чувствовала себя с Джеми единым целым и не испытывала жуткого страха перед одиночеством.

Когда вскоре Джеми в изнеможении упал на нее, Эксия поняла, что он сейчас заснет. Дождавшись, когда дыхание возлюбленного стало ровным, она осыпала его лицо поцелуями и осторожно выбралась из его объятий. Она оделась и принялась в темноте шарить по полу в поисках своего вышитого чепца, но его нигде не было. — «Мамин чепец!» — в панике подумала девушка. Она готова лишиться чего угодно, только не этого. Даже девственности, мысленно добавила она и не смогла сдержать смехок.

— Что это было?

Эксия замерла, услышав снаружи мужской голос.

— Это золото страшно нервирует меня. Если та тень шевельнется, я проткну ее кинжалом прежде, чем выясню, что это такое.

Заявление стражника заставило Эксию понять, что следует соблюдать особую осторожность и как можно быстрее выбраться из палатки. Теперь, когда Джеми не обнимал ее, она наконец-то задала себе вопрос: что с ней сделает отец, когда узнает, что она отдала свою невинность не тому, кого он для нее выбрал. Остается надеяться, что вместе с деньгами, предназначенными для той, которую Джеми знал под именем Диана, он передаст и чепец.

— Прощай, любимый, — прошептала Эксия и выскользнула из палатки.

Ее глазам не надо было привыкать к темноте, а поле зрения стражников ограничивал круг света, отбрасываемый фонарем, поэтому ей удалось пробраться мимо них. Она не сразу нашла веревку и испугалась. Но вот ее пальцы коснулись шершавой пеньки — и вскоре она оказалась по другую сторону стены. Внезапно ветка под ее ногой хрустнула, и она в страхе прислонилась к холодным камням. Ее сердце громко стучало.

— Наверное, белка, — сказал один из стражников, которых отделяла от Эксии стена.

— Белка величиной с человека, — отозвался другой. Когда их шаги стихли, девушка бегом пересекла фруктовый сад и скрылась в своей спальне.

Она не видела, как Тод выбрался из своего укрытия за выступом стены и медленно заковылял к дому. Его лицо было хмуро, а голова низко опущена.

Глава 8

— Он здесь! — объявила Франческа, ворвавшись в комнату Эксии и откинув полог. Яркий сноп солнечных лучей из не зашторенных прошлой ночью окон ослепил девушку. — О, он прекрасен как Бог, он так добр, так внимателен. А манеры у него как у принца. И он самый красивый мужчина на земле.

Не было надобности объяснять, кто имелся в виду под «он».

— А еще мой возлюбленный, — пробормотала себе под нос Эксия, стряхивая с себя остатки сна.

— Что? Что сказала моя бедная кузина?

— Ничего, Франческа. Почему ты встала так рано? И что это на тебе?

— Желтый шелк. Разве он не божествен? Я припасла его для себя.

Эксия сморщилась. Ее отец часто использовал имение как перевалочный пункт для фургонов, перевозивших товар. И всякий раз, когда прибывали шелка из Франции или кожа из Италии, Франческа не церемонилась и брала все, что ей нравилось. Естественно, управляющему она заявляла, что ткань понадобилась наследнице. Что касается Эксии, она считала, что плотный шелк мешает лазать по лестницам, когда приходит пора собирать яблоки. А с атласа не смывается краска. Честно говоря, наряды мало интересовали ее.

— Припасла? — переспросила Эксия, зевая. — И сколько же еще платьев ты «припасла» для путешествия? Наверное, у тебя гардероб, достойный самой королевы, а?

Этот вопрос не требовал ответа, так как Эксии было известно, сколько денег потратила или взяла ее кузина. Да и та об этом знала.

Франческа повернулась к зеркалу, висевшему над низким столиком под окном.

— Ты бы послушала, какой у него план, — воскликнула она, глядя на Эксию в зеркало. — Я буду выдавать себя за его жену. — К ее удовольствию, Эксия резко села в кровати.

— За кого?

Повернувшись, Франческа одарила кузину притворно-ласковой улыбкой.

— О Господи, уже поздно. Мне надо бежать. Я так рада, что ты сегодня долго спала. Тем самым ты предоставила в наше распоряжение целое утро, и мы с Джеми успели стать добрыми друзьями. — С этими словами она вышла из комнаты.

Эксия огляделась по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого, чем можно было бы запустить в дверь, но не нашла ничего более стоящего, чем туфли, которые не произвели почти никакого

шума, когда ударились о дубовые доски. Очевидно, Франческа стояла в коридоре и слушала, потому что до Эксии донесся звонкий смех. Спустя секунду стук ее каблучков стих и воцарилась тишина.

Эксия откинула одеяло и замерла, задумавшись. Его женой? Что задумала Франческа? Как один человек может за столь короткое время доставить такую массу неприятностей?

Эксия торопливо оделась, самостоятельно затянув шнуровку, с сожалением посмотрела на этажерку, где обычно лежал чепец матери, и выбежала из комнаты. Как же изменилась ее жизнь! Сначала была ночь с Джеми, а сегодня она отправляется в самое интересное путешествие в своей жизни! Собрав на бегу волосы в скромный пучок, девушка направилась к лестнице. «Что нового увижу я в пути? — спрашивала она себя. — Кого встречу? Какие новые блюда попробую?»

Распахнув дверь в зал, Эксия застыла на пороге. Он стоял спиной к окну, и теплое солнце освещало его плечи, широкие и сильные. Казалось, тоненькие лучики запутались в его темных волосах, спускавшихся на шею, которую она так страстно целовала прошлой ночью. Он стоял возле стола, а в руках у него была карта.

При виде его рук на Эксию волной нахлынули воспоминания, ее ноги стали ватными, и ей пришлось опереться о косяк, чтобы не упасть. Узнает ли он ее? Подскажет ли ему внутренний голос, кто она?

Заморгав, Эксия отвела взгляд от Джеми и увидела, что Франческа и Тод внимательно смотрят на нее, причем на лице Франчески играет самодовольная улыбка. Эксии стоило немалых усилий придать своему лицу бесстрастное выражение: она не допустит, чтобы кто-нибудь догадался о ее чувствах!

— Доброе утро, — поздоровалась она, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

Тод, продолжая пристально следить за Эксией, молча поклонился, Франческа никак не отреагировала на приветствие, а Джеми оторвался от карты и нахмурился.

— Я вижу, ты любишь поспать, — произнес он с таким видом, будто получил еще одно подтверждение ее никчемности.

По его взгляду Эксия сразу поняла, что он не узнал в ней Диану, с которой провел ночь.

— Не всегда, — начала было Эксия, возмущенная тем, что он считает ее лентяйкой. — Обычно я...

— Какая разница, — оборвал ее Джеми, перевел взгляд на карту и, отмахнувшись от Эксии, словно она была досадной помехой, продолжил: — Мы встретим фургоны здесь и здесь...

— Что ты делаешь? — осведомилась девушка и склонилась над картой рядом с Джеми. Тод поспешил встать рядом с ней.

— Лорд Джеймс придумал потрясающий план, — промурлыкала Франческа. — О, пожалуйста, расскажите ей, — мило улыбнувшись, попросила она.

Эксия против воли улыбнулась. Франческа готова на все, чтобы привлечь к себе внимание мужчины, даже притвориться глупой и беспомощной. Эксия не раз замечала, что кухне требуется гораздо меньше усилий, чем ей самой, чтобы добиться чего-либо от мужчин. Она

могла нести полный вздор, но мужчинам, кажется, нравилось все, что она говорила или делала.

Франческа взмахнула ресницами и бросила на Джеми полный мольбы взгляд.

— Пожалуйста, — повторила она.

С видимой неохотой Джеми повернулся к Эксию.

— Я отправил своим родственникам письмо с просьбой прислать охрану для фургонов. Все, кто увидит их, решат, что в них находится наследница Мейденхолла со своим приданым. На самом деле наследницы там не будет. Я нанял человека, чтобы он выдавал себя за нее.

— И ты никогда не догадаешься, кто будет играть мою роль! — воскликнула Франческа, кладя руку на локоть Джеми.

— Я? — предположила Эксию.

Неужели ей, наследнице, придется выдавать себя за ту, которая лишь играет роль наследницы?

— Естественно, нет! — отрезал Джеми так, будто это предположение оскорбило его. — Я не собираюсь рисковать жизнью женщины, а любая женщина, путешествующая в этих фургонах, подвергается риску.

Эксию обрадовалась тому, что он боится за нее, и посмотрела на него. Но его взгляд, обращенный на нее, навел девушку на мысль, что он ненавидит ее.

— Смит! — выпалила Франческа. — Тот высокий юноша, которого нанял папа. Он будет выдавать себя за меня.

Эксию не сразу сообразила, что под «папой» подразумевается ее отец. Слабая улыбка, появившаяся у нее на губах, мгновенно исчезла под хмурым взглядом Джеми.

— Расскажите ей остальное, — настаивала Франческа. — Вы придумали такой блистательный план.

Джеми, своим видом показывая, что у него нет желания что-либо рассказывать Эксию, принялся сворачивать карту в трубку.

— Я и двое моих людей поедем в двух других фургонах. Мы будем выдавать себя за торговцев тканями. Госпожа Мейденхолл будет путешествовать под видом моей жены. Таким образом, имя Мейденхолла не будет привлекать всеобщее внимание. — Сунув карту под мышку, Джеми презрительно оглядел Эксию. — Ну, что еще?

Эксию взволнованно сглотнула. Почему он так сердито смотрит на нее?

— А как же я?

— А ты не поедешь. Ты останешься здесь. Эксию лишилась дара речи. Она почувствовала себя так, будто пол исчез у нее из-под ног. Не поедет? Останется здесь?

— В тебе нет надобности, — продолжал Джеми. — Меня наняли для того, чтобы защищать наследницу Мейденхолла, а ты опасна для нее. Ты уже показала свою ревность и дала понять, как далеко можешь зайти.

Эксия была потрясена. Ей показалось, что душа покинула ее тело и, витая где-то под потолком, смотрит на всех Аерху вниз. Не поедет? Ее заперли в этих стенах, когда ей было только три недели от роду, и до прошлой ночи она ни разу не выходила наружу. Она знала, что после этого путешествия ее опять посадят под замок. И вот сейчас этот человек заявляет, что лишает ее последней возможности хоть ненадолго обрести свободу.

Эксия перевела взгляд на Франческу. Известие о том, что кузина остается в поместье, доставило той огромную радость, и все ее эмоции отразились на лице.

Пусть Джеми Монтгомери не помнит прошлой ночи, но она-то знает, что преподнесла ему в подарок самое ценное, что имела, что призналась ему в своей любви. А сегодня он заявляет, что нет надобности брать ее с собой в путешествие, и тем самым лишает надежды на несколько недель свободы. Он отказывает ей в том, чего она желала больше всего на свете.

Эксию впервые охватила такая бешеная ярость. Набросившись на Джеми, она впиалась ногтями ему в лицо. Никто не ожидал от нее подобной реакции, и все, кто находился в зале, замерли, ошеломленные. В следующее мгновение Джеми попятился и замахал руками, пытаясь защитить лицо. Ярость только прибавила Эксии сил. Сжав кулак, она ударила Джеми в глаз и одновременно лягнула его в голень.

— Я ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу! — кричала она.

Тод первый пришел в себя. Он единственный понимал, что чувствует сейчас Эксия. Прижав руки девушки к бокам, он оттащил ее от Джеми. К нему на помощь уже спешили люди Монтгомери.

— Ш-ш, тихо, — говорил Тод, крепко прижимая к себе Эксию. — Конечно, ты поедешь. Тебя никто здесь не оставит. Джеми вытер исцарапанные щеки тыльной стороной ладони и поднял голову. Один его глаз заплыл. Взглянув на испачканную кровью руку, он сказал:

— Она не в себе.

При этих словах Эксия попыталась вырваться, но Тод, продолжая удерживать ее, закричал на весь зал:

— Франческа! Скажи ему!

Франческа грустно вздохнула: она прекрасно понимала, чего именно хочет от нее Тод.

— Я не поеду, если моя кузина Эксия не поедет со мной, — устало произнесла она, всем видом показывая, что у нее нет ни малейшего желания путешествовать вместе с Эксией, но она вынуждена говорить то, что от нее требуют.

Джеми перевел изумленный взгляд с Франчески на сумасшедшую, которую держал Тод. В чем дело? Почему эта дикарка имеет такую власть над наследницей?

— Вам нет надобности делать это, — обратился он к Франческе. Боль в исцарапанном лице усилилась. — Она ненормальная. Она пыталась убить сначала вас, потом меня. Может, мне посадить ее в клетку?

Все еще охваченная гневом, Эксия дрожала. Она бы никогда не предположила, что способна на столь бурное проявление чувств. Не ехать? Не ехать?!

Тод отпустил девушку, поняв, что она немного успокоилась.

— Франческа, — проговорил он с угрозой, — если ты не скажешь то, что нужно, я все расскажу.

Франческа скривилась. Она знала: Тод, этот коротышка-чудовище, расскажет лорду Джеймсу, что она на самом деле не наследница, и тогда в поместье оставят ее. Она набрала в грудь побольше воздуха.

— Эксию не пытались убить меня. Она хотела, чтобы я расчихалась. Никто не предполагал, что маргаритки... — Да, она произносила именно те слова, которые от нее требовали, но безжизненностью тона показывала, каково ее отношение к сказанному.

— И? — настаивал Тод. Он был преисполнен решимости лишить Франческу возможности что-либо утаить.

— Эксию рассердилась, потому что хочет поехать с нами.

Зал огласил громкий хохот Риса, и даже Томас улыбнулся. Рассердилась? Значит, то, что они видели, называется «рассердилась»? Мужчины, защищающие свою жизнь на поле брани, сражаются с меньшей страстностью, чем эта маленькая женщина.

Насмеявшись, Рис внимательно посмотрел на Эксию. Густые и длинные, до талии, волосы девушки окутывали ее подобно блестящему золотисто-каштановому облаку, ее грудь учащенно вздымалась. К своему изумлению, рыцарь обнаружил, что Эксию гораздо привлекательнее, чем ему показалось сначала.

Джеми колебался, не в силах решить, брать с собой Эксию или нет. Франческа взглянула на Тода и поняла, что тот собирается сообщить всем, кто именно является наследницей.

— Пожалуйста, — опять попросила она, и на этот раз мольба, отразившаяся в ее глазах, была искренней. — Ведь можно же взять ее... в качестве моей горничной.

— Лучше я буду есть... — начала было Эксию, но Тод одернул ее.

— Это не устраивает, — бросил он Франческе. Недовольно скривившись, та произнесла:

— Ладно, пусть тогда Эксию будет моей кузиной или сестрой.

— Но я и так твоя кузина, — взвилась Эксию.

— Да, верно, — согласилась Франческа и оглядела кузину с ног до головы.

Девушки являли собой разительный контраст: одна — в роскошном платье из желтого шелка, расшитого тысячами голубых бабочек, а другая — в простом платье из грубой шерсти. Взгляд Франчески красноречиво говорил о том, что ей трудно понять, как Эксию может быть ее родственницей.

Рис заметил ее взгляд и снова рассмеялся, а Томас прикрыл рот рукой, чтобы спрятать улыбку.

— Ты не думаешь, что Мейденхолл предложил тебе слишком мало за столь сложное задание? — шепотом спросил Рис у Джеми.

Тот поднял руку, призывая всех угомониться.

— Раз уж я вынужден брать вас обеих, то мне хотелось бы отправить вас в разных караванах, но, к сожалению, я не могу этого сделать. — Он посмотрел на Эксию. — Ты будешь путешествовать под видом моей сестры. — Он приблизился к девушке и наклонился к ней так, что его нос едва не касался ее носа. — И если у меня с тобой возникнут хоть какие-то проблемы, я под конвоем отправлю тебя назад. Ты поняла меня?

Эксия не боялась его. Решив, что не позволит ему запугивать себя, она приподнялась на цыпочках и заглянула ему в глаза.

— Перед лицом все присутствующих клянусь: я сделаю все возможное, чтобы превратить твою жизнь в сплошной кошмар, и если ты попытаешься мстить мне, то очень об этом пожалеешь.

Джеми, никогда не сталкивавшийся с тем, чтобы женщина относилась к нему с такой враждебностью, ошеломленно уставился на Эксию, и лишь голос Франчески вывел его из ступора.

— А он едет? — спросила она, кивнув на Тода.

По ее тону можно было заключить, что у нее нет ни малейшего желания видеть этого кривонного уродца рядом с собой в течение всего путешествия.

Джеми провел рукой по лицу. Однажды он попал в шторм, который, как щепки, раскидал четыре корабля; однажды ему, Рису и Томасу пришлось втроем сражаться против двенадцати турецких солдат; однажды он провел семь месяцев в грязной и вонючей тюрьме, кишевшей крысами. Но сейчас — о Боже! — он бы согласился пройти через все испытания еще раз, вместо того чтобы иметь дело с этими двумя женщинами.

Джеми глубоко вздохнул и объявил:

— Да, Тод поедет с нами. Мейденхолл настоятельно требовал, чтобы этот человек оставался с его дочерью. — Прищурившись, он перевел взгляд на Эксию. — Что касается тебя.. — Он не мог придумать, что сказать ей, потому что боялся последствий. — Ты... ты разрисуешь фургоны так, чтобы все сразу поняли: они принадлежат купцу. Надеюсь, ты докажешь всем, что и от тебя есть какая-то польза. — Резко повернувшись, он стремительно вышел из зала. Его люди последовали за ним.

Скромно обставленную комнату освещала одна свеча, и Джеми думал о том, как отреагировала бы его младшая сестра, если бы узнала, что поместье Мейденхолла удобно, но, против ее ожиданий, не блещет роскошью. Единственный, кто блистал в этом доме, была Франческа. Надо бы написать сестрам письмо и заверить их в том, что все идет хорошо.

«Эта Эксия помешанная, — писал Джеми. — Но Франческа, наследница...» Он отложил перо. Франческа — что? Любит свою помешанную кузину? Джеми протер глаза и поморщился, когда случайно коснулся шишки над глазом. Нет, Эксия управляет Франческой. В чем же заключается ее власть? Что за тайну скрывает девятнадцатилетняя наследница? Почему она соглашается делать все, что от нее требуют, лишь бы не открывать свой секрет?

А в каких отношениях Тод и Эксия? Может, они любовники?

При этой мысли Джеми с такой силой надавил пером на бумагу, что оно сломалось, и пришлось затачивать его ножичком.

Ему нет дела до того, что происходит между кузиной наследницы Мейденхолла и... черт его знает, какое положение занимает Тод в этом странном мире!

Джеми заставил себя вернуться к письму.

"Но Франческа, наследница, не пренебрегает своей кузиной. Думаю, Франческа не догадывается, что со стороны кузины ей грозит опасность.

Мы собираемся путешествовать переодетыми: Франческа будет выдавать себя за мою жену, а я — играть роль торговца тканями. В своих новых нарядах я прекрасно сыграю эту роль, не правда ли? Эксиа, кузина, очень ревнует Франческу, и я вынужден внимательно за ней следить. Она будет путешествовать под видом моей сестры. Ни одной труппе бродячих актеров не приходилось играть фарс, подобный нашему.

Я отправляю к вам девушку. Ее зовут Диана, и она изуродована. Будьте к ней добры так же, как она была добра ко мне.

Люблю вас обеих. Да сохранит вас Господь.

Ваш любящий брат Джеми".

— Ну, — сказала Джоби. — Ты все еще считаешь, что он влюблен в Эксию?

— Он в кого-то влюблен, иначе он не был бы так несчастен, — ответила Беренгария. — Кто эта Диана и в чем проявилась ее доброта?

— В том же, в чем проявляется доброта всех женщин, когда они знакомятся с нашим божественно прекрасным братцем, — ехидно заметила Джоби.

Беренгария вытянула руку и подождала, когда младшая сестра вложит в ее пальцы письмо. Джеми всегда утверждал, что она может чувствовать то, что не написано.

— Да, — подтвердила Беренгария, ощупывая письмо. — Что-то очень тревожит его. Он... — Ее лицо осветилось внутренним светом. — Он что-то ищет.

— Наверное, потерял свой любимый кинжал, — предположила Джоби, стараясь скрыть от сестры свое желание узнать побольше. Но ее легкомысленный тон не обманул Беренгарию.

— Он ищет женщину, но она спряталась. Видя, что сестра не собирается что-либо добавить, Джоби проговорила:

— Ему надо бы поискать в подвалах. Что, по-твоему, он подразумевает под тем, что эта Диана изуродована?

— Подождем и увидим, верно? — ответила Беренгария, зная, что Джоби будет ее глазами.

Продолжая ощупывать письмо, она внезапно нахмурилась. Что-то очень сильно мучает ее брата.

Глава 9

Занималась заря, и обитатели поместья только начали просыпаться, когда Эксиа, зевая, вошла

в дом и встретила управляющего, направлявшегося к главному входу.

— Он передавал тебе что-нибудь для девушки по имени Диана? — спросила Эксия, пристально глядя на него.

Управляющий собрался было заявить, что, в соответствии с данными ему указаниями, она больше не является наследницей и, следовательно, он не обязан ей подчиняться. Но, посмотрев Эксии в глаза, он понял, что она является истинной дочерью своего отца, который, как утверждают, знает о коммерции больше, чем любой смертный. Вынув из нагрудного кармана дублета записку, он протянул ее девушке.

— Он не передавал маленький синий чепец? — Когда управляющий отрицательно замотал головой, Эксия добавила: — Тогда отдай деньги, которые он оставил Диане.

Управляющий положил на раскрытую ладонь Эксии несколько монеток.

Девушка посмотрела на деньги, подняла глаза на управляющего.

— Предлагаю тебе отдать мне оставшиеся деньги, пока я буду читать записку.

"Моим возлюбленным сестрам Беренгарии и Джоби.

Это Диана. Заботьтесь о ней и берегите ее. Смотрите, чтобы никто не причинил ей вреда. Она мой подарок вам, потому что она сильна духом, у нее добрая душа. Надеюсь, она наполнит вашу жизнь радостью, как наполнила мою.

С любовью, Джеми".

Эксия услышала, как звякнули монеты, брошенные ей в ладонь, и сжала кулачок, управляющий же торопливо зашагал к двери. Она дочитала записку, поднялась в свою спальню и, не сняв запачканного краской платья, легла на кровать. По ее расчетам, у нее был еще час, чтобы поспать, прежде чем обнаружат, что она сделала. Девушка заснула мгновенно, но на ее губах продолжала играть улыбка.

Спустя десять минут ее разбудили громкие крики.

— Где она? — услышала Эксия громкий рев на первом этаже.

Не вызывало сомнения, что голос принадлежит Джеймсу Монтгомери.

Усмехнувшись, она спрятала записку и деньги в карман и снова погрузилась в сон, абсолютно равнодушная к тому, что ее проделка привела Джеми в бешенство.

Не прошло и нескольких минут, как ее разбудил стук распахнутой двери.

— Эксия! — сердито позвал ее Тод.

— Да, да, — сонно пробормотала девушка. — Я готова.

Спрыгнув с кровати, она последовала за ним.

— Зачем ты это сделала? — осведомился Тод, когда они спускались по лестнице. — Почему ты

постоянно задираешь его? Он считает, что ты опасна, что ты только и думаешь, как навредить Франческе. Почему ты не можешь?..

На нижней ступеньке лестницы стоял Джеми. На покрасневшем от гнева лице выделялись длинные царапины и разноцветный синяк.

— Ты поранился, когда брился? — спокойно поинтересовалась Эксия и, обойдя его, направилась к входной двери.

Естественно, она знала, почему он разозлился, но ведь она лишь выполнила его приказ, не так ли? Всю прошлую ночь при слабом свете фонаря она разрисовывала фургоны, в которых они будут путешествовать под видом семейства торговца. Ей помогали поваренок, два младших садовника и жена управляющего. Она рисовала лица и основные контуры, а мальчики все закрашивали. Жена управляющего старательно выписывала буквы.

И вот теперь, остановившись перед фургонами, окруженными домочадцами, кучерами остальных фургонов и рыцарями, которых прислали родственники Джеми, Эксия пришла к выводу, что ночью они потрудились на славу. Да, фургоны выглядят замечательно. Судя по лицам людей, им тоже нравится.

Эксия нарисовала, как Джеми в полной боевом облачении убивает страшного дракона, а Франческа, прикованная цепью к столбу, расширившимися от страха глазами смотрит на это чудовище. Если бы Джеми не спас несчастную красавицу, дракон через минуту сожрал бы ее. Длинный зеленый хвост чудовища тянулся вдоль всей стенки фургона, пересекал заднюю дверь...

И превращался в хвост страшного льва на противоположной стенке. Монстру противостоял Джеми, но на этот раз на нем почти не было одежды за исключением коротенькой кожаной юбочки и белой рубашки, превратившейся в лохмотья и не скрывавшей его мускулистого тела. Позади него была видна Франческа, полностью одетая и опять же прикованная к столбу, но только за руки.

Короче говоря, разрисованный фургон выглядел совершенно необычно, и люди с интересом разглядывали эту диковинку. К тому же Эксия мастерски написала портреты Джеми и Франчески, поэтому невозможно было не узнать их в главных героях сенок.

— Я прикончу тебя, Эксия, — завопила Франческа, увидев фургон, и замахнулась, чтобы ударить кузину.

Но Джеми успел перехватить ее руку, и Франческа, умевшая пользоваться любой удобной возможностью, уткнулась лицом ему в грудь и «разрыдалась». Естественно, она бы никогда не допустила, чтобы ее глаза покраснели от слез, но уж ей очень понравился произведенный эффект.

Эксия стояла и улыбалась. Она прекрасно знала: кузина возмущена вовсе не тем, что ее портреты выставлены на всеобщее обозрение, напротив, она этим очень довольна. Ее возмущение вызвали надписи: «Взгляните на Франческу, самую красивую женщину на свете!», «Купите отрез, и вы увидите ее!», «Не купите — не увидите!».

Эти надписи украшали одну стенку фургона. На другой же можно было прочитать следующее: «Взгляните на нее! Внутри! Живую!», «Взгляните на Джеми, единственного красивого мужчину на земле, достойного ее красоты!», «Смотрите, как они едят. Смотрите, как они дышат!».

Те, кто умел читать, пересказывали остальным содержание надписей, и вскоре вся толпа повернулась к Джеми и Франческа и с интересом уставилась на них.

— Ты сделала из меня монстра! — Франческа резко повернулась к Эксию и злобно посмотрела на нее. — Остается посадить меня в клетку и приподнимать покрывало в награду тому, кто купит целый дюйм ткани, так?

— Франческа, — торжественно произнесла Эксию, — твоя красота достойна того, чтобы демонстрировать ее в награду за покупку целого фута лучшего полотна.

И снова Джеми пришлось удерживать Франческу, попытавшуюся наброситься на кузину.

— Уничтожь рисунки! — приказал он. — Все! Немедленно закрась их!

Воцарилась гробовая тишина. Как, замазать краской такую божественную красоту?!

— Ни за что! — с вызовом заявила Эксию, уперев руки в бока и устремив на Джеми горящий взгляд поверх головы Франчески. — С помощью этих рисунков можно продать больше ткани.

— Цель нашего путешествия, — процедил сквозь стиснутые зубы Джеми, — заключается не в том, чтобы продавать ткани, как какой-то... какой-то... — Ему никак не удавалось подыскать наиболее обидное название. — Как какой-то торговец, а в том, чтобы доставить ее к месту назначения целой и невредимой.

— Торговец? — возмущенно повторила Эксию, представив все так, будто Джеми считает торговлю грязным делом. — Позвольте вам, лорд Джеймс, напомнить, что мой отец... — Вовремя сообразив, что едва не выдала себя, она поправилась: — Что Перкин Мейденхолл как раз является этим самым — торговцем.

Томас решил, что настал момент ему вмешаться.

— Прошу вас уделить мне немного времени, милорд, — сказал он.

Джеми, обрадованный тем, что у него появился повод уйти, подтолкнул Франческу к Тоду.

— Защищай ее, — бросил он и последовал за Томасом подальше от галдящей толпы, которая с каждой минутой становилась все больше и больше.

— Надеюсь, я смогу дать полезный совет.

— Сейчас я готов выслушать совет самого дьявола. Эта... девчонка, смутьянка, совсем лишила меня способности рассуждать здраво.

Томас прокашлялся. То, что Монгомери лишился способности рассуждать здраво, было очевидно всем. Он давно знал Джеми и всегда поражался, как тому удается сохранить спокойствие в самых трудных ситуациях. Однако эта девушка, кажется, ухитрилась сделать то, что было не под силу войне и опасности.

— Фургон очень красив.

— Красив? — возмущенно воскликнул Джеми. — Ты видел, что она намалевала? Меня! — Он поморщился, потому что царапины и синяк на лице вновь дали о себе знать, потом заставил себя успокоиться. — Томас, ты бы чувствовал себя по-другому, если бы там нарисовали тебя.

— С моей физиономией мы бы не продали и щепотки пепла.

— Я не позволю, чтобы меня или Франческу использовали для... — его губы презрительно изогнулись, — для того, чтобы продать что-то. Если красота женщины используется для того, чтобы обеспечить успех торговле, значит, наступил конец света.

— Пусть Господь решает, когда быть концу света, — заметил Томас. — Нам предстоит долгое путешествие, и эти несколько недель мы будем вынуждены провести вместе, поэтому, умоляю тебя, не ожесточай девочку против себя еще сильнее. Оставь все как есть, только попроси ее закрасить надписи. Она работала всю ночь, выполняя именно твое приказание. Ты же не предупредил ее, что нельзя изображать тебя и Франческу...

— Ты собираешься, вспомнить каждое слово, что я тогда говорил? — Джеми собирался было провести рукой по лицу, но от легкого прикосновения боль острой молнией пронзила мозг. — Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Скажи им, что нужно сделать. — Он устало махнул рукой. — И все же мне опасно приближаться к ней, потому что меня распирает от желания свернуть ей шею. Загрузи фургоны. Мы выедем завтра утром. — Оглянувшись, Джеми увидел, что рыцари, присланные его родственниками, хохочут, указывая на рисунки пальцами, и понял, что его кузенам вскоре станет известно, в каком глупом положении он оказался.

Джеми схватился за голову и пошел прочь.

— Ты поняла меня?

Эксия, прямо сидевшая на стуле, поджала губы и подняла глаза на Джеми.

— Да, мой господин, — с сарказмом ответила она.

Джеми повернулся к ней. В течение последнего получаса он пытался втолковать ей, насколько серьезно предстоящее им путешествие. Он уже начал побаиваться, что она объявит всему миру о том, что Франческа является наследницей Мейденхолла.

Он уже успел успокоиться после утреннего скандала и, пока загружали фургоны, переговорил с работниками поместья. Судя по тому, что он узнал, Эксия была самым совершенством и в области управления. О чем бы он ни спрашивал — от счетов до перекрестного опыления, на все получал один и тот же ответ: «Это сделала Эксия». Франческу называли «госпожа Мейденхолл», а Эксия для всех — для старых и молодых, для экономки и свинопаса — была Эксией.

Эксия распорядилась всем. Как будто она являлась и управляющим, и визирем в одном лице. Неудивительно, что Франческа боялась ее. В руках Эксии была сосредоточена такая власть, что люди опасались что-либо делать без ее разрешения. «Я прежде спрошу Эксию», — не раз отвечали ему.

Джеми уже многократно спрашивал себя, как получилось, что он составил о ней совершенно неправильное мнение. В первую встречу ему понравилось, как она смотрит на него, будто говоря: «Я тоже чего-то стою!». Но теперь он думал: «Нет ничего странного в том, что она столь высоко ценит себя. Ведь она управляет финансами наследницы Мейденхолла!»

Да, но мною ей управлять не удастся, поклялся себе Джеми, глядя на девушку.

— И что же ты поняла? — поинтересовался он.

— Что я не должна создавать проблемы во время путешествия, иначе вы... Так что мне грозит? Меня привяжут к колесу?

— Не совсем. Тебя свяжут и положат в фургон.

— Ах да, я знала, что вы придумали очень жестокое наказание для женщины, которая почти в два раза меньше вас.

Джеми закатил глаза. Ну почему она ничего не понимает?

— Я боюсь не за себя, а за Франческу, — ответил он, едва сдерживаясь. — Ты не понимаешь, как воспринимают ее посторонние. — Ему стало неловко, когда он вспомнил, как Джоби пародировала наследницу. — Деньги ее отца ослепляют людей, и они перестают видеть в ней живое существо. Если узнают, кто она, ее жизнь окажется в опасности.

— А ее жизнь, естественно, очень важна для тебя, потому что ты сам собираешься жениться на ее деньгах.

— Ну почему я решил, что могу доверять тебе? — с сожалением воскликнул Джеми. — Как жаль, что я открылся тебе...

— Но тогда Франческа считала бы, что действительно нравится тебе! — отпарировала Эксия. — Зато сейчас она предупреждена. — Встав, она устремила на Джеми презрительный взгляд. — Ты утверждаешь, что ненавидишь лжецов, но ты сам худший из них. Ты лжешь женщинам о любви и чести. В тот первый день ты смотрел на меня так, как не смотрел ни один мужчина, а сейчас увиваешься вокруг Франчески в погоне за ее золотом. Кроме того, ты лишил бедную девушку девственности и... — Эксия замолчала, ошеломленная. Она же не собиралась говорить об этом!

Но делать было нечего. Ее руки сжались в кулачки с такой силой, что суставы побелели.

— Что тебе известно о ней? — встрепнулся Джеми.

— Она пришла ко мне, так как знала, что ты находишься в поместье. Бедняжка, она так безобразна, ее лицо... — Эксия перевела дыхание. — Глупенькая, она решила, будто ты любишь ее. Но ты любишь только золото Мейденхолла, не так ли?

Джеми отвернулся, поэтому Эксия не могла видеть его лицо. Воспоминания о ночи, проведенной с той девушкой, преследовали его. Казалось, ему никогда не забыть запах ее волос, а его ладони до сих пор помнили, как нежна ее кожа.

— Что с ней случилось? Я оставил для нее деньги, — повернувшись, тихо спросил он.

— Ты думаешь, я согласилась отправить ее к твоим родственникам? Я отправила ее... — «Куда?» — подумала Эксия и тут же вспомнила, что играет роль Франчески. — Я отправила ее к своим родственникам, к моему отцу и сестрам.

Девушка пристально следила за лицом Джеми. Неужели он не видит, что Диана — это она? И что он испытывает к ней? Почему он был так нежен с Дианой, а сейчас так резок с Экси́ей?

Эксия набрала в грудь побольше воздуха и холодно произнесла:

— Что касается твоей проповеди по поводу моего поведения — да, я буду держаться подальше

от тебя. Что касается Франчески — она была на моем попечении в течение многих лет и, как видишь, осталась жива. Что же касается тебя — признаюсь, ничто не доставит мне такого удовольствия, как забыть о твоём существовании. — Приблизившись к Джеми, она приподняла юбку и присела в реверансе. — Для меня, сэр, вы мертвы. — С этими словами она покинула комнату.

Джеми опустился на приоконную скамью. В течение всей своей жизни он, хвала Господу, был избавлен от каких-либо проблем с женщинами. Полностью. Его всегда забавляло, как Джоби издевается над знакомыми молодыми людьми. Когда этот чертенок переходил грань, ему стоило лишь строго посмотреть на сестру, чтобы она перестала проказничать. Беренгария вообще была ангелом. Королева, которая причиняла так много страданий столь многим мужчинам, улыбалась ему и танцевала с ним.

У него не раз создавалось впечатление, что женщины всего мира улыбаются ему. Но только не эта девушка с огромными карими глазами и потрясающими волосами, такими густыми, такими шелковистыми, такими... — Ад и Пламя! — воскликнул Джеми и намеренно дотронулся до синяка над глазом, чтобы боль прочистила ему мозги.

Она — не человек! Она пыталась убить свою красавицу-кузину, превратила его самого и Франческу в объект насмешек, издевалась над ним, поставила его в неловкое положение. Ее преступления можно перечислять до бесконечности.

Более того, она вмешалась в его отношения с Дианой, с его нежной и ласковой Дианой, которая преподнесла ему столь дорогой подарок.

— Будь она проклята! — громко произнес он. Ведь единственное, чего он хотел от нее добиться, — чтобы она дала честное слово — если знает, что это значит, — что будет хорошо себя вести во время путешествия. Ну почему она должна из всего делать спектакль? И что она подразумевала под тем, что отныне он мертв, для нее?

Когда открылась дверь и на пороге появился Рис, Джеми понял, что время для раздумий закончилось. Франческа, сказал он себе. Он должен думать о Франческе и о том, в чем нуждается его семья. Что бы там ни утверждала Эксия, он будет ухаживать за золотом Мейденхолла.

— Фургоны готовы. Можешь проверить.

— Да, конечно, — сказал Джеми, вставая. Они выезжают завтра утром, а нужно еще столько сделать! Подойдя к двери, Джеми остановился. — Рис, ты что-нибудь знаешь о женщинах?

— Ни капельки, — добродушно усмехнулся тот. — И если мужчина заявляет, что знает, значит, он врун.

— М-м-м, — только и смог выдать из себя Джеми, прежде чем вышел в коридор.

Глава 10

«Три дня», — думала Эксия, подставляя лицо нежным лучам солнца. Она сидела на вершине невысокого холма. Внизу, позади нее, стояли фургоны, а впереди простиралось бескрайнее поле цветов. Вдали виднелась очаровательная деревушка. Будь она художником-пейзажистом, то обязательно взялась бы за кисть, чтобы запечатлеть эту прекрасную картину. Но сейчас ей хотелось в одиночестве сидеть здесь и смотреть на мир, вернее, на его крохотную частицу.

Вот уже три дня и две ночи она наслаждалась полной свободой и возможностью наблюдать за тем, что творилось за пределами каменных стен. На своем пути она видела деревни с домами, верхние этажи которых нависали над мостовыми, магазины, полные неизвестных ей товаров, таких как святые мощи и детские игрушки.

Она видела всевозможные лакомства: сливочные и медовые пирожные, облитые сахарной глазурью булочки с начинкой из смородины. Мейденхолл всегда нанимал отменных поваров, но никто из них не создавал таких восхитительных блюд. Когда Эксиа увидела в витрине булочной буханку в виде вставшего на задние лапы рычащего медведя и оскалившейся на него собаки, она едва не задохнулась от восторга.

И Рис принес ей эту буханку. «Дорогой Рис, — подумала она. — И он, и Томас так добры и великодушны».

После той лекции, которую прочитал ей этот предатель, Джеймс Монтгомери, за день до отъезда, Эксиа поклялась, что никогда не заговорит с ним, за исключением тех случаев, когда общения избежать не удастся. До настоящего момента у нее не было нужды обращаться к нему. В первом фургоне путешествовала Франческа, ее горничная Виолетта и кучер Джордж. Во втором — Эксиа, Тод и кучер Роджер. Джеми и его люди ехали верхом по обе стороны от фургонов.

С самого начала путешествия Эксию переполняла радость. Половину первого дня она ошеломленно молчала и только охала и ахала при виде людей, домов и ветхих повозок, перевозивших какой-то скарб. В полдень они остановились, чтобы напоить лошадей, и она увидела трех мальчишек, игравших с обручем. Еще один мальчик держал деревянную чашку, к которой веревкой был привязан шарик. Ребенок пытался закинуть шарик в чашку. Заинтересовавшись, Эксиа подошла к детям. Благодаря тому, что она была невысокой и выглядела почти девочкой, ее сразу же приняли в игру, стали обучать, как обращаться с обручем и чашкой. Когда за ней пришел Рис, он заявил, что всегда являлся чемпионом в этих играх, и тут же принялся демонстрировать свое мастерство. Когда за Рисом пришел Томас, он сказал, что умеет крутить обруч лучше всех в мире, и начал доказывать свою правоту. Когда за всеми пришел Джеми, он обнаружил, что четверо детей и трое взрослых полностью поглощены игрой и весело смеются. Но стоило ему с улыбкой приблизиться к ним, Эксиа напряглась, отдала чашку мальчикам и, гордо вскинув голову, пошла прочь. Остальные участники игры, словно по команде, прекратили смеяться.

С того дня Эксиа, Рис и Томас стали большими друзьями. Всю дорогу мужчины скакали рядом с фургоном, в котором путешествовала девушка, и отвечали на ее многочисленные вопросы. Когда они выезжали за пределы деревень и городов, Тод садился на место кучера — ему нравилось править лошадьми, — а Роджер забирался внутрь фургона и спал. Все четверо являли собой веселую компанию, они смеялись, шутили, вспоминали детские игры. Эксиа, проведшая первые несколько лет своей жизни среди взрослых, имела слабое представление о том, во что играют дети. Насколько девушка помнила, первым ребенком, увиденным ею, был двенадцатилетний Тод, а вторым — Франческа, с которой всегда было скучно.

По вечерам кучеры под руководством Эксиа разбивали лагерь и вешали над костром котелок, в котором тушилось мясо, купленное в ближайшей деревне. После ужина Эксиа рисовала портреты.

А в течение дня Эксию кормили Рис и Томас. Когда путь проходил через деревню, один из них обязательно заглядывал в магазины — в булочную, в кондитерскую, в мясную и даже в винную лавки — в поисках того, что еще не пробовала девушка. В первый день они купили всего по две

порции, предназначая одну Франческа — ведь она, как-никак, наследница, которую всю жизнь продержали взаперти. Но та посмотрела на мужчин, как на ненормальных.

— Как я сейчас могу это есть? — раздраженно спросила она. — У меня от этого будут липкие руки.

Больше они не предпринимали попыток угостить ее, зато испытывали ни с чем не сравнимое удовольствие, когда кормили Эксию всем, что могли раздобыть. А по вечерам они получали от девушки награду: она делала зарисовки событий дня. Казалось, ее мозг фиксировал все детали. Вот Рис тянется за сдобной булочкой с изюмом, и жена булочника сейчас огреет его поварешкой по руке. Вот Томас пытается разобраться, как устроена детская игрушка, а маленькая хозяйка игрушки стоит и с нетерпением смотрит на него. Вот Тод, у которого видна лишь здоровая половина лица, сидит на месте кучера и улыбается. Вот Роджер внутри фургона, и над его губами летает муха.

— А Джеми? — спросил Томас, с восторгом разглядывая ее рисунки.

Бросив быстрый взгляд на Джеми, стоявшего в нескольких футах от нее, Эксия обмакнула перо в чернила и принялась рисовать. Через пять минут она протянула Томасу листок, на котором была изображена Франческа с мешками, набитыми золотом, вместо тела. Облокотившись на нее, Джеми с хитрым видом целовал ее руку, высовывавшуюся из мешков, а за спиной держал разрешение на брак.

Никто не засмеялся. Все почувствовали, что рисунок буквально источает жгучую ненависть, все, кроме кучера Роджера, которому карикатура показалась забавной. Он захохотал, а за ним засмеялись и остальные.

Как назло, Джеми выбрал именно этот момент, чтобы подойти к веселившейся компании. Ему просто стало интересно, над чем все смеются.

С самодовольной улыбкой Эксия протянула ему листок. Тод, попытавшийся перехватить его у нее, прежде чем Джеми увидит рисунок, едва не упал в костер.

— Так вот что ты думаешь обо мне, — проговорил Джеми и, вернув рисунок Эксии, ушел.

И вот сейчас она сидит здесь в одиночестве и наслаждается свободой. Эксии казалось, что ее тело звенит от восторга. Она оперлась на руки, закинула голову и полной грудью вдохнула чистый прохладный воздух. Как же этот воздух отличается от воздуха, которым она дышала в поместье отца!

«Carpe diem», — подумала она. Пользуйся каждым дарованным тебе моментом, но драгоценные минуты тают на глазах, стремительно приближая конец свободы. Три дня уже позади, но она почти ничего не сделала, только съела половину продуктовых запасов Англии. Эксия выпрямилась и развела в стороны руки. Ей хотелось большего, летать, к примеру.

— Да, — громко сказала она, — я хочу летать. Я хочу... — Ну, и чего же она хочет сильнее всего на свете? — Я хочу доказать, что значу больше, чем деньги, — обратилась она к ветру.

С детства ей неустанно напоминали, что она наследница Мейденхолла. Да и Франческа не упускала случая заявить: «Если ты нравишься ему, то только из-за твоих денег, я уверена». Сколько раз она повторяла: «Она добра с тобой из-за твоих денег». Опять и опять, всегда ей мешали деньги отца!

— Неужели я стою меньше, чем золото моего отца? — спросила Эксиа. — Почему никому не приходит в голову, что кому-то может понадобится от меня нечто большее, чем золото? Почему?..

Она замолчала, так как услышала свист Тода — условный сигнал, говоривший о том, что он зовет ее. Эксиа поднялась и стала медленно спускаться к фургонам.

— Что она там делает? — встревоженно спросил Джеми у Тода. — Я впервые встречаю столь необычного человека. Всего минуту назад она вызывала у меня ненависть, а в следующее мгновение она...

— Она вызвала у вас интерес, — закончил за него Тод. Джеми с неохотой кивнул. — Вся ее жизнь прошла в изоляции. Она не знает, как живут люди за пределами поместья. Все ново для нее.

— По мере того как она набирается опыта, она всё больше дурачит моих людей.

Тод покачал головой.

— Думаю, вы скоро поймете, что Эксиа очень э-э... полезна.

— О да, она полезна в том, что касается лагеря. Тод улыбнулся, что делал чрезвычайно редко из-за того, что улыбка превращала его изуродованное лицо в чудовищную маску.

— Думаю, вы поймете; Эксиа полезна не только в том, чтобы варить похлебку. Она умело обращается с деньгами.

Джеми недоверчиво хмыкнул.

— Только дурак позволит этой безмозглой ведьме приблизиться к деньгам.

— Яблоко от яблони...

— Что ты имеешь в виду? — перебил его Джеми. Тод прокашлялся.

— Я говорю, что только время покажет.

Джеми нахмурился и ушел, однако слова Тода запали ему в душу. Как ни грустно признать, но Эксиа действительно вызывает у него огромный интерес. И он действительно впервые встречает столь необычную личность. Во-первых, у нее нет ни малейшего представления о том, что человечество делится на классы. Родство с таким богачом, как Мейденхолл, естественно, дает ей некоторые преимущества, но она, кажется, не понимает этого. В то время как Франческа держится в соответствии со своим общественным положением, Эксиа просто выполняет ту работу, которую нужно, вплоть до мытья посуды в ручье. На днях Франческа потеряла кольцо, Эксиа не задумываясь бросилась ей на помощь и принялась искать драгоценность.

Главной целью Эксиа, думал Джеми, было облегчить всем жизнь. Когда они в первый раз остановились на ночлег, он обнаружил, что трое слуг молча и споро выполняют свои обязанности. Он по опыту знал, что обычно новые слуги бездельничают до тех пор, пока кто-нибудь не разъяснит, в чем заключается их работа. Расспросив эту троицу, он выяснил, что Эксиа проинструктировала их еще до того, как было выбрано место для ночлега.

Первой его реакцией на ее вмешательство было возмущение. Он не позволит ей управлять собой так же, как бедной Франческой! Но вскоре его ноздри защекотал восхитительный аромат жаркого из кролика, приправленного чабрецом, который Эксиа нарвала во время дневной остановки, на его столе появился свежее испеченный хлеб, и он забыл о так называемом «контроле».

Но самым странным было то, что она заботилась о Франческе. Джеми предполагал, что ночью Эксиа тайком заберется в фургон наследницы и что-нибудь сделает с ней, но все сложилось по-другому. Эксиа давала указания горничной Франчески по поводу того, какие платья та любит больше всего, какие блюда нравятся наследнице и как застилать постель, чтобы той было удобно. Джеми не раз приходило в голову, что из Эксиа получилась бы великолепная фрейлина, если бы она то и дело не высказывала колкости в адрес Франчески.

Короче говоря, события последних трех дней только усложнили ему задачу совместить то, что он знал об Эксиа, и то, что видел и слышал. По лагерю уже стала эхом разноситься фраза: «Спроси у Эксиа». Создавалось впечатление, будто ей все известно: и где, в каком фургоне, сложены те или иные запасы, и то, что Рису нравятся куриные ножки, а Томасу — грудки. А уж что касается Тода! Ни одной особе королевской крови не уделяли столько внимания, сколько этому калеке.

Единственным, кого Эксиа игнорировала, был Джеми. Эксиа руководила тем, как ставят палатку, в которой спали Рис и Томас, Джеми же приходилось все делать самому. И так каждую ночь! По утрам Эксиа щеткой чистила одежду мужчин, Джеми же вынужден был ходить в грязном. Она рисовала на всех дружеские шаржи, даже на Франческу, но Джеми упорно не замечала, даже если он стоял у нее за спиной.

Да поможет ему Господь, но поведение Эксиа вынуждало его следить за каждым ее шагом. Трудно дать разумное определение его чувствам, когда он подмечал, что она что-то делает для других, объяснить его возмущение, когда она не делала этого для него.

Впервые в жизни Джеми обнаружил, что из всех сил пытается привлечь к себе внимание женщины. Если принять в расчет характер Эксиа, с улыбкой подумал он, то лучшим способом завоевать ее — это проявлять как можно больше интереса к наследнице.

Час спустя, когда все собрались вокруг костра, Джеми повернулся к Франческе и, намереваясь поддразнить ее, весело произнес:

— Любопытно, а наследница Мейденхолла похожа на Перкина Мейденхолла?

Франческа была так погружена в свои мысли, что не раздумывая с сарказмом ответила:

— Откуда ей знать, как он выглядит? Она никогда не встречалась со своим отцом. — Мгновенно воцарившаяся тишина заставила Франческу опомниться, и она попыталась исправить ошибку: — Я имею в виду, что никогда не встречалась со своим отцом.

— Никогда не встречались со своим отцом? — переспросил Рис. — Ни разу?

Франческа опустила голову, чтобы никто не увидел, как блестят ее глаза. Ее раздражало, что Рис игнорирует ее и все внимание уделяет Эксиа. Это началось с того дня, когда он предложил ей какие-то мерзкие конфеты, как будто она была маленьким ребенком. Она, естественно, отказалась, а он перестал даже смотреть в ее сторону.

Когда Франческа подняла голову, в ее глазах отражалась печаль.

— Он пишет письма и отправляет нарочных, но никогда не приезжал сам.

Джеми нахмурился и сочувственно посмотрел на бедняжку. Впрочем, и все остальные смотрели на Франческу с сочувствием.

— Я всегда завидовала тем, у кого есть семья, я же была лишена и матери, и отца, — продолжала та, тоскливо глядя вдаль. — Моя семья — это Эксия. И Тод, конечно.

Эксия уже открыла рот, чтобы заговорить, но Тод сжал ее локоть и взглядом напомнил ей, что именно она, а не Франческа, захотела играть в эту игру.

Эксии не нравилось, когда кто-либо пренебрежительно отзывался о ее отце. Что бы он ни делал, на то, она не сомневалась, у него были веские причины. И если она не знает, что это за причины, то это ее проблема, а не его.

— У наследницы Мейденхолла есть многое другое, что компенсирует ей отсутствие отца.

— Например, любовь? — взвилась Франческа и повернулась к Джеми. Ее глаза были полны непролившихся слез. — Я не прошу жалеть меня, но кузина ни разу не сделала наследнице подарок на Рождество, в то время как наследница всегда что-нибудь дарила. Разве не так, Эксия? Тод? Ты можешь поклясться, что я говорю истинную правду, верно? — Она открыто посмотрела на Тода.

— Да, Франческа, ты права, — холодно отозвался тот. — Кузина ни разу ничего не подарила наследнице. И ни разу не выразила ей благодарность за то, что та сделала для нее.

Эксия увидела, что все взгляды устремлены на нее, и поняла, что нужно защитить себя. Но если она начнет оправдываться, не получится ли так, что она защищает Франческу? Девушка совсем запуталась.

— Вероятно, у кузины не было денег на подарок. Что она может подарить дочери самого богатого человека в Англии? — Именно такие доводы тысячи раз приводила ей Франческа.

К изумлению Эксии, Франческа рассмеялась.

— Не было денег! Как же так, Эксия, ты же богаче всех домочадцев.

Озадаченная, Эксия никак не отреагировала на ее замечание. «Неужели Франческа собирается рассказать правду?» — недоумевала она.

Продолжая смеяться, красавица обратилась к Джеми:

— Вы в жизни не встречали такого человека, как она. Как вы думаете, что она делала с яблоками из фруктового сада? А с ягодами? Она отправляла их в деревню для продажи, вот что! — Помолчав для пущего эффекта, она пренебрежительно добавила: — Эксия срезала все цветы в поместье, чтобы приготовить духи. Уверяю вас, у нее душа и сердце жадного купчишки. Она не тянет на благородную даму!

Эксия спокойно поставила тарелку на землю и встала.

— Франческа, лучше я съем горсть иголок; чем проведу еще одну минуту в твоём обществе, — заявила она и ушла в темноту.

Франческа победно оглядела присутствующих и обнаружила, что никто даже не улыбается.

Она не могла понять почему. Разве Джеймс Монтгомери, граф, не произнес слово «торговец» с пренебрежением? Она видела, как он возмутился, когда увидел разрисованные фургоны. Он ненавидел низшие классы, он ненавидел купцов, разве не так?

Первым заговорил Томас. Поднявшись, он потянулся и сказал, что пораньше ляжет спать, чтобы завтра утром пораньше отправиться в путь. Спустя несколько минут за ним последовал Рис.

Оставшись наедине с Джеми, Франческа прижала руки к лицу и трагически прошептала:

— Они не любят меня. Я знаю это. Джеми опустил перед ней на колени. Он всегда не выносил вида плачущих женщин.

— Конечно же нет. Уверен, что они очень вас любят.

— Нет, они любят Эксию. С тех пор как мне исполнилось тринадцать лет, я только и сталкиваюсь с тем, что Эксию любят больше, чем меня. Вы не можете представить, во что превратилась моя жизнь. Отец держал меня взаперти и не выпускал за пределы замка. А людям нужны только мои деньги, а не я сама.

— Как мне? — тихо спросил Джеми. — Вы же знаете, что я намеревался жениться на золоте вашего отца.

Франческа сцепила руки на шее Джеми и приблизила свое лицо к его.

— Вас действительно заботит только золото моего отца? Неужели я ни капельки не интересую вас?

— Нет, естественно нет, — ответил Джеми и потянулся к ее губам.

Но им так и не удалось соединиться в поцелуе: Эксия так наподдала ногой горячую головню, что та перелетела через костер и упала рядом с Джеми. Пола дублета, касавшаяся земли, тут же вспыхнула.

Разбуженные суматохой, которую подняли Тод и два кучера, когда сдирали с Джеми горящий дублет. Рис и Томас выскочили из палатки с мечами на изготовку.

Наконец опасность миновала, и Джеми, целый и невредимый, дрожа от ярости, повернулся к Эксии.

— Мне так жаль, — улыбаясь, произнесла она. — Наверное, удар оказался слишком сильным. Надеюсь, я не очень помешала тебе ухаживать за моей кузиной?

— Эксия, — еле слышно проговорила Франческа, — ты мне за это заплатишь.

— Сегодня ты будешь спать в моей палатке, — обретя дар речи, заявил Джеми. — Я прослежу, чтобы ты никому не причинила вреда.

Губы Эксии снова растянулись в улыбке.

— Уж лучше я проведу неделю, по шею закопанная в конском навозе, чем соглашусь хоть одну ночь спать в твоей палатке.

Джеми шагнул к ней, но путь ему преградил Тод.

— Я послезу за ней, я буду оберегать ее.

— Оберегать ее? — задохнулся от гнева Джеми. — А кто уберезет нас от нее?

— Но со мной все в порядке, — вмешался Рис. — А ты, Томас? Ты не ранен?

Томас усмехнулся. Его отец был купцом, то есть принадлежал к тому сословию, о котором Франческа говорила с таким пренебрежением, поэтому он решил принять сторону Эксии.

— Я не ранен, ни одной царапины. Мне кажется, среди нас есть лишь один человек, которого ранила эта, так сказать, «дочь торговца».

Заморгав, Эксия с благодарностью взглянула на мужчин.

Джеми воздел руки к небу.

— Расходитесь по своим местам. Мне совершенно безразлично, кто где будет спать.

Прошло некоторое время, прежде чем сон сморил обитателей двух палаток и двух фургонов.

Глава 11

— Проснись, — прошептала Эксия Тоду, вместе с Роджером расположившемуся под фургоном, в котором спала девушка. Она устроила себе постель на рулонах ткани, являвшихся частью их маскарада.

Тод заставил себя открыть глаза.

— Эксия, еще ночь. До утра далеко. Иди спать.

— Куда едут эти фургоны?

Сев, Тод посмотрел на длинную вереницу фургонов, медленно двигавшихся по дороге в нескольких ярдах от лагеря.

— Не знаю. Я никогда здесь не был. Иди спать.

— Если ты не ответишь мне, я спрошу у них. Это значило, что Эксия поднимет переполох, перебудит весь лагерь и до утра никто не сможет глаз сомкнуть.

— Думаю, что завтра в деревне ярмарка и купцы везут свой товар, — сдался Тод и лег.

Выпрямившись, Эксия устремила взгляд на фургоны. Ярмарка! Она всегда мечтала побывать на деревенской ярмарке. То, о чем Франческа говорила с таким пренебрежением, было истинной правдой: она действительно отсылала товары, производимые в поместье, в деревню на продажу, а после этого засыпала того, кто торговал на базаре, вопросами.

Эксия снова затрясла Тода.

— Вставай. Мы едем на ярмарку.

— Я... — начал было Тод, нахмурившись. Эксия знала, что тревожит его: он не хочет появляться на людях.

— Не мучайся. Ты не будешь высовываться из фургона, и никто тебя не увидит.

Тод медленно, преодолевая боль, вылез из-под фургона.

— Не делай этого. Он страшно рассердится.

— Он уже ненавидит меня — так какая разница?

— Эксиа... — попытался остановить ее Тод.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Ты знаешь, что меня ждет. Думаешь, мой муж позволит мне когда-нибудь побывать на деревенской ярмарке? Если только не решит выставить меня напоказ, как выставляют уродов. «Смотрите, наследница Мейденхолла!» — продекламировала она с таким видом, словно это было оскорбление.

Слова «выставлять» и «урод» заставили Тода согласиться.

— Но если он услышит и...

— Он ничего не услышит за грохотом фургонов. Ну, Тод, пожалуйста! Я не допущу, чтобы он помешал мне наслаждаться жизнью и свободой хотя бы во время путешествия. Может, он и услышит, но мы все равно должны попытаться.

Тод улыбнулся, что позволял себе делать только в обществе Эксиа.

— Мы можем попытаться схватить момент за хвост, так? Поддавшись порыву, Эксиа бросилась Тоду на шею и крепко обняла его.

— Спасибо тебе, я так благодарна.

Эксиа, которая так спешила, что не обратила внимания на то, как ее объятия подействовали на Тода, залезла под фургон и принялась тормозить Роджера. Единственное, что занимало ее, — это поскорее ускользнуть из-под всевидящего ока Джеймса Монтгомери.

— Она сбежала! — еле слышно произнес Джеми. Он не позволял себе говорить громко, потому что в противном случае так бы гаркнул, что звезды посыпались бы с небес — до такой степени он был разгневан.

Только что выбравшийся из палатки Рис изумленно уставился на то место, где ночью стоял разрисованный фургон. В течение последних дней он неустанно любовался огнедышащим драконом и львом, которого Джеми, так и оставшийся почти обнаженным, вот-вот должен был сразить. При других обстоятельствах он бы забеспокоился и сразу бы подумал о похищении, но сейчас он был абсолютно уверен, что Эксиа отправилась решать хозяйственные проблемы. «Интересно, — спросил он себя, зевая, — что вкусненького она привезет к ужину?»

— Куда же она его дела? — поинтересовался Томас, оглядываясь по сторонам с таким видом, будто ищет фургон, который из-за его размеров, естественно, нельзя было спрятать за валунами.

В отличие от остальных Джеми едва сдерживал себя.

— Как я посмотрю, никто из вас не считает, что нас обвели вокруг пальца.

— Она же с Тодом, — заметил Томас. — Он проследит, чтобы с ней ничего не случилось. У верен, она скоро вернется.

Джеми взглянул на друзей как на сумасшедших. Очевидно, они не полностью осознают, что ему поручено доставить наследницу к жениху и обеспечить ее безопасность в пути. Но эта... эта Эксиа чинит ему препятствия на каждом шагу.

— Надо ее найти. — Повернувшись к горничной, которая раскладывала хлеб и сыр на столике перед палаткой Джеми, он сказал: — Разбуди свою хозяйку и...

Он замолчал на полуслове, так как из фургона неторопливо вылезла Франческа. «А она не столь уж красива по утрам», — промелькнуло у него в голове.

— Она украла фургон и сбежала, — обратился к Франческе Джеми, не считая нужным объяснять, кто «она». — Я должен найти ее и привезти назад.

Франческа не любила вставать рано, а еще больше она не любила, когда приходилось начинать день с проблем, которые создавала Эксиа.

— Она взяла фургон, чтобы отправиться в деревню, — сказала Франческа, беря у горничной кружку с сидром.

Ее платье было помято, и она сердилась на Эксию за то, что та не проверила, как горничные в поместье упаковывали ее вещи.

Джеми был слишком занят тем, что седлал лошадь, и слишком сердит, чтобы слушать Франческу, но Рис и Томас, с аппетитом жевавшие сыр с хлебом, обратили внимание на ее слова.

— А почему вдруг ей захотелось ехать в деревню? — осведомился Томас.

— Чтобы подзаработать, естественно, — ответила Франческа. Мужчины устремили на нее вопросительные взгляды, и она недовольно поджала губы. Что она, сторож этой Эксиа? Указав на людей, ехавших или шедших по дороге к деревне, она с сарказмом проговорила: — Сегодня там ярмарка, верно? Следовательно, деньги переходят из рук в руки? Если там можно на чем-то сделать деньги, значит, Эксиа там. — Она, прищурившись, посмотрела на Джеми. — Я же сказала, что у нее сердце и душа жадного куп...

Она не закончила, потому что Джеми взлетел в седло и в клубах пыли понесся по дороге.

Направляясь к деревне, Джеми размышлял над заявлением Франчески и все не мог поверить ей. С чего бы это девушке, которая всю жизнь провела с наследницей Мейденхолла, ехать на ярмарку в деревню? Хотя он помнил замечание Тода о том, что Эксиа умело обращается с деньгами, но все равно не мог допустить, что эта чертовка способна на нечто большее, кроме рисования. Как это возможно, если всю свою жизнь она провела взаперти?

Нет, поправил он себя, взаперти жизнь провела Франческа. А у Эксиа есть отец и сестры, она долго жила с ними и сейчас каждый год навещает их.

Подъехав к окраине деревни, Джеми обратился к какому-то прохожему:

— Вы не видели фургон с?..

Он ошарашенно замолчал, когда другой прохожий указал на него пальцем и радостно закричал:

— Это он! Победитель дракона! Это он!

Заскрежетав зубами, Джеми тронул лошадь с места и шагом двинулся через успевшую собраться толпу. Очевидно, Эксиа здесь, и люди уже видели картинки, нарисованные на стенках фургона.

Кажется, Эксиа обладает сверхъестественной способностью унижать его. За двадцать восемь лет ни одна душа не посмела принизить его достоинство, а сейчас, после встречи с ней, его жизнь превратилась в фарс.

— Прямо-таки греческие трагедии, — буркнул Джеми и повернул лошадь на базарную площадь, где торговались, обменивались товаром и просто беседовали несколько сотен человек.

— Победитель дракона! — то и дело слышалось с разных сторон.

«Интересно, — подумал он, — как они узнали меня с царапинами на щеках и заплывшим глазом?»

В дальнем углу площади собралась огромная толпа, над которой возвышался разрисованный фургон. Джеми не поверил своим ушам, когда услышал голос Эксиа, перекрывавший шум и гам. Как у такой маленькой женщины может быть такой громкий голос?

Объехав толпу и приблизившись к фургону сзади, он остался сидеть в седле, чтобы видеть, что происходит впереди.

Он купил этот фургон лишь для прикрытия, не задумываясь о том, для чего конкретно он предназначен. Тод сказал ему, что в подвале замка хранятся ткани, и Джеми решил использовать их для подтверждения придуманной им легенды. Теперь же он увидел, что фургон был построен именно для тех целей, для которых его сейчас использовала Эксиа. Верхняя часть одной стенки — та, где Эксиа нарисовала брюхо дракона, — была поднята и подперта двумя столбиками, упиравшимися в железные кольца, привинченные по бокам. На нижнюю часть стенки была установлена широкая доска, которая образовывала прилавок.

Девушка натянула отрез ткани между торцами фургона, и Джеми не сомневался, что за этой занавеской скрывается Тод. Сама же Эксиа стояла за прилавком, а Роджер помогал ей, отмеряя и отрезая ткань в соответствии с ее указаниями.

Но больше всего Джеми озадачило, то, что вокруг фургона собралась толпа. Неужели они никогда прежде не видели торговца тканями? Или их привлек разрисованный фургон? Если так, то они просто стояли бы и глазели на него. Но они покупали! Причем с таким рвением, что Роджер и Тод едва успевали поворачиваться. Джеми знал, что ночью фургон почти до верха был набит рулонами, но, заглянув внутрь, он обнаружил, что ткани там почти не осталось. Зато появились огромная голова сыра, несколько мешков муки, задняя нога теленка и, если слух не обманул его, две курицы. Ему не удалось разглядеть все остальное, однако он не сомневался: в поле его зрения попала лишь малая часть того, что находилось в фургоне.

Джеми тронул лошадь, собираясь подъехать еще ближе, но голос Эксиа заставил его остановиться:

— Мои предки были величайшими купцами на земле, — кричала она, хотя обращалась к человеку, стоявшему всего в нескольких футах от нее. — Уж лучше я выброшу свой товар, чем соглашусь на твое предложение. Видишь, как блестит ткань? Чешуя дракона — вот что придает ей блеск. Вы никогда не задумывались, что в старину происходило с драконами? Верно, их убивали рыцари, но мои предки сдирали с них шкуру и засаливали ее. В течение нескольких поколений они собирали ее, не зная, что с ней делать. И только моя бабушка — да будет благословенно ее имя! — придумала, как вплетать чешую в нить, а мой дедушка работал на огромных ткацких станках, на которых ткали это полотно. Ну, видите, как оно блестит на солнце? Драконова ткань! — еще громче закричала она. — Продается драконова ткань! Никогда не снашивается.

Джеми затряс головой, чтобы прочистить мозги от этого вздора. Драконова ткань? Никогда не снашивается?!

Он мгновенно вспомнил о рыцарских клятвах, когда-либо данных им. Как она смеет так нагло лгать? Как она смеет?..

Джеми не стал тратить время на размышления. Он пустил свою лошадь в толпу и остановился перед прилавком.

— Что?.. — начала было Эксиа и застонала, увидев, кто именно перед ней. — Закрываемся, ребята. Дьявол пожрал солнце, — крикнула она Тоду и Роджеру, находившимся внутри фургона.

— Вылезай оттуда, — сквозь сжатые зубы процедил Джеми.

Стоявший возле лошади крестьянин с гусем под мышкой задрал голову и уставился на всадника.

— Победи... — Он замолчал на полуслове, потому что увидел выражение лица Джеми.

— Немедленно! — скомандовал тот. — Выбирайся из фургона. Роджер и Тод позаботятся о нем. Отвезите его в лагерь, — обратился он к мужчинам, которые, без сомнения, внимательно слушали его.

Роджер кивнул, а Эксиа открыла дверь и спрыгнула на землю.

— Может кто-нибудь узнать у этого человека, на что он разозлился? — спросила она у толпы и, щурясь на солнце, огляделась по сторонам, избегая смотреть на Джеми.

— Или его просто оскорбляет тот факт, что я живу и дышу одним воздухом с ним?

Джеми, который и так стал притчей во языцех среди населения деревни и ее окрестностей благодаря своему полуобнаженному изображению на стенке фургона, не хотел еще сильнее усугублять свое положение и подвергаться насмешкам.

— Эй ты! — позвал он мускулистого крестьянина. — Подсади-ка ее на мою лошадь.

Он не собирался спешиваться, потому что не желал, чтобы толпа сравнивала его с портретом.

Лицо крестьянина залучилось счастьем, словно ему вручили ключи от королевства, и он, подхватив Эксию, уже приготовился усадить ее в седло перед Джеми, но внезапно ощутил прикосновение холодной стали к подбородку. Опустив глаза, он увидел в руках Джеми кинжал.

— Если хочешь сохранить пальцы, — процедил тот, — следи, за что они хватаются.

На лице крестьянина отразился страх, но толпе, чье воображение было взбудоражено появлением на ярмарке необычного фургона, очень нравилось, как развиваются события. Какой-то мужчина, стоявший далеко от Джеми, закричал:

— Победитель дракона!

И в следующую секунду его слова подхватила чуть ли не вся ярмарка:

— Победитель дракона! Победитель дракона! Победитель дракона!

Закатив глаза к небу, Джеми, с Эксией впереди себя, повернул лошадь и начал выбираться из толпы. Ему пришлось немало потрудиться, прежде чем он выехал на дорогу и направился к лагерю. Однако он не пустил лошадь в галоп, потому что решил попытаться — еще раз — вправить мозги этой смутьянке.

— Ты привлекаешь к нам внимание, — начал Джеми, не в силах дождаться, когда подыщет удобное местечко, чтобы спешиться и спокойно поговорить. — Какой смысл в нашем маскараде, если ты выставляешь нас напоказ перед всей деревней и делаешь предметом насмешек? — Эكсия молчала. — Тебе нечего сказать? — возмутился он. — Ты не можешь объяснить свои действия? Ты хоть когда-нибудь думаешь, прежде чем что-то делаешь?

Эксия сидела в седле боком, привалившись к груди Джеми, а его руки, сжимавшие повод, поддерживали ее с обеих сторон. Ей было очень хорошо, но она не могла простить его за то, что он не узнал ее в Диане — или Диану в ней.

— Эксия, — строго позвал ее Джеми, — что ты можешь сказать в свое оправдание?

Эксия наклонилась в противоположную от него сторону.

— Лошадка, тебе не кажется, что кто-то что-то сказал? Нет? И мне нет. Наверное, это ветер шумит в ветвях. Джеми устало вздохнул.

— Когда я получил письмо от Перкина Мейденхолла, в котором он спрашивал, соглашусь ли я сопровождать его дочь в путешествии через всю Англию, то решил, что задание не стоит предложенных мне денег, — произнес он так, будто говорил с самим собой. — Теперь же я понял, что ошибался. Уж лучше бы я отлавливал преступников в горной Шотландии, чем имел дело с... с... — Как всегда, Джеми трудно было найти нужное определение, чтобы охарактеризовать Эксию. Он вдохнул полной грудью, чтобы успокоиться. — Эксия, — негромко продолжил он, ощутив ее тело и вспомнив, что она женщина. Он успел забыть об этом, считая ее исчадием ада, посланным, чтобы мучить его. — Ты не имела права брать фургон и исчезать. Вы с кухней находитесь под моей защитой, поэтому я всегда должен знать, где вы и что делаете. Ты поняла меня?

Джеми ждал ответа, даже такого, который был бы обращен к лошади, но тщетно. Наконец он посмотрел на девушку и увидел, что та спит. Ее голова покоилась у него на плече, руки были сложены на коленях.

«Что тут удивительного», — подумал он. Она работает в два раза больше, чем кто-либо из их каравана. Нет, для него она ничего не делает, но изо всех сил старается для других. Вот и сейчас ему не придется покупать продукты на следующую неделю, потому что разрисованный фургон вез все необходимое. И лишь благодаря ей. «Возможно, — без особого энтузиазма

признал Джеми, — Тод был прав, утверждая, что Эксиа умеет обращаться с деньгами».

И все же он обязан отчитать ее за вопиющую ложь насчет «драконовой ткани».

В сотне ярдов впереди себя Джеми увидел лагерь. Без сомнения, все с нетерпением ждут его. Скоро в фургоне — Рис называл его «драконов фургон» — приедут Тод и Роджер, и надо будет трогаться в путь.

Джеми понимал, что ему следует ехать в лагерь, но вместо этого он, поддавшись необъяснимому порыву, свернул с дороги и двинулся вверх по склону холма в тень. раскидистого дуба. Спешившись, он осторожно взял Эксию на руки, расположился под деревом и устроил ее у себя на коленях.

Она спала почти час, свернувшись калачиком в его крепких объятиях. До настоящего момента он и не предполагал, что она такая миниатюрная. «Видимо, у нее очень сильный характер», — решил он, глядя на ее тонкие изящные ручки. Внезапно его охватило желание защитить ее. Он почему-то почувствовал себя именно таким, каким она изобразила его на стенке фургона.

Прижав к себе девушку, Джеми прислонился к стволу дерева и задремал.

Спустя несколько минут его резко разбудили. — Убери от меня свои мерзкие лапы! — завопила Эксиа, пихнув его локтем под ребра. — Кто тебе дал право позволять себе такие вольности?

Джеми ошарашенно заморгал, не сразу сообразив, где он и что происходит. В последнее время замешательство стало для него нормальным состоянием. С той минуты, когда он перелез через стену и познакомился с необычной девушкой, в его жизни стали главенствовать беспорядок и путаница.

Эксиа сердилась на Джеми — кажется, он не вызывал у нее никаких других эмоций, — но продолжала сидеть у него на коленях.

— Думаешь, я вторая Диана? — спросила она, приблизив свое лицо к его.

Будь на ее месте любая другая, он бы обязательно поцеловал ее, но Эксиа отличалась от всех. Поэтому он бесцеремонно столкнул ее на землю, встал и направился к лошади.

Мысли Эксиа лихорадочно заметались. Неужели он ласкает каждую женщину, с которой знакомится?

— Развратник! — крикнула она ему вслед, но без той злобы, которую предполагает подобное обвинение. — Я не... — начала она, поднявшись и отряхнувшись, но замолчала, увидев, что Джеми развернулся и идет к ней.

Подхватив Эксию на руки и прижав к груди с такой силой, что она едва не задохнулась, он отнес ее к лошади и, приподняв над крупом, убрал руки с ее талии. Девушка рухнула в кожаное седло и сильно ударилась. Услышав ее крик, он улыбнулся и устроился позади нее.

Едва лошадь тронулась с места, Эксиа откинулась Джеми на грудь, чем снова вызвала у него улыбку. Она и сама улыбалась, хотя он не видел этого. На самом деле она вовсе не считала его развратником. Он действительно хотел поцеловать ее.

Прошло некоторое время, прежде чем девушка тихо произнесла:

— У меня целый набор всяких сыров. Там есть и брынза, которую ты так любишь.

— Вот как? — Джеми прилагал все усилия, чтобы его голос звучал спокойно, потому что внутри у него все ликовало. Впервые она сделала что-то специально для него. Но главное то, что она знает его вкусы! — Мейденхолл дал мне деньги на расходы, — решил он поддержать разговор, — но благодаря тому, что ты наторговала, мы сможем сэкономить.

Развернувшись, Эксиа посмотрела ему в лицо.

— О Джеми, я с радостью помогу тебе сэкономить. Я с таким наслаждением сегодня покупала и продавала товар. Было так интересно, и... — Она опустила глаза. — И у меня это так хорошо получалось.

Джеми улыбнулся, глядя поверх ее головы.

— Ты была великолепна.

— Серьезно? Ты действительно так думаешь?

— Да. Ты была лучше всех. Ты так же талантлива в торговле, как в рисовании.

Глаза Эксиа расширились от удивления.

— Но я вовсе не так хороша в рисовании. Уверена, ты видел рисунки и получше.

— Никогда, Ни разу в жизни.

К удовольствию Джеми, девушка несколько секунд беззвучно шевелила губами, не зная, что сказать. Наконец она несмело произнесла:

— Я заметила, что ты любишь миндаль, и хочу нафаршировать утку миндалем. Вот... — Она вынула из-за корсажа платья несколько веточек шалфея. — Я нашла его и решила, что он подойдет для соуса.

Взгляд Джеми излучал нежность.

— Я буду смаковать каждый кусочек, — тихо проговорил он.

Эксиа не сразу сообразила, о чем говорит Джеми, а когда прияла, что он имеет в виду место, где хранился шалфей, зарделась. Отвернувшись, она вновь прижалась спиной к его груди.

— Можно, я помогу тебе с расходами? — уже перед самым лагерем спросила она. — Мне нравится быть полезной.

— Если хочешь, — согласился Джеми, — но только без вранья. Чтобы не было всяких таких «драконовых тканей, которые никогда не снашиваются». Ты не представляешь, как я перепугался сегодня утром, когда проснулся и не увидел тебя.

— Я думала, ты обрадуешься, — призналась Эксиа. — Тебе было бы проще, если бы я упала в какую-нибудь яму и там осталась.

Джеми рассмеялся и сильнее обнял ее.

— Полагаю, я скучал бы по тебе, если бы ты пропала. Конечно, из-за тебя у меня одни

неприятности, но я бы все равно скучал.

Эксия знала, что он не видит ее лица, и позволила себе широко улыбнуться.

— У меня есть репа и морковь, а еще огромный кусок масла. Ой, а еще у меня есть несколько крохотных луковичек. И можно набрать гусиный пух тебе на подушку.

— Вот было бы замечательно, — воскликнул Джеми. Они въехали в лагерь, и к ним уже спешил Рис, чтобы помочь Эксии спешиться. — Просто потрясающе.

Глава 12

Как только Франческа увидела Эксию, восседающую на лошади впереди Джеми, она сразу поняла, что отношения между этими двумя изменились. Этого и следовало ожидать, потому что Эксия, кажется, умеет найти подход к мужчине. Франческа предполагала, что секрет заключается в ее умении вкусно готовить.

«Они мужчины, а не боровы, которых откармливают к ярмарке, — не раз спорила она с Эксией. — На их месте я бы решила, что ты стремишься испортить им печень».

Глядя, как Эксия слезает с лошади Джеми, Франческа тяжело вздохнула. События складывались не так, как ей бы хотелось. Согласившись выдать себя за наследницу Мейденхолла, она предполагала, что будет путешествовать по стране, как королева, и всем станет известно, кто она. Мужчины будут проявлять к ней интерес, и она получит возможность выбрать себе мужа. Ей, конечно, пришлось бы до свадьбы поддерживать в своем избраннике уверенность в том, что она богатая наследница, и только потом открыть правду, однако она надеялась, что муж не бросит ее и полюбит за красоту. Франческа понимала: если она задалась целью сделать хорошую партию, то надо претворять свой план в жизнь сейчас, во время путешествия.

Эксии, в отличие от кузины, было известно, что ожидает ее в конце пути, однако, в обычной для себя манере, она отказывалась думать о грядущем замужестве, хотя, как догадывалась Франческа, в глубине души знала, что именно ей предстоит. Франческа же не представляла, каковы планы Перкина Мейденхолла в отношении нее самой. А вдруг у Болингброков ее встретит письмо, в котором Мейденхолл отказывается от ее услуг в качестве «компаньонки» Эксии? А вдруг ее отправят назад к «семье»? Отправят к тем, кого она всегда описывала Эксии как сонм ангелов, но кто в действительности изводил ее требованиями присылать из поместья Мейденхолла больше дорогих вещей, больше денег?

Франческа знала: Эксия считает, будто на свете нет ничего ужаснее ее «золотой клетки», лишь потому, что у нее мало жизненного опыта. С рождения ее от всего оберегали.

Кроме того, Франческа знала, что случается с женщинами, когда у них нет денег. Ее мать была очень красива, гораздо красивее нее самой. Отказавшись от брака с преуспевающим, но скучным банкиром, она вышла замуж по любви за чрезвычайно привлекательного бездельника, который не желал заниматься каким-нибудь делом более нескольких месяцев. Пять лет непрерывных беременностей лишили мать былой красоты.

Еще при жизни матери Франческа, одетая в изношенное и залатанное платье, не раз смотрела издали на роскошный дом банкира и спрашивала себя, как мать могла выйти за отца. Она разглядывала детей банкира, наряженных в чистые и отглаженные одежды, разглядывала их игрушки и клялась себе, что никогда не повторит ошибки матери. Если ей повезет и она унаследует красоту матери, то обязательно воспользуется ею.

Именно ее осенила идея написать Перкину Мейденхоллу. Сообщив ему о том, что они являются дальними родственниками по брату отца, она попросила его найти ей работу. Франческа часто вспоминала, как сочиняла это письмо, отклоняя один вариант за другим, как стащила лист дорогой бумаги со стола печатника. В этом письме она высказала мысль, что дочери Мейденхолла, должно быть, очень одиноко, и предложила себя в качестве ее подруги.

Ни один человек на земле никогда не испытывал такой радости, как Франческа и ее семья, когда пришел ответ, к которому прилагался кошелек с деньгами. Успех праздновали целую неделю, пока деньги не закончились. Вскоре Мейденхолл прислал за Франческой фургон, и она покинула дом, ни разу не оглянувшись назад.

И вот сейчас Франческа увидела способ избавиться от Эксии, от ее скупого отца, от ужасного Тода, от необходимости зависеть от денег Мейденхолла. Если ей удастся заставить какого-нибудь молодого человека полюбить ее, она обязательно выйдет за него замуж. Она не стремилась заполучить в мужья красавца, ставшего предметом мечтаний многих девушек. Единственное, чего она желала, — это найти человека вроде банкира, от которого когда-то отказалась ее мать.

Но как? Франческе хотелось кричать от бессилия. Как она может познакомиться с подходящим человеком, если путешествует под видом жены Джеймса Монтгомери? Это, конечно, было шуткой с его стороны. В отличие от Эксии, умевшей ускользнуть от всевидящего ока Монтгомери, у нее не хватало смелости, чтобы сдвинуть их отношения с Джемми с мертвой точки.

Франческа попыталась проанализировать возможные варианты. Два дружинника Монтгомери отпадают: с первого взгляда она поняла, что они бедны. Их положение ненамного лучше, чем ее. Остается только сам граф.

Но его взгляды устремлены только на Эксию.

«Чтоб она провалилась!» — подумала Франческа. Эксия не догадывается, как мужчины смотрят на нее. В своей неопытности она считает, будто они видят в ней лишь легендарную наследницу Мейденхолла. На самом же деле она привлекает их живостью характера, которая с лихвой компенсирует отсутствие классических черт во внешности. Проведя всю жизнь взаперти, она не имела представления об этикете и с одинаковым успехом могла принимать важных посланников отца как в сарае, так и в гостиной.

Она также не имела представления о титулах и о том, что нужно выказывать почтение титулованным особам. Два года назад один дряхлый граф потребовал, чтобы его, впустили в замок. Он заявил, что слишком много наслышан об этой наследнице, поэтому желает своими глазами увидеть ее. Эксия заставила его выщипывать пух у пронзительно оравших гусей, а потом показала ему рисунок, на котором был изображен он сам с гусем. Старик уехал, заверив ее, что впервые в жизни так весело и интересно провел день. Когда через год они узнали, что он умер, Эксия все слезы выплакала от горя.

Поэтому Франческу не удивляло, что Джеймс Монтгомери смотрит на Эксию с восторгом. Удивляло ее другое: то, как смотрит на него Эксия. И то, как смотрит на них обоих Тод. Что-то происходило между ними, и Франческе очень хотелось бы знать, что именно.

«Любовь», — с отвращением подумала она. Вот ключ к происходящему. Она догадывалась, что на ее глазах зарождается любовь, это глупое бесполезное чувство, о котором все говорят, но в котором никто не нуждается. Именно любовь привела ее мать к несчастью. Именно любовь...

«Именно любовь уничтожит Эксию, если она не будет осторожна», — сказала себе Франческа. Что случится, если кузина пойдет против воли отца и заявит, что желает заключить брак с обедневшим графом? Отец, естественно, лишит ее наследства, а граф, конечно, бросит. И с чем останется Экси? Она довольно привлекательна, но нужно быть писаной красавицей, чтобы удачно выйти замуж без приданого. Следовательно, без денег Эксии ничего не светит.

«Наверное, я должна спасти ее, — вдруг осенило Франческу. — Спасти ее от нее самой. Если я уведу у нее Джеймса Монтгомери, ей больше не будет грозить гнев отца. И отпадет опасность остаться без наследства. Если же я выйду за графа, то стану леди Франческой Монтгомери, — улынулась она. — Тогда мои сестры вырвут себе сердце от зависти».

Остается еще одна проблема: лорд Джеймс утверждал, что он беден и именно поэтому взялся за предложенную ему работу. Но разве титулованная особа может быть бедной? У него куча богатых родственников, готовых помочь, если судить по тому, с какой поспешностью они ответили на его просьбу и прислали дружинников в роскошных доспехах для охраны каравана.

В сравнении с тем, что ожидает ее, у Джеймса Монтгомери более радужные перспективы: у него водятся хоть какие-то деньги. Следует держаться за него, потому что ей вряд ли удастся познакомиться с каким-нибудь мужчиной, кроме него. Плохо, однако, то, что он красив. Франческа уже успела понять: чем уродливее мужчина, тем легче им управлять.

Франческа еще раз взглянула на Эксию и прищурилась. Итак, она поставила себе цель. К концу путешествия она станет женой Джеймса Монтгомери. И добьется своего, чего бы это ни стоило. Наступит день, когда Эксиа поблагодарит ее.

Эксиа раскладывала вещи в одном из этих ужасных и неудобных фургонов. Если королева Англии может открыто передвигаться по стране, то почему это запрещено наследнице Мейденхолла? Ответ, естественно, заключается в скупости Перкина Мейденхолла, не желающего платить многочисленной охране и тем самым вынуждающего единственную дочь путешествовать под видом дочери рядового торговца. Но Эксию это, кажется, вполне устраивает, она пользуется возможностью поторговаться с чернью. Как и ее отцу, ей нравится делать деньги.

Поднявшись, Франческа отряхнула платье. Ей, в отличие от кузины, претило путешествовать в фургонах. Когда она станет леди Франческой Монтгомери, то будет ездить только в каретах с бархатной обивкой и в сопровождении десятка лакеев. Она...

— Что ты задумала?

Франческа подпрыгнула, услышав шепот над ухом. Ей не надо было поворачиваться, чтобы узнать, кто именно стоит за спиной — Тод, этот гнусный коротышка.

— Полагаю, мне удастся спасти Эксию от нее самой, — ответила она и, гордо вскинув подбородок, пошла прочь.

«Пусть поломают голову над моими словами, — подумала она. — Посмотрим, как он со своей любимой Эксией будет гадать, что я имела в виду».

Усмехнувшись, она направилась напрямик к Монтгомери.

— Не хотите ли прогуляться со мной? — предложил Джеми Франческе и подал ей руку. — Такой восхитительный вечер!

Они двинулись по тропинке в сторону от лагеря.

— Через несколько дней мы будем ночевать в доме, — стараясь завязать беседу, сказал Джеми. — С кроватями. Франческа улыбнулась.

— Это было бы замечательно. Я уже устала от пищи, которая готовится на костре, — поморщившись, добавила она.

— Но Эксиа готовит вкусно, не правда ли? Никогда не думал, что миндаль может так аппетитно пахнуть, — заметил Джеми.

Франческа, в сумерках казавшаяся еще красивее, бросила на него взгляд из-под опущенных ресниц.

— Вы гуляете со мной, а говорите о другой женщине?

— Что вы, нет, — возразил Джеми, не зная, что еще сказать.

Внезапно смех Франчески нарушил затянувшееся молчание, и Джеми вопросительно посмотрел на нее.

— Мы похожи, правда?

— Уверен, что это так, но в чем же? — поинтересовался он.

— Скажите, Джеймс Монтгомери, вам когда-нибудь приходилось ухаживать за дамой? Я имею в виду, вам приходилось прилагать все усилия, чтобы обратить на себя ее внимание? Дарить цветы? Писать стихи?

Джеми поспешно опустил голову.

— Признаться... — заколебался он.

— И мне не приходилось добиваться чьего-либо внимания, — заявила Франческа. — Единственное, что от меня требовалось, — это спокойно ждать, когда они сами придут ко мне. Мужчины сражались в поединках ради чести сидеть рядом со мной. Мальчики отпихивали друг друга локтями, стремясь подать мне чашку со сладким сидром. Без сомнения, вы находитесь в такой же ситуации.

Негромко рассмеявшись, Джеми поднял на нее глаза.

— Признаю, что все давалось мне легко, но лишь... до недавнего времени.

Франческа нахмурилась.

Однако мысли Джеми были заняты «недавним временем». Ему казалось, что он знает Эксию всю жизнь. Он помнит день, когда накрыл ее тело своим, он никогда не забудет, как отшлепал ее, перекинув через колено, как затем она, набросившись на него, исцарапала ему щеку и подбила глаз, как она спала, сначала в седле, прислонившись к нему, а потом устроившись у него на коленях...

— ...и обсудить свадьбу. Наверное, стоит все держать в тайне и лишь спустя некоторое время рассказать моему отцу...

— Свадьбу? — переспросил Джеми, не слышавший, о чем она говорила.

Франческа взмахнула длинными ресницами.

— Я решила, что вы хотите заполучить золото Мейденхолла. Мое наследство.

— Я... — Джеми не понравилось, что Франческа бесстрастно облекла в слова причины, вынуждавшие его просить ее руки.

— Все в Порядке, — успокоила его она, прижимаясь грудью к его локтю. Догадавшись, что в мыслях он далеко, она резко отстранилась и, закрыв ладонями лицо, сделала вид, будто плачет. — О Джеми, вы не знаете, что ждет меня. Отец выбрал для меня ужасного человека. В моей жизни никогда не будет детей и любви. Через три недели после рождения меня заключили в тюрьму. Брак не принесет мне свободы, я останусь такой же заключенной. О, мне не вынести этого!

Джеми сделал то, что делал всегда, когда женщина плакала: обняв Франческу, он прижал ее к себе и ласково погладил по голове, чтобы успокоить.

— Я знаю: в Эксии разыграла ненависть и злоба, когда она объявила, что вы надеетесь жениться на мне. Но на самом деле Господь услышал мои молитвы. Я мечтала, чтобы отец прислал ко мне красивого и обходительного человека, чтобы он... Нет, я не осмелюсь произнести это вслух.

— И все же скажите мне, — прошептал Джеми, который догадывался, каким будет ответ, и заранее страшился его.

— Чтобы этот человек спас меня от ужасного брака, от будущего, более жуткого, чем настоящее.

— Ваш отец оказал мне доверие. Он... — начал Джеми.

— А ваша семья? — напомнила ему Франческа. — Они так же бедны, как Эксия? Им тепло зимой? А чем они питаются?

Джеми сглотнул, вспомнив, как Беренгария описывала плесневелую чечевицу, как она мечтала о тепле. В последнее время Эксия заставила его забыть о долге перед сестрами, но сейчас Франческа вернула его к действительности.

— Мы обвенчаемся тайно, — схватив его за руку, взмолилась красавица. — Отец ничего не сможет сделать с тем, что мы женаты. Он не объявит наш брак недействительным.

— Но... — Джеми расхотелось что-либо говорить. «А вдруг Мейденхолл так разозлится, что лишит ее наследства?» — подумал он.

Словно прочитав его мысли, Франческа сказала:

— Люди так околдованы богатством отца, что совсем забыли о моей матери, которая была дочерью очень богатого человека. Если отец ничего не отдаст мне, у меня останутся поместья деда, дома и один или два замка. У меня есть собственный доход, причем немалый. — Она улыбнулась. — К тому же я не верю, что моего отца-торговца разочарует тот факт, что я вышла замуж за графа, который носит славное имя Монтгомери.

— Полагаю, вы правы, — рассеянно пробормотал Джеми.

Она подняла на него глаза, и он увидел, что сверкающие, как бриллианты, слезинки готовы скатиться по ее щекам.

— Вы спасете меня, да? Ради меня! Ради вашей семьи! Джеми взял ее за плечи и отодвинул от себя на расстояние вытянутой руки.

— Я сделаю все возможное, чтобы... спасти вас, но честь требует, чтобы я сначала испросил разрешения у вашего отца. Я не могу пойти на тайное венчание. Он должен дать свое согласие.

Франческа отвернулась, чтобы он не увидел ее лица. Нельзя допустить, чтобы известие об их свадьбе достигло ушей отца Экси.

— Какое мне дело до его согласия? всю жизнь он держал меня в заключении. Он готов продать меня любому, у кого есть золото. Разве я не заслуживаю счастья, как любой человек на земле?

— Не говорите так о своем отце. Не... — Джеми чувствовал, что не способен рассуждать здраво. Брак — это серьезный шаг, и предварительно следует все тщательно обдумать. Если он разозлит такого богача, как Мейденхолл, что случится с его семьей? Нельзя забывать о сестрах. — Я...

— Я не нравлюсь вам, — заключила Франческа и обиженно оттопырила нижнюю губу, что ни в коей мере не умалило ее очарования. — Я совсем не нравлюсь вам.

— Напротив, вы нравитесь мне, — возразил Джеми, понимая, что его словам недостает убедительности.

Честно говоря, он мало думал о Франческе в последнее время.

— Кажется, я вас поняла, — холодно объявила она. — Такое случается не в первый раз. Ведь я, как-никак, наследница Мейденхолла, и мужчины побаиваются меня. Ни один мужчина не может полюбить меня просто так. Всем нужны мои деньги. Экси же зажигает любовь в сердце каждого. Взгляните на Тода, на это чудовище. Он ухаживает за ней. Даже ваш Томас посматривает на нее. Меня же за золотом не видит никто. Экси права: я не живое существо, я золото моего отца.

Франческа резко повернулась и собралась уйти, но Джеми схватил ее за руку. Джоби всегда утверждала: стоит женщине рассказать ему душещипательную историю, и он становится мягким, как воск.

— Франческа, — ласково проговорил он, — вы ошибаетесь. Вы замечательная женщина. Любой был бы счастлив взять вас в жены.

— О Джеми, — воскликнула она и обвила его шею руками. — Я знала, что вы любите меня. Знала. Я стану лучшей женой на свете. А ваша семья будет жить в тепле и уюте, у нее будет достаточно еды и всего, что можно купить на деньги Мейденхолла. Вот увидите. Я дам вам счастье, которое не имел ни один человек на Земле. — Отстранившись от него, Франческа взяла его за руку. — Давайте вернемся в лагерь и расскажем остальным. — Внезапно ей в голову пришла потрясающая идея, и в ее глазах загорелся огонек. — Да, вы действительно должны написать моему отцу. И я напишу ему. Мы отправим оба письма с одним посыльным. Уверена, отец согласится, ему понравится, что к его дочери будут обращаться «леди». Пойдемте! Чего вы ждете? — Она озадаченно посмотрела на Джеми. — Что-то не так? Разве вы

не получаете то, что хотели? Вы же женитесь на наследнице Мейденхолла. Пожалуйста, скажите, разве это не то, к чему вы стремились?

— Да, — пробормотал Джеми. — Это именно то, что я обязательно должен сделать. То, в чем нуждается моя семья.

Франческа подняла руки и закружилась на месте.

— Я счастливейшая женщина на Земле! А вы? Вы счастливы?

— О да, — ответил он. — Я очень-очень счастлив. Я действительно счастлив. — Однако в его голосе слышалась грусть. — Пойдемте, — медленно проговорил он, — мы должны вернуться к остальным.

— Да, мы должны рассказать им, — радостно воскликнула Франческа и замолчала. — Но Джеми, дорогой, давайте не будем упоминать о письмах к отцу. Просто скажем, что собираемся тайно обвенчаться. С вами все в порядке?

— Конечно, — буркнул Джеми и со вздохом побрел за ней к лагерю.

"Дорогие сестры!

Вполне возможно, все ваши мечты станут явью. Кажется, я женюсь на наследнице Мейденхолла. Нет, не думайте, что здесь замешана любовь. Ни в коем случае. Франческу нужно спасти. Она нуждается в защите, а мы — в новой крыше. Разве не на таких принципах заключаются все удачные браки?

Однако я не уверен, что мы поженимся, потому что продолжаю настаивать на том, чтобы получить разрешение ее отца. Не представляю, как он может согласиться, если уже отдал ее руку другому. Но Франческа считает, что он даст согласие. Как только мы его получим, то сразу поженимся.

Я обязательно сообщу вам, как дальше пойдут дела.

Вы помните Эксию, о которой я рассказывал вам? Оказалось, что она чрезвычайно полезна, потому что очень удачно торгует. Несмотря на то что она беззастенчиво лгала, расхваливая свой товар, ей удалось продать целый фургон тканей, а на вырученные деньги прикупить кое-какую живность, которую затем она выменяла на сотню пар ботинок у одного торговца. На оставшиеся деньги она купила тысячу пуговиц у вдовы, возвращавшейся с похорон мужа. После этого она заставила всех нас — кроме ~ наследницы, естественно, — пришивать пуговицы к ботинкам, а на следующий день продала все эти ботинки в два раза дороже, чем покупала.

Рис говорит, что за неделю она утроила сумму, вырученную за ткани, и что через месяц у нее будет достаточно денег, чтобы купить дом. Но я боюсь, что Рис преувеличивает, потому что он, кажется, влюблен в нее. И Томас тоже.

И все же благодаря Эксию я не потратил ни пенса из денег, выданных мне Мейденхоллом.

На несколько дней мы остановимся у Лэклана Тивершема. Там мы встретим остальные фургоны Мейденхолла и будем ждать письма от отца Франчески, поэтому можете писать мне туда.

Шлю вам свою любовь и молитвы. Ваш любящий брат, Джеми.

P. S. Мне очень жаль, но пурпурный шелковый дублет по- гиб безвозвратно, потому что Эксиа подожгла его. Я сам едва не сгорел. Но не тревожьтесь, ожоги заживают быстро".

— Ну? — спросила Джоби у сестры. — И что же ты думаешь? Уверена, он женится на наследнице Мейденхолла.

Уверена, Перкин Мейденхолл будет счастлив, если его дочь выйдет за Джеми. Ведь он граф, в конце концов.

— А я не уверена, — ответила Беренгария, вдыхая аромат цветов, росших в садике за замком. — Неужели ты считаешь, что наш брат отказался бы жениться на наследнице Мейденхолла, если бы этот богач предложил ему свою дочь? Неужели нашелся бы мужчина, способный отказаться от такого предложения? Ведь вокруг сотни обедневших дворян, которые с радостью согласились бы жениться на ней. Не сомневаюсь, что у Мейденхолла были веские причины выдать свою дочь за сына богатого купца.

— Верно, — с неохотой согласилась Джоби. — А что ты думаешь об этой Эксиа?

— Полагаю, — поколебавшись, проговорила Беренгария, — она очень интересная личность.

— Интересная? Удивительно, что до сих пор никто не окунул ее с головой в помойную яму.

— Но с другой стороны, зачем той женщине тысяча пуговиц? Возможно, она была благодарна, что хоть кто-то купил их у нее.

Джоби остановилась и посмотрела на Беренгарию. По какой-то причине получилось так, что они поменялись ролями. Обычно именно Джоби отличалась недоверием и цинизмом, сейчас же именно Беренгария стала рассуждать о деньгах и оценивать чьи-либо поступки с точки зрения денег. Кроме того, в этой Эксиа было нечто, что очень не нравилось Джоби.

— Ах, Джоби, — вздохнула Беренгария, — почему в тебе нет романтики? Ты боишься, что наш дорогой брат, чрезвычайно романтичная натура, влюбится в эту Эксию, у которой нет ни пенса за душой, и мы никогда не будем жить в достатке?

— Судя по твоим словам, он уже влюбился в нее, — буркнула Джоби. — Но что ты имеешь в виду под тем, что наш брат — «чрезвычайно романтичная натура»? Неужели благодаря своей романтичности он стал таким отличным солдатом?

— Конечно.

— Ты сошла с ума. Какая романтика в том, чтобы убивать и калечить?

— Тебе прекрасно известно, что Джеми ненавидит и то, и другое. Им движут долг и стремление бороться за справедливость, за победу добра над злом.

— Правильно, — медленно произнесла Джоби, — но какое отношение это имеет к Эксиа? У меня сложилось впечатление, что она сводит его с ума. Он говорит, что она подожгла его. — Девочка прищурилась. — Как бы мне хотелось поджечь ее.

Невидящий взор Беренгарии был устремлен вдаль.

— Не могла бы ты собрать для меня цветков вишни? Судя по силе аромата, у нас будет хороший урожай.

Вынув из ножен небольшой кинжал, Джоби срезала несколько веток с ближайшего дерева.

— Что мы ответим нашему братцу?

— Ты спрашиваешь о том, что именно нам написать, чтобы вынудить его влюбиться в богатую женщину, на которой он, как утверждает, возможно, женится, но лишь ради того, чтобы обновить крышу в нашем доме?

— Точно. Ты не думаешь, что его чувство долга может оказать на него влияние в браке, и он полюбит ее? Мы слишком бедны, чтобы вспоминать о любви.

— Он и так тянет слишком тяжелый груз, — с горечью заметила Беренгария. — Мама и я...

— И я, — добавила Джоби. — Я хочу, как королева, никогда не выходить замуж!

— А я хочу, как пчелиная матка, нарожать сотню детей, чтобы все они держались за мою юбку и висли на мне. Джоби невесело усмехнулась.

— Всегда есть возможность выйти за Генри Оливера. Он даст тебе...

— Ты у меня за это получишь, — воскликнула Беренгария и ухватила младшую сестру за рукав.

Глава 13

Дождь шел несколько дней. Реки вздулись, а дороги, и так плохие, превратились в сплошное месиво, в котором вязли ноги лошадей и колеса фургонов.

Джеми до глубины души жалел себя, когда вынужден был вытаскивать фургоны из грязи. С чего это вдруг он возложил на себя ответственность за торговые фургоны и постоянно ссорившихся людей? Он всегда был солдатом. Являясь младшим братом в семье, который не наследует ни титул, ни земли, он вынужден был самостоятельно прокладывать себе дорогу в жизни, поэтому выбрал профессию военного.

Но ведь у него и так нет земли, думал он, останавливая свою лошадь. Дождь лил как из ведра, заглушая все звуки.

Спешившись, Джеми направился к увязшему фургону. Его ноги утопали в грязи по щиколотки, он весь промок. Однако прекрасно понимал, что главная его проблема заключается не в дожде, а в Эксии. Иногда ему казалось, что до знакомства с ней в его жизни не было никаких проблем. Сражения не на жизнь, а на смерть на поле брани выглядят чем-то несущественным по сравнению с тем, что ему пришлось вынести в последние дни.

Едва он решил, что между ними установились дружеские отношения, как все в мгновение ока переменилось. Прежде чем он успел остановить Франческу, та подбежала к костру и во всеуслышание объявила, что они собираются пожениться. Наверное, ему никогда не забыть выражения лица Эксии. За мгновение до того как она отвернулась и перестала замечать его, он успел увидеть в ее глазах и боль, и недоверие, и смертельную муку. Джеми дважды пытался заговорить с ней, объяснить, что он не свободен, что для него женитьба — это сделка, что он не имеет права следовать велению сердца. Потому что если он будет слушать свое сердце... Но Эксия не желала слушать его. Она вырывала руку и уходила прочь. Позже, после

продолжительных размышлений о душевных страданиях и о долге перед обедневшей семьей, он заключил: для него даже лучше, что Эксия отказывается говорить с ним. Однако два дня спустя, когда она сообщила всем, что случилось несчастье и огромное «колесо» брынзы каким-то образом выкатилось из фургона, ему захотелось плакать.

Но ему стало еще хуже, когда сегодня утром Эксия преподнесла Рису подушечку из того самого пуха, который собирала для него, Джеми.

Еще несколько часов, и они, если будет на то воля Божья, окажутся в доме его друга и товарища по оружию Лэклана Тивершема. Там их ждут сухие кровати и горячая еда. Тогда, наверное, у всех улучшится настроение.

Сквозь пелену дождя Джеми видел, как по грязи ползет так называемый «драконов фургон». В соответствии с его приказанием обеих женщин разместили в этом фургоне, так как он был легче и, следовательно, требовалось меньше усилий, чтобы тащить его по раскисшей дороге. Второй же фургон, в котором были сложены палатки и вся дорожная мебель, то и дело увязал по самые ступицы.

Джеми сразу понял, что ему придется толкать злополучный фургон. Рис и Томас — черт бы их побрал! — уехали вперед с «драконовым фургоном», а оставшимся Тоду и кучеру одним не справиться.

Джеми так внимательно изучал колесо фургона, что не услышал голоса Тода, пока тот не крикнул ему в самое ухо:

— Камни! Кладите камни под колеса. И ветки деревьев. Все что можно.

Джеми кивнул. Естественно. Его голова так забита личными проблемами, что он забывает о простейших вещах. Кучер Джордж сел на козлы, чтобы править напуганными молнией лошадьми, а Джеми и Тод отправились на поиски того, что можно было бы подложить под правое заднее колесо фургона.

— Можешь толкать? — спросил Джеми у Тода, когда все было готово.

Тод кивнул. Вода заливала его лицо и ручьем стекала по носу и по глубоким шрамам. Увидев, что калека уперся изуродованными ногами в чавкающую грязь, Джеми приказал кучеру трогать лошадей и налег спиной на колесо.

— Готов? — крикнул он Тоду.

Заслышав щелканье кнута, они принялись толкать тяжелый фургон. Несмотря на то что они все время скользили по грязи, фургон, как заметил Джеми, немного сдвинулся.

— Еще! — заорал он. — Налегай! Еще давай! Когда оставалось, преодолеть несколько дюймов до твердой почвы, когда всего две минуты отделяли их от отдыха, на Джеми обрушились сто фунтов [1] женской плоти, и он упал навзничь в грязь.

— Ему нельзя! Ему нельзя! — вопила Эксия, молотя Джеми кулачками по лицу и по груди.

Он поднял руки, чтобы защититься от града ударов, а грязь под ним предательски чавкала, подобно огромному чудовищу, грозящему поглотить его. Ему на помощь пришел Рис: он схватил девушку за талию и поднял ее, словно мешок муки.

вернуться

1

Примерно 45 кг

Джеми был так потрясен случившимся, что ему пришлось взяться за колесо фургона, чтобы встать.

— Что с ней? — возмутился он, вытирая грязь с лица. Рис, продолжавший удерживать вырывающуюся Эксию, пожал плечами.

— Отпусти меня! Отпусти меня! — во всю силу своих легких кричала девушка, лягая и царапая несчастного Риса.

Джеми уже успел приготовиться к очередной атаке Эксию, поэтому подал знак Рису отпустить ее.

Но она, перекинув юбки через руку, бросилась к Тоду, который стоял, прислонившись к задней стенке фургона. Его глаза были закрыты, и он никак не реагировал на прикосновение Эксию, вытиравшей его изуродованное лицо.

— Смотри, что ты натворил! — налетела она на Джеми. — Да сгоришь ты в аду! — Она повернулась к Рису. — Помоги мне. Нужно положить его в фургон.

Джеми двинулся вслед за Рисом, но Эксию преградила ему дорогу и бросила на него такой уничтожающий взгляд, что он вынужден был повернуть назад.

«Они любовники, — заключил он. — Поэтому она так защищает его. Поэтому она не хочет видеть рядом с собой других мужчин. Эти двое — любовники!»

Гнев придал Джеми сил и, едва Рис выбрался из фургона, он вновь налег на колесо. Казалось, он обрел мощь Геркулеса, потому что продолжал толкать фургон, когда тот уже катился по твердой почве. Даже Рис, положивший руку ему на плечо, не остановил его. Пот катил с него градом, смешиваясь с дождем и грязью. Рису пришлось буквально отдирать его от колеса. Но вместо благодарности он наградил друга таким взглядом, что тот молча отступил, сел на свою лошадь и поскакал к «драконову фургону».

Слишком злой, чтобы говорить, слишком взбешенный, чтобы объяснить самому себе причину своего гнева, Джеми вскочил в седло и ехал рядом со злополучным фургоном до тех пор, пока они не достигли дома Лэклана. Едва он миновал ворота, как оказался в медвежьих объятиях хозяина.

— Джеми, дружище! — воскликнул Лэклан Тивершем, похлопывая ручищей по широким плечам Монтгомери.

Лэклан оказался огромным мужчиной с копной рыжих волос и мохнатыми бровями. Джеми знал, что одним своим присутствием этот человек способен вселять ужас в противника на поле брани и вызывать страх в сердце любого мужчины.

Однако женщины почему-то никогда не боялись Лэклана, несмотря на его пугающую внешность и необузданность. Однажды кто-то из дам сказал Джеми: «Разве можно бояться

человека с такими губами?»

— Ну-ка посмотрим, кто у нас там! — усмехнулся Лэклан и принялся счищать грязь с лица друга.

Но у Джеми не было настроения шутить. Он сердито отбросил руку Лэклана и вернулся к фургонам.

— Займитесь ими! — крикнул он кучерам. — А ты, парень, позаботься о лошадях. Ты очень пожалеешь, если я увижу, что с ними плохо обращались.

Лэклан, стоявший на дожде и напоминавший древнего скандинавского бога, с изумлением таращился на Монтгомери. Он знал Джеми с детства и всегда считал его самым добродушным человеком на свете. Ни разу в жизни он не видел, чтобы Джеми был с кем-нибудь груб.

Спрыгнув на землю, Томас вытер мокрое лицо и кивнул в сторону раскрашенного фургона, из которого в тот момент выбиралась Франческа. Лэклан успел увидеть, как она красива, прежде чем над ней натянули вощеную ткань, чтобы уберечь от дождя. Повернувшись к Томасу, он вопросительно вздернул брови, будто спрашивая, не она ли причина тому, что в Джеми произошла столь разительная перемена.

Томас, знавший Лэклана в течение многих лет, наклонился к нему и сказал:

— Две женщины.

Поняв, что единственная проблема его друга — женщины, Лэклан закинул голову и расхохотался: он даже помыслить не мог, что у Джеми — с его-то внешностью! — могут возникнуть сложности подобного рода.

— Ад и пламя! — заорал Джеми, заглянув в фургон и увидев, что Эксии и ее... ее любовника — он едва не сплюнул в сердцах при мысли об этом — там нет. — Где они? — набросился он на конюха, выпрягавшего лошадей, чтобы увести их в укрытие. Естественно, юноша не знал, о ком говорит это разъяренное чудовище, покрытое коркой грязи, и постарался убраться от него подальше. — А ты видел их? — обратился Джеми к Лэклану. — Девушку и мужчину, невысокого и... — Ну как описать Тода?

По его выражению лица он понял, что Тивершем тоже ничего не понимает.

«Тод не хочет, чтобы его видели», — вдруг осенило Джеми, и он, прекрасно знакомый с расположением надворных построек в поместье, сразу догадался, где тот может быть.

— Займись ими, — приказал он Рису, мотнув головой в сторону фургонов, выхватил у конюха фонарь и побежал к конюшне.

Если кто-то хочет спрятаться, то только там! Трудно представить, что Тод решится пройти в хорошо освещенный Большой зал замка.

Джеми переходил от одного денника к другому, внимательно оглядывая все углы. Он не знал, что сделает с этой парочкой, когда найдет их. В его сознании билась единственная мысль: она находится под его ответственностью, и он имеет полное право...

Джеми уже собирался покинуть конюшню, когда внезапно заметил отблеск света под дверью, за которой хранили сено.

Он сердито толкнул дверь — и не поверил своим глазам: Экси́я раздевала То́да!

Первым его порывом было отшвырнуть девушку в сторону, а калеку пронзить мечом. Но затем он увидел лицо Экси́и. Нет, это не было лицо человека, сжигаемого страстью, напротив, на нем отражался смертельный страх.

— Помогите, помогите мне, — прошептала она дрожащим голосом.

В мгновение ока гнев Дджеми испарился. Он поставил на землю фонарь и приблизился к Экси́и.

— Что мне делать? Я в твоём распоряжении.

— Его ноги, — выдавила она из себя.

Год лежал прямо на попоне, расстеленной на сене. Его голова была повернута вправо, поэтому была видна лишь здоровая сторона лица. Дджеми очень удивила его бледность.

— Я позову кого-нибудь на помощь...

— Нет! — воскликнула Экси́я, схватив его за руку. — Пожалуйста, — со слезами на глазах взмолилась она. Ее одежда промокла, влажные волосы прилипли ко лбу. Дджеми знал, что девушка замерзла и проголодалась, но она, кажется, забыла обо всем, кроме То́да. — Он гордый, он не хочет, чтобы его видели. Неужели ты не понимаешь?

Никто лучше него не поймет, что такое гордость, подумал Дджеми.

— Чего ты хочешь от меня?

Боясь промедлить, Экси́я вновь занялась своим другом.

— Ему очень больно. Безумно. Помогите мне согреть его. Сними с него одежду.

— Хорошо.

Мокрые штаны прилипли к телу То́да, поэтому он вынужден был разрезать их, чтобы снять. То, что предстало его взору, потрясло Дджеми до глубины души. Он видел немало искалеченных воинов на поле брани и считал, что достаточно закален для подобных зрелищ. Но ноги То́да являли собой нечто, не поддающееся описанию. Они напоминали куски сырого мяса, изборожденные вывороченными шрамами. Кости срослись неправильно, совершенно дикими углами. Как вообще он мог ходить? Как у него хватало сил переносить страшную боль при каждом шаге?

Экси́я взяла бутылочку с какой-то темной маслянистой жидкостью.

— Вотри это ему в ноги. Быстрее!

Она налила жидкость ему на ладони, и он почувствовал, как по рукам разлилось тепло. Ноги То́да были холодны как лед. Бросив взгляд на Экси́ю, Дджеми увидел в ее глазах ужас.

— Дай сюда, — сказал он и забрал у нее бутылку. Он знал, что сейчас чувствовал То́д, потому что не раз замерзал в горной Шотландии. Шотландское лето может быть холоднее английской зимы.

Сильными и широкими ладонями Дджеми тщательно втирал жидкость в ноги калеки.

— Пройди в конюшню, найди мою лошадь и достань из седельной сумки одежду. Она не промокла. Принеси ее. Что ты медлишь? Если тебя увидят, скажи, что одежда нужна мне. И захвати фляжку.

Кивнув, Эксия выбежала в коридор. Она быстро нашла лошадь Джеми. Животное уже успели расседлать, а седло повесили на козлы возле стены. Девушке потребовалось несколько минут, чтобы найти одежду, сшитую из добротной английской шерсти, и фляжку. Стараясь не прижимать все это к намокшему платью, она бегом бросилась назад. Внезапно голос грума, скрытого от нее стеной денника, заставил ее остановиться.

— Я слышал, она наследница Мейденхолла, — негромко проговорил он. — Это держится в секрете, но все знают.

— Вот бы заполучить ее золотишко. Его у нее, наверное, немерено. Стоит только попросить — и у тебя будет все, что пожелаешь.

— Хочешь сделать ей предложение?

— Ха! Я перекину ее через седло, а потом заставлю ее папашу платить выкуп.

Эксия побежала дальше, солома на полу заглушала стук ее каблучков.

Когда она вошла, Тод лежал в нижнем белье, а Джеми растирал ему грудь и руки.

— Ты кого-нибудь видела? — спросил он. Она покачала головой. — Отлично. Не хочу разжигать любопытство. Следовало бы подумать об этом раньше.

Он вспомнил, как многократно приглашал Беренгарию покататься с ним верхом, но та отказывалась, зная, что местные ребятишки, едва завидев ее, примутся скакать вокруг них и кричать: «Слепая! Слепая!» Ему трудно было представить, что бы произошло, если бы Тод показался на центральной улице деревушки.

— Я сейчас одену его, — объявил Джеми, — а ты попытайся влить в него это, — он указал на фляжку. — Как можно больше. — Заметив, что Эксия сомневается, он добавил: — Это отличное солодовое виски. От Мактарвита. Лучшее. Делай, как я сказал!

Скатав еще одну попону и сунув ее Тоду под голову, Эксия приложила фляжку к его губам. Она знала, что он в сознании, но его сознание затуманено страшной болью в изуродованных ногах.

Джеми не предполагал, что так трудно будет надевать штаны и рубашку на безжизненное тело Тода. Судя по мускулистому торсу, который являл собой разительный контраст со слабыми искалеченными ногами, он стал бы высоким и стройным мужчиной.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Тод закашлялся, поперхнувшись виски.

— Нет, — пробормотал он, замотав голову. — Я хочу спать.

— Хорошо, — согласилась Эксия и убрала волосы с его слегка порозовевшего лица. — Спи. Я буду рядом. Я не покину тебя.

Взяв Тода за руку, она прижала ее к груди. Эксия потеряла счет времени и, когда Джеми попытался поставить ее на ноги, принялась вырываться. Ухватив ее за подбородок, он повернул

ее лицо к себе.

— Мне надоело, что ты смотришь на меня как на врага.

Ты промокла и замерзла...

— Я не уйду от него, — заявила она, дернувшись в сторону. — Ты виноват в том, что с ним случилось.

Джеми выпрямился и провел рукой по лицу. Засохшая грязь посыпалась на пол. Он уже научился не спорить с ней! Ему не составило бы труда унести ее в дом, переодеть, однако она бы все равно сбежала, он в этом не сомневался.

Молча сдернув шерстяной чепрак с крюка, он закутал в него Эксию и подхватил на руки.

— Тихо, иначе разбудишь его, — предупредил он, когда она попыталась вырваться.

— Отпусти меня, — прошептала она, но Джеми не подчинился.

Он сел на солому, привалился к стене и усадил Эксию к себе на колени.

— Пожалуйста, не бей меня, — попросил он, чтобы уговорить ее. — За дни, проведенные с тобой, мое тело превратилось в сплошной синяк.

Скажи он что-либо другое, она бы только сильнее разозлилась, но его шутка остудила ее пыл. Эксию не ожидала от себя того, что сделала в следующую секунду: она уронила голову ему на грудь и разрыдалась.

Джеми плотнее запахнул на ней чепрак и принялся убаюкивать, словно ребенка. Ее слезы намочили его рубашку на груди.

— Прости меня, — немного успокоившись, прошептала девушка. — Я никогда не плачу. Никто не может заставить меня плакать.

— Кроме меня. Да, я оказываю сильное влияние на женщин.

— Ты лжешь, — заявила она, всхлипнув. — Сомневаюсь, что женщины когда-либо плакали из-за тебя.

Джеми, испытывавшему непередаваемое наслаждение оттого, что Эксию, закутанная в пропахший конским потом чепрак, сидела у него на коленях, не хотелось отвечать на ее замечание.

— Расскажи мне про Тода, — попросил он. — Он всегда был таким?

Эксию согрелась впервые за последние дни, когда непрекращающийся дождь лишал их возможности развести костер во время стоянок. Франческа постоянно ныла, уговаривая Джеми переночевать в гостинице, но тот отвечал, что это слишком «опасно». Но в чем же опасность, если люди не знают, кто она? Мысль об опасности пробудила в душе девушки тревогу, у нее возникло ощущение, что она должна предупредить Джеми о чем-то очень важном, но ей так и не удалось вспомнить, о чем именно.

Девушка чувствовала себя защищенной в объятиях Джеми, ей было тепло и уютно. Она потерлась лбом о его шею и обо что-то оцарапалась. Отстранившись, она увидела кусок грязи,

прилипший к подбородку, и содрала его, вырвав при этом несколько волосков.

— Ой! — дернулся Джеми и с осуждением посмотрел на нее, будто говоря: «Опять ты за мной охотишься». Эксия улыбнулась и снова уткнулась ему в шею.

— Тебе известно, что грязь очень полезна для кожи? — спросила она. — Я проводила эксперименты с грязью, смешанной с водорослями из пруда, и...

— Грязь со слизью?

— М-м-м. Замечательная грязь, замечательная слизь. Засыхая, эта смесь разглаживает кожу.

Джеми рассмешило то, что Эксия рассуждает, как ученый, и он с деланной серьезностью произнес:

— Да, действительно, у Франчески великолепная кожа.

— Ха! Франческа трусиха. Она никогда не позволяла мне пробовать на ней мои смеси. А вот Тод... — Она бросила тревожный взгляд на спавшего калеку.

— Расскажи мне о нем, — прошептал Джеми, догадываясь, что у нее нет желания говорить о своем друге. Эксия попыталась выбраться из его объятий.

— Ты, наверное, замерз. Я принесу тебе еще одну попону. Но будет лучше, если ты пройдешь в дом. Ты проголодался, а твои люди наверняка ищут тебя.

Усилия Эксии не увенчались успехом, потому что чепрак сковывал движения, а руки Джеми крепко сжимали ее.

— Хоть один раз тебе не удастся поступить по-своему. Я знаю, ты собираешься остаться подле него. Я же собираюсь остаться с тобой. Поняла меня? На этот раз победа будет за мной.

— Разве ты не всегда одерживаешь победы? Ты во всем поступаешь по-своему.

— Да? Я считал, что тебе не надо ехать в это путешествие. Я хотел, чтобы ты закрасила те рисунки на фургоне. Я...

— Ты хотел жениться на наследнице Мейденхолла.

— Полагаю, «хотел» сюда не подходит. Мне нужно обеспечить семью, я не вправе жениться на той, кто мне нравится. Возможно, ты не знаешь, что люди моего... моего положения несвободны. Имей мы свободу жениться на своих возлюбленных, то, наверное, брали бы в жены горничных.

— Или рябых?

— Да, — признался Джеми, и по его тону Эксия поняла, что у него нет желания говорить на эту тему. — А теперь расскажи мне о Тодде. У нас вся ночь впереди. Тебе не отвертеться.

Эксия глубоко вздохнула.

— Это сотворил с ним его отец. Джеми догадывался, что вовсе не несчастный случай стал причиной того, что Тод превратился в калеку.

— Чтобы сделать из него нищего? — Он слышал, что некоторые родители так поступали со своими детьми, и сталкивался с теми, кто не был уродом от рождения. Однако ему никогда не доводилось видеть, чтобы кто-либо был изуродован так, как Тод.

— Чтобы показывать его, — ответила Эксия, — чтобы возить его в фургоне по Англии и брать с людей плату за то, чтобы взглянуть на него.

— А вместо этого его отправили к наследнице. Эксия хотела сказать «ко мне», но раздумала. Если Джеми Монтгомери узнает, что наследница — она, сделает ли он ей предложение?

— Да, — проговорила девушка. — Однажды Перкин Мейденхолл увидел его, так сказать, в работе, и, выкупив, отправил к... к наследнице.

— Как и тебя?

— Абсолютно верно, — с наигранной веселостью ответила она. — Кажется, ему нравятся чудачки и неприспособленные.

— Но ты не неприспособленная. Ты...

— Да? И какая же я? — Тело Эксии напряглось, и она с нетерпением ждала ответа.

— Ты неповторимая. Ты отличаешься от других.

— О, я необыкновенна в той же степени, что Франческа — обычна.

— Франческа, — угрюмо произнес Джеми, — красивая. Эксия резко подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Франческа не красивая.

— О? — От изумления брови Джеми выгнулись дугой. — А какая же она?

— Можешь смеяться надо мной, но я считаю, что ты не знаешь, что такое красота.

— Это то, что ты рисуешь, а так как ты довольно часто пишешь портреты Франчески, значит, считаешь ее красивой.

— Нет, красота — это то, что внушает любовь. Это... — Она вновь положила голову ему на грудь

— Быть красивым — это значит зажигать в ком-либо любовь. Даже поседевшая старуха может быть красивой, если муж продолжает видеть в ней стройную девушку с горящими глазами и темными волосами. Быть красивым — значит думать о других больше, чем о себе.

— Следовательно, ты красива?

— Ты смеешься надо мной! Нет, я не красива. Я никогда себя таковой не считала. Но вот Тод очень красив. Между прочим, он управляет всем поместьем Мейденхолла. Он знает всех в лицо, ему известны их проблемы. Когда кто-то болеет, Тод следит, чтобы ему обеспечивали надлежащий уход. Он всегда старается поддержать тех, кому тяжело. А особое внимание он уделяет детям, потому что они не видят его уродства. — Эксия улыбнулась. — Они чувствуют его доброту. Тод очень хороший человек.

— Но он не любит Франческу.

— Никто из тех, кто ее хорошо знает, не любит Франческу, — с пренебрежением произнесла она. — Кроме тебя. Под маской ты видишь деньги. Как и все на свете.

— Франческа не заботится о людях, проживающих в поместье?

Джеми вспомнил, как сестры уверяли его, что он несет ответственность за жителей всех ближайших деревень. «Монтгомери владели этой землей веками, поэтому каких-то два года не лишают тебя ответственности за нее» — такова была их философия.

— Франческа даже не знает, как их зовут. Франческа хочет...

— Ну, и что же хочет Франческа?

— Ты опять пытаешься узнать у меня, как успешнее за ней ухаживать? Может, стоит посоветовать преподнести ей еще один букет маргариток? Полагаю, тебе стоит запереть ее в комнате, доверху забитой этими цветами.

— Нет, я не спрашиваю, как ухаживать за ней. Я... — Да, о чем же он спрашивал ее? — Чего ты хочешь от жизни?

— Свободы, — без колебаний ответила Эكсия. — Чтобы не жить взаперти. Чтобы иметь возможность идти, куда хочу и когда хочу. — Она опять посмотрела на Джеми. — Ты был во Франции?

— Много раз.

Он улыбнулся. Его одежда все еще была влажной, он замерз, кожа под коркой грязи зудела, от чепрака, в который была укутана Эксия, воняло. Все это полностью лишало ситуацию малейшей доли романтики, однако у него было такое ощущение, будто...

Эксия уперлась руками ему в грудь и попыталась вырваться.

— Неужели ты собираешься соблазнить меня? — в ужасе спросила она. — Зачем ты так смотришь на меня? Сначала бедняжка Диана, потом дурочка Франческа, и вот теперь я?

— Нет, естественно нет, — устало проговорил Джеми. — Когда я рядом с тобой, мне следует облачаться в доспехи.

Он столкнул девушку с колен, причем сделал это гораздо резче, чем требовалось.

— Я могу посидеть здесь одна, — сердито заявила Эксия. — Тебе нет надобности оставаться со мной. Уверена, с Тодом все в порядке. У него не раз случались подобные приступы, и я всегда помогала ему. Нам с ним никто не нужен.

Джеми с такой силой сжал ее предплечья, что она не могла шевельнуться.

— Вы любовники?

Поняв тщетность своих попыток сбросить его руки, Эксия сдалась.

— Нет, мы всего лишь друзья. Неужели это трудно предположить? Великая любовь к Франческе заставляет твою кровь бурлить с такой силой, что ты не допускаешь никаких иных чувств в отношениях между людьми?

- Я не люблю Франческу, и тебе это известно.
- Но ты собираешься жениться на ней.
- Я же сказал, что собираюсь жениться на ее деньгах. Для нас обоих это будет выгодный брак.
- Для нее — возможно, но ты станешь несчастным. Ты же знаешь, Франческа глупа.
- Моя лошадь тоже глупа, но я все равно люблю ее. Эксия вздохнула.
- Это не мое дело, на ком ты женишься. Джеми считал, что Мейденхолл не даст ему разрешения. Или надеялся на это?
- Я слышал, что отец Грегори Болингброка заплатил немалую сумму, чтобы заполучить ее наследство.
- Где ты это слышал?
- Каждый шаг наследницы Мейденхолла вызывает интерес у всей Англии. Полагаю, ее отец не примет меня в качестве зятя.
- Уверена, он будет доволен, если его дочь представят ко двору, — заметила Эксия.
- С какой стати Мейденхолл, предпочитающий брать с человека деньги за то, что тот женится на его дочери, а не давать ей приданое, примет с распростертыми объятиями обедневшего графа вроде меня?
- Потому что он любит свою дочь и позволит ей все, что она пожелает, — тихо проговорила девушка.
- Тот, кто ни разу не удосужился увидеться со своей дочерью, не может любить ее.
- Это неправда! — воскликнула Эксия. — Возможно, он очень сильно любит ее. Ты же не знаешь.
- Вероятно, — пожал плечами Джеми, озадаченный ее реакцией.
- Возможно, он запер ее, чтобы защитить, — настаивала Эксия.
- Даже королеву в детстве не оберегали так, как наследницу Мейденхолла. У заключенных больше свободы, чем у нее. Преступники... Что с тобой? — удивился он, когда она снова принялась вырываться.
- Со мной ничего. Не очень-то приятно говорить о родителях, которые не любят своих детей.
- О, — произнес Джеми. — Это из-за того, что сделал с Тодом его отец?
- Да, — прошептала девушка.

Ей не хотелось думать о том, что сказал Джеми. Она вообще старалась пореже размышлять на эту тему. Находясь в обществе Тода и Франчески, она часто упоминала отца. Но Джеми был абсолютно прав: она никогда не видела отца, никогда не держала его за руку, несмотря на то что они регулярно переписывались всю ее жизнь... Нет, ей не нравится думать об этом.

Вновь устроившись на коленях у Джеми, Эксиа глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

— Что, по-твоему, сказал бы Перкин Мейденхолл, если бы я тайно обвенчался с его дочерью? — поинтересовался Джеми.

Уже дважды с того памятного вечера Франческа заговаривала о том, чтобы обвенчаться тайно.

Эксиа нравились подобного рода вопросы, так как подразумевалось, что она знает своего отца. Тод часто спрашивал, как, по ее мнению, отреагировал бы Мейденхолл на то или на другое.

— Полагаю, — выйдя из задумчивости, ответила она, — Мейденхолл был бы доволен, если бы его дочь стала женой дворянина, но при условии, что ему не придется платить этому человеку.

Джеми мгновенно вспомнил о протекающей крыше замка и о жителях деревень, желавших вновь видеть Монтгомери своими землевладельцами.

— Ничего не платить? Эксиа улыбнулась.

— Я имею в виду основной капитал. Муж наследницы, естественно, получит то, что ей досталось от матери, но основное состояние, те самые баснословные сокровища, перейдут к ней только после смерти Перкина Мейденхолла. Если завещание будет в ее пользу.

— Ну, если денег ее матери достаточно, чтобы сытно питаться и прикупить несколько акров земли, меня устраивает.

— Если это все, о чем ты мечтаешь, зачем возиться с наследницей Мейденхолла? С твоей внешностью тебе не составит труда заполучить любую богатую женщину.

Джеми пожал плечами.

— Франческа рядом, к тому же — дело не терпит отлагательства.

— Понятно. Тебе безразлично, кому продаваться.

— Прекрати! — возмутился Джеми. — Ты не знаешь, о чем говоришь. Я не имею права жениться по своему выбору. Тебе трудно представить, какая на мне лежит ответственность. А как же ты? За кого ты выйдешь? Кто тебя будет содержать?

Джеми замолчал, ошарашенный собственными словами. Какое ему дело, за кого она выйдет замуж? И все же он с особой остротой ощутил хрупкость ее стройного тела в своих объятиях.

— Я прекрасно понимаю, что такое большая ответственность и отсутствие свободы, — тихо проговорила Эксиа. — Лучше, чем кто-либо.

Она отлично знала, что отец не позволит своей дочери выйти замуж за бедного рыцаря или оставаться его женой, если она осмелится на тайный брак. Перкин Мейденхолл будет взбешен тем, что кто-то ослушался его. Ее отец не разбогател бы, если бы задаром раздавал то, чем владел. Даже свою дочь. Он все продавал.

Однако ему безразлично, что Франческа выйдет замуж за рыцаря, не имеющего ни гроша за душой. Возможно, со стороны Эксиа жестоко продолжать этот маскарад, но Джеми получит по заслугам, когда, тайно женившись на Франческе ради ее денег, вскоре обнаружит, что у нее ничего нет. И все же Эксиа знала: она остановит комедию прежде, чем он приблизится к алтарю. А сейчас пусть все идет своим чередом — ведь ее отца это никак не касается.

Эксия усмехнулась, представив, как останавливает церемонию, объявляя о том, что всей собственностью Франчески является одежда на ней. О, какое наслаждение будет наблюдать за лицом Джеми!

Ее отец ничего не будет знать, поэтому она получит возможность довести игру до конца и открыть правду в последнюю секунду.

Что касается ее собственного замужества, то у нее нет желания размышлять и об этом. Когда закончится путешествие, наступит развязка, и ей придется выйти за человека, которого выбрал отец.

Джеми прижал ладонь ко лбу девушки.

— Тебя что-то тревожит. Ты что-то скрываешь, — заключил он. — Расскажи мне.

«Нет!» — мысленно воскликнула она и вспомнила ночь, проведенную с ним в палатке. Иногда ей казалось, что та ночь существует где-то в далеком прошлом, а иногда у нее возникало ощущение, будто лишь вчера он держал ее в своих объятиях и целовал, и говорил ей о любви.

— Ты! — ответила она. — Ты причина того, что мне плохо. Ты пытаешься соблазнить меня, как соблазнил Франческу. Или ты поберег ее для первой брачной ночи, используя для развлечения бедных девушек вроде меня и Дианы? А что, если Диана забеременела? Кто позаботится о ней?

Джеми разомкнул объятия и убрал руки.

— Ты свободна, — холодно произнес он и помог ей выбраться из чепрака.

Чувствуя, что ее трясет от гнева, но не понимая его причины, Эксия наклонилась над Тодом и проверила, теплые ли у него руки.

Джеми поднялся и встал рядом с ней.

— Можешь идти, — пренебрежительно бросила Эксия. — Не теряй времени и спеши ухаживать за наследницей. Голову даю на отсечение: все мужчины уже собрались в зале и вьются вокруг Франчески. А так как всем известно, что она наследница Мейденхолла...

— Что?!

Эксия не смогла сдержать улыбки: наверняка он считал, что никто не знает его секрет.

— Когда я ходила за одеждой; то слышала разговор двух конюхов.

— И не сказала мне? — возмутился Джеми.

— Прошу прощения, но жизнь моего друга гораздо важнее для меня, чем золото.

— Это золото имеет прямое отношение к твоей кухне. Его напоминание отрезвило Эксию.

— Да, иди. — Она подняла к нему лицо. — Пожалуйста, иди. Ты не нужен мне.

— Эксия, ты... — Джеми никак не мог найти подходящие слова.

— Ну? Я — что? — спросила она.

Минуту Джеми пристально смотрел на нее. «Красива» — вот что он хотел сказать. Если красивый человек — это тот, кто думает о других, значит, Эксиа, промокнувшая насквозь, беспокоящаяся о своем друге, просто прекрасна. Но инстинкт самосохранения заставил его промолчать. «Она не для тебя, Монтгомери. Ты не получишь ее ни при каких обстоятельствах», — говорил ему внутренний голос. Он должен жениться на деньгах. «Думай о Беренгарии, — напомнил он себе. — Думай о тех, кто отдал последнее, чтобы сшить тебе красивую одежду. Думай о... О, думай обо всем, только не об этой чумазой вспыльчивой девчонке с большим сердцем, владеющей твоими мыслями с первой встречи».

— Ты кошмар для любого мужчины, — еле слышно произнес Джеми, подразумевая, что ни один мужчина не пожелал бы встретить на своем пути женщину, способную полностью поработить его.

— Конечно, — согласилась Эксиа, не догадываясь об истинном смысле его слов. — Иди к своей наследнице и оставь меня в покое, — добавила она, отвернувшись. — Да, — согласился Джеми и вышел.

Несколько часов спустя, приняв ванну и сытно поужинав, Джеми взял перо и принялся писать письмо сестрам.

"Я собираюсь послать письмо Перкину Мейденхоллу и просить у него руки его дочери. Не знаю, даст ли он разрешение. Эксиа считает, что он будет рад заполучить в зятя графа, но я сомневаюсь.

В течение дня я так и не успел поговорить с Лэкланом, а сейчас все уже спят. Дождь не прекращается уже несколько дней, дороги развезло, и фургоны то и дело застревают в грязи. В связи с этим у нас возникло немало проблем, и одна из них — друг Эксиа был ранен.

Я не рассказывал вам о Тоде и не буду делать этого сейчас. Скажу только, что, наверное, привезу его с собой. Нам понадобится управляющий, а у него великолепные рекомендации. Беренгария, он тебе понравится. Ты увидишь его в истинном свете, так, как видит его только Эксиа.

Уже поздно, мне надо идти. Я бы хотел поспать, но должен позаботиться об Эксиа. Она лечит своего любимого Тода, и я должен убедиться, что она в безопасности.

Люблю вас обеих и не забываю молиться о вас.

Берегите себя, Джеми".

— Один, два, три, четыре, — объявила Беренгария. — Я насчитала четыре упоминания об Эксиа в его письме. Правильно?

— М-м-м, — возмутилась Джоби. — Правильно. А наследницу упомянул только раз. О, как бы мне хотелось оказаться рядом с ним, чтобы вбить в его тупую башку хоть немножечко здравого смысла! Один из этих гнусных Блантов сжег сегодня поле.

— Свое поле, — напомнила Беренгария.

— Вот именно. Поле, которое больше не принадлежит Монтгомери. Так и подмывает написать

нашим родственникам и рассказать о том, что у нас творится.

— Джеми тебе этого не простит.

— Лучше умереть от его руки, чем от голода.

— А какое отношение к твоему желудку имеют несчастья, постигшие поле, которое тебе не принадлежит? — осведомилась Беренгария, хотя и она сама, и Джоби знали ответ. Ни при каких условиях они не покажут своим богатым преуспевающим родственникам, в какой ситуации оказалась их ветвь клана Монтгомери. Беренгария тяжело вздохнула. — Нужно написать ему. Попросить его побольше рассказать о наследнице. Что она говорит, каковы ее предпочтения в музыке, какие цветы она любит. Мы зададим ему массу вопросов, и ему придется беседовать с ней, дабы ответить на них.

— Если эта Эксиа позволит ему приблизиться к ней, — злобно добавила Джоби.

— Неужели ты уже невзлюбила эту Эксию? — удивилась Беренгария.

Джоби задумчиво посмотрела на сестру.

— Думаю, и ты тоже. Уверена, она положила глаз на графа и намеревается заполучить его. Это ее единственный шанс выйти замуж за человека его ранга. Что, по-твоему, она предпринимает, чтобы завлечь его и оттащить от красивой наследницы? Наверное, наряжается в платья, которые стоят целое состояние, а?

— Нет, — после некоторого колебания ответила Беренгария. — Джеми обращает внимание на умных женщин, на тех, с кем можно поговорить. Может, она увлекает его беседами о теориях Аристотеля? Или читает вслух на греческом, чтобы произвести на него впечатление?

— Да, здесь есть над чем поразмыслить. Что надо сделать, чтобы он полюбил наследницу?

— Добиться, чтобы рядом не было этой Экси. Нам же известно, что Джеми не способен устоять против слабого создания, нуждающегося в защите.

— Ну да, против девицы, попавшей в беду, — заметила Джоби. — Давай посмотрим, что можно придумать.

Глава 14

К тому моменту, когда Эксиа решила оставить Тода одного, солнце было уже довольно высоко. Только лишь после того, как несчастный заверил ее, что в силах позаботиться о себе, она ушла. Честно говоря, единственное, о чем она мечтала, — это вымыться и поспать.

Эксиа не знала замок Тивершема, к тому же пелена дождя застилала все вокруг, однако девушка упорно искала черный ход, не желая появляться в главном зале, где, она не сомневалась, будут завтракать все его обитатели. После ночи, проведенной рядом с Тодом, она была в жутком виде и меньше всего хотела встретиться с Франческой и Джеми, наряженными в платья, сшитые из солнечных лучей и света звезд.

Обойдя здание, она нашла дверь в кухню, располагавшуюся в более старой части замка, и вошла. То, что она увидела, сразу привело ее в состояние боевой готовности.

В этом месте властвовал хаос. В кухне царил самое настоящее столпотворение: у плит

толклись две кухарки необъятных размеров, вокруг суетилась целая армия поварят со сковородками и котелками, между столами гонялись друг за другом дети. Мужчины орали, женщины отчитывали детей, собаки с лаем отвоевывали то, что удалось добыть в помойке.

«Ужас! — подумала девушка, оглядываясь по сторонам. — Просто ужас!»

На полу были свалены только что привезенные с мельницы огромные мешки с мукой — ну чем не потрясающее лакомство для крыс! Упавшие со стола травы и овощи успели превратиться в кашу под ногами людей. И все" кто находился в кухне, непрерывно что-то жевали. Любое блюдо, появлявшееся из духовки, мгновенно уничтожалось. Эксию едва не сбил с ног мужчина, тащивший к холодильнику половину коровьей туши.

Девушка не спеша шла по кухне, но никто не обращал на нее внимания. Однако она все подмечала: и то, что сундук для специй не заперт, и то, что мясо, пригодное и для супа, и для жаркого, бросают собакам. В одной кладовой она увидела откупоренные бочонки с пивом и дорогим вином — бери, кто хочет! В другой — вскрытые глиняные горшки с маринадами и солониной, содержимое которых уже начало портиться.

— Отвратительно, — пробормотала она. — Мерзко.

Хозяин этого дома тратил на продукты в два раза больше, чем требовалось. И главной его бедой было отсутствие порядка, правильной организации труда и, что самое важное, человека, распоряжающегося на кухне.

Эксию охватило страстное желание взять метлу или, скорее, меч, и выгнать всю эту толпу из кухни. «Если бы работой управлял умный человек, — подумала она, — то можно было бы накормить больше народу, потратив при этом меньше денег».

— Поберегись! — внезапно услышала она и успела увернуться от летящего в нее шмотка мяса.

К своему изумлению, она обнаружила, что это огромная говяжья печень, которая в мгновение ока исчезла в пастьях двух рычащих собак.

— А ты лакомый кусочек, — заявил какой-то мужчина, державший под мышками две свиные головы, и тут же испуганно попятился, когда Эксия повернула к нему пылающее от гнева лицо. — Прошу прощения, — забормотал он и юркнул в кладовку.

Эксия не представляла, что может разгневать ее сильнее, чем разбазаривание дорогостоящих продуктов и небрежное отношение к деньгам, а здесь эти злодеяния приобрели небывалый размах. Однако девушка напонила себе, что за свою жизнь она видела лишь два поместья — это и собственное, и предположила, что замок Тивершема является исключением. Трудно было поверить, что где-то еще творятся такие ужасы.

Выйдя из кухни, Эксия направилась по длинному коридору в Большой зал. От ее внимания не ускользнули ни рваные циновки на полу, которые следовало заменить несколько месяцев назад, ни грязь вокруг. Если хозяин, этот Лэклан Тивершем, кормит такую кучу народу, то почему не заставляет их работать?

Остановившись на пороге Большого зала, она обнаружила, что и там царит тот же беспорядок, что и на кухне. Несколько собак (сколько же их у него?) с шумом вырывали друг у друга объедки под столом, с потолка свисали пыльные знамена, столы, расставленные полукругом, были завалены грязной посудой. Между столами, на полу, боролись четыре или пять мальчишек. Вся их одежда была изорвана в клочья, но Эксия наметанным взглядом

определила, что она дорогая, и решила, что это сыновья хозяина. Раз у него есть дети, значит, есть и жена. Но почему же она совсем не следит за домом и за детьми?

Наконец девушка увидела в центре зала Франческу. Та сидела за столом, расположенным на возвышении, а склонившийся к ней довольно привлекательный рыжеволосый мужчина с благоговением внимал каждому ее слову. «Без сомнения, это Лэклан Тивершем», — догадалась Эксиа. С другой стороны к Франческе склонился Джеми, одетый в темно-зеленый бархатный дублет. В отличие от уставшей Эксиа, чье платье было измято и запачкано, он выглядел чистым и отдохнувшим.

Уверенная, что никто не обращает на нее внимания, Эксиа подошла к дерущимся мальчишкам и принялась их разнимать, хватая за воротники. Однако она или недооценивала вес детей, или переоценила свои силы. Как бы то ни было, но мальчишки, не привыкшие к дисциплинарным мерам, решили, что она захотела поиграть с ними, и с воплями набросились на девушку. В следующую секунду она оказалась в центре этого смеющегося клубка рук, ног и гибких детских тел.

Эксиа не представляла, что бы с ней произошло, если бы кто-то не снял с нее самого рослого мальчишку. Продолжая лежать на спине и защищать руками лицо, она отважилась приоткрыть один глаз и увидела улыбающегося красивого мужчину с посеребренными висками — того самого, который только что обхаживал Франческу. Его улыбка была такой заразной, что девушка не удержалась и улыбнулась в ответ.

Внезапно он обхватил ее рукой за талию и, подняв, перекинул Джеми Монтгомери, словно мешок с фасолью. Во время возни с детьми волосы Эксиа растрепались и сейчас покрывали ее всю плотным облаком.

— Джеми, дружище, что у тебя там такое? — осведомился Лэклан.

— Отпусти меня, наглый фигляр! — во всю силу своих легких заорала Эксиа, но вынуждена была замолчать, потому что Джеми сжал ее руками.

— Чертенок. Любимый чертенок самого сатаны, — с деланным безразличием ответил Джеми.

Вдруг он вскрикнул — это Эксиа лягнула его в голень — и едва не выпустил девушку.

Потратив всего минуту, чтобы собрать волосы, которые лезли в глаза и рот, в пучок, Эксиа посмотрела на рыжеволосого. Одетый не так пышно, как Джеми — да и кто вообще так одевается? — он производил довольно приятное впечатление. Во всяком случае, ей понравилось то, как он смотрит на нее.

— Эксиа Ме... — начала она, но Джеми больно сжал ей предплечье. — Ой!

— Меттьюс, — представил он ее. — Кузина Франчески. Верно?

За рыжеволосым стояли четверо очаровательных мальчиков, в их глазенках отражался живейший интерес.

— Дети, — спокойно обратилась к ним девушка, — если я дам вам мечи, вы сможете убить этого человека для меня?

Расширившимися от удивления глазами мальчики посмотрели на Джеми, а их отец разразился громоподобным хохотом.

— В чем дело, Джеми? Я не ослышался? Эта женщина не влюбилась в тебя с первого взгляда? Джеми поморщился.

— Показать тебе мои шрамы?

Взгляд, которым Лэклан окинул Эксию, согрел ей душу.

— Сомневаюсь, что ей удастся оставить свои отметины на мне, — негромко проговорил Тивершем.

Отпустив руку Экси, Джеми многозначительно улыбнулся.

— Ты, мой несведущий друг, не знаешь ее. Я видел, как ты проходила через кухню, — обратился он к Экси, — и понял, что ты в ярости. Открой моему бедному другу, что у тебя на уме.

Джеми устремил насмешливый взгляд на Лэклана. Эксия прекрасно поняла, что задумал Монтгомери. Он хочет представить ее в невыгодном свете? Ну что же, пусть. Она не побоится показать Тивершему свой характер.

— Бессмысленное разбазаривание денег и продуктов — вот что я увидела, — глядя прямо в глаза Лэклану, заявила Экси. — Хорошее мясо отдают собакам, продукты валяются на полу под ногами, слишком много народу, везде грязь. — Она шагнула к нему. — Вам должно быть стыдно за то, в каком состоянии хозяйство. Взгляните! Нигде не убрано, дети ведут себя как расшалившиеся щенки. Вам должно быть стыдно за себя!

Распалившись, Экси продолжала наступать на Лэклана. Она не догадывалась, какое зрелище являет собой: несмотря на всклокоченные волосы и грязное платье, девушка поражала своей грацией, сквозившей в каждом движении стройного тела. Ее щеки порозовели, а карие глаза казались огромными. Маленькая, хрупкая, она, уперев руки в бока, отважно наступала на похожего на медведя Лэклана, который в тот момент напоминал провинившегося школьника, понурившегося перед грозной учительницей.

— И вашей жене должно быть стыдно. Как она смеет смотреть людям в глаза, если у нее дома такой беспорядок? Вы могли бы тратить на хозяйство половину того, что тратите сейчас. Неужели вас не волнует ваше будущее? Неужели вы так богаты, что можете не задумываясь сорить деньгами? Неужели?..

Экси замолчала, потому что Джеми вновь сжал ее предплечье и повернул к себе. На его лице ясно читалось: «Ну что я говорил!»

Однако Лэклан не видел его красноречивого взгляда, он сам и его сыновья изумленно таращились на девушку. Внезапно, словно пробудившись, он взял ее лицо в ладони и смачно поцеловал в губы.

Все присутствующие, уже давно переставшие есть (за исключением Франчески) и увлеченно наблюдавшие за происходящим в центре зала, словно это был интереснейший спектакль в их жизни, удивленно заморгали. Но больше всех был удивлен Джеми.

— У меня нет жены, — сказал Лэклан, отпустив Эксию. — Вы выйдете за меня замуж?

— Да, — без колебаний ответила девушка. — С удовольствием.

— Нет, не выйдешь! — взревел Джеми, тем самым заставив всех вздрогнуть от неожиданности.

— Обязательно выйду, — возразила Эксиа, повернувшись к нему. — Я могу выйти замуж за кого хочу. А тебя это не касается.

— Твой отец...

Она напомнила себе, что в данном случае подразумевается отец Франческа.

— Умер в прошлом году, — выпалила она.

— Я думал, что он жив, — ошеломленно проговорил Джеми, стараясь оценить услышанное.

— Ты просто не спрашивал. Чума. Тело сбросили в яму. Оно уже растворилось в извести. Я даже не попрощалась с ним.

— Подождите! — вмешался Рис, который уже обошел стол и сейчас приближался к группе в центре. — У меня есть небольшой участок земли, доставшийся в наследство от отца. Я не богат, но тоже хотел бы жениться на тебе. Если ты согласна.

— Ничего она не согласна! — возмутился Лэклан и собрался было взять Эксию за руку, но Джеми оказался проворнее и толкнул ее к себе за спину.

— Эта девушка находится под моим покровительством, и я должен...

— Я не нахожусь под его покровительством. Он даже отказывался брать меня в это путешествие. В его задачу входит лишь доставить нас... э-э, Франческу к ее возлюбленному жениху. Кроме того, он сам собирается жениться на Франческе.

При этих словах все посмотрели на Франческу, которая продолжала есть, изо всех сил игнорируя происходящее. Где бы Эксиа ни появлялась, ей всегда удавалось стать центром внимания, думала она. Как бы ей хотелось отделаться от Эксиа! Если кузина выйдет за Лэклана, у которого, как успела выяснить Франческа, нет титула и чьи сыновья своим поведением напоминают волчат, то они с Джеми будут предоставлены друг другу.

— Ты забыла, дорогая кузина, — сладким голосом произнесла Франческа, — что твой отец оставил тебя на мое попечение. И я разрешаю тебе выйти замуж за одного из этих мужчин. Прямо сейчас. Сегодня, если хочешь. — И она одарила Эксию своей самой очаровательной улыбкой.

«Интересно, какие у него недостатки?» — глядя на Лэклана, недоумевала Эксиа, абсолютно уверенная в том, что Тивершем уже сделал предложение кузине и получил от ворот поворот. Ведь Франческа так стремится найти себе мужа и иметь свой дом — так почему же она отказывается от Лэклана? Чем он не подходит?

На самом же деле Лэклан, овдовевший два года назад и имевший массу возможностей выбрать себе жену, мечтал встретить женщину, достоинства которой не ограничивались бы красивой внешностью. Ему нужна была жена, способная воспитывать его неуправляемых и упрямых сыновей. Мать Лэклана отличалась сильным и властным характером, поэтому его тянуло к нежным и утонченным женщинам, и он женился на хрупкой, как цветок, девушке. Десять лет заботы о жене, которая в конце концов не смогла противостоять болезням и скончалась, навели его на мысль, что ему нужна женщина с кнутом в одной руке и самострелом — в другой. Он считал, что только с помощью этих двух вещей можно воздействовать на его

сыновей.

Лэклан встал на одно колено, в результате чего его лицо оказалось на одном уровне с лицом Экси.

— Выходите за меня замуж. Все, что я имею, будет принадлежать вам. Ко мне, мальчики! — приказал он. — Просите эту добрую госпожу стать вам матерью.

Мальчики не понимали смысла происходящего, но знали, что им не поздоровится, если они ослушаются отца. Обычно он не обращал на них особого внимания, но требовал, чтобы они всегда беспрекословно подчинялись ему. Поэтому они не раздумывая бросились к девушке и обвили ее ручонками.

— Пожалуйста, — взмолились они хором, — пожалуйста, станьте нашей мамой.

Эксия была восхищена. Прикосновение другого человека — это нечто потрясающее! А как прекрасны дети...

Однако Джеми положил конец этой сцене. Взяв Эксию за плечи, он подвел ее к лестнице и пинками заставил двинуться вверх.

— Ты забыла, что все должно оставаться в тайне? — шипел он ей на ухо. — Я не желаю, чтобы всему свету стало известно, кто твоя кузина.

— А какое отношение мое замужество имеет к нашей тайне? Ты бы оставил меня здесь, со своим красивым другом, — и все. — Но ей очень нравилось слышать гневные интонации в его голосе. Неужели он ревнует? Разве такое возможно — ведь он собирается жениться на другой? — Или ты считаешь, что мне следует выйти за Рису? Они оба красивы, правда? Будь я такой, как ты, то вышла бы за того из них, у кого больше денег, и забыла бы о чувствах. — Эксия остановилась на ступеньке. — Так за кого, по-твоему, мне стоит выйти?

— Ни за кого! — отрезал Джеми. — Я должен отвезти тебя к твоему...

— К кому моему? К моему нареченному? — Она усмехнулась ему в лицо. — Ты же утверждал, что нет причин брать меня с собой.

— Ты компаньонка Франчески. — Его заявление так рассмешило Эксию, что она от души расхохоталась. Заразившись ее весельем, Джеми улыбнулся, но в следующую секунду его улыбка угасла. — Я отвечаю за тебя. До тех пор, пока Мейденхолл не даст мне каких-либо указаний, ты будешь делать только то, что скажу я. И, естественно, ни за кого не выйдешь замуж.

— А Франческе, значит, можно выйти за того, кого выбрала она сама, а не ее отец. Верно? Она обручена и в то же время свободна выбирать. Я же ни с кем не обручена, но не имею свободы выбора. Я правильно изложила факты?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Возможно, Мейденхолл не согласится с твоим выбором. Ты его родственница, к тому же твой отец умер, следовательно, он отвечает за тебя и вправе решать твое будущее. Позволь напомнить, что я еще не женат на Франческе.

— Неужели в твоем голосе слышится надежда? На то, что тебе удастся спастись? Или на то, что удастся затащить красавицу Франческу в постель?

— Что ты знаешь об этом? — с видом чопорной старой девы спросил Джеми, открывая дверь в отведенную Эксию комнату.

Возле камина сутились слуги, наполнявшие горячей водой деревянную ванну.

— Больше, чем ты думаешь, — загадочно улыбнувшись, ответила Эксия и вдруг увидела ванну. Для нее не составило труда догадаться, кто именно позаботился о ней. — О Джеми, — прошептала она, сразу почувствовав, что замерзла, и вспомнив о грязном платье и растрепанных волосах.

Когда девушка повернулась к Джеми, тот улыбался. Он был так красив, что она, потрясенная, вынуждена была ухватиться за столбик балдахина, чтобы не упасть. Улыбка, игравшая у него на устах, принадлежала вовсе не храброму рыцарю, флиртующему с дамой, а подростку, счастливому оттого, что он доставил ей удовольствие. Он напоминал малыша, подарившего матери сломанный цветок и услышавшего от нее, что это лучший подарок на свете.

— Я подумал, что тебе будет приятно принять ванну, — неуверенно произнес он. — Но если ты...

Поняв, что ему хочется услышать от нее похвалу, Эксия воскликнула:

— Даже жемчуга не доставили бы мне такого наслаждения, как ванна. — Джеми почувствовал, что она говорит совершенно искренне, и покраснел. — Я буду мокнуть, пока у меня не слезет кожа. Пожалуйста, попроси их сделать воду погорячее. — Она не раз замечала, что мужчинам очень нравится, когда Франческа, вместо того чтобы приказывать самой, просит их отдать приказание. Ей было приятно наблюдать за Джеми, пока тот разговаривал со слугами и проверял температуру воды. — Я вымою голову, — с нетерпением, выдававшим ее жгучее желание поскорее окунуться в воду, добавила она.

Джеми указал на бортик ванны.

— Ромашковое мыло и розовая вода для ополаскивания. Надеюсь, все в порядке.

— Да, — подтвердила Эксия, поднимая на него глаза. Она не могла предположить, что бы случилось, если бы в ту секунду слуга не объявил, что вода готова. И ей не суждено было узнать это, так как момент был упущен.

— Я оставлю тебя одну, — сказал Джеми и, улыбнувшись, вышел.

Эксия закружилась по комнате. «О, как сладка свобода!» — подумала она. Только что двое мужчин попросили ее руки, а сейчас Джеми... Джеми... Она даже не знала, к чему стремится Джеми, но ей нравилось то, что он делал.

Наконец она скинула с себя платье и все еще влажное нижнее белье и с наслаждением погрузилась в горячую воду. Когда тепло изгнало холод из ее тела, она откинулась на стенку ванны и закрыла глаза.

— Он отправил письмо! — закричала Франческа Эксию, нежившейся в горячей ванне. — Ты слышишь меня? Он в самом деле отправил письмо!

Вопли кухни вырвали Эксию, разморенную теплом после бессонной ночи, из приятной дремы.

— Кто отправил письмо? Какое? — устало спросила она, догадываясь, кто именно, но не

понимая, о каком письме идет речь.

Зная, что Франческа не даст ей насладиться ванной, Эксия принялась намыливать голову.

— Письмо к твоему отцу, — ответила Франческа, плюхаясь на скамеечку в ногах кровати. — Лорд Джеймс отправил ему письмо, в котором просит разрешения жениться на его дочери Франческе. Не на тебе. На Франческе. На мне.

Эксия была так утомлена, что не сразу сообразила, о чем говорит кузина.

— Джеми отправил письмо моему отцу? — прошептала она и прижала руку ко лбу. Ее мозг лихорадочно заработал. После того как Франческа гордо объявила об их с Джеми решении тайно обвенчаться, она так разозлилась, что не посчитала нужным обдумать ситуацию. Гнев, причины которого она не пыталась анализировать, лишил ее способности рассуждать здраво. Ох, ну почему же она вовремя не расспросила Франческу?! — Расскажи мне все, — тихо попросила Эксия.

— Я хотела, чтобы мы поженились тайно, но лорд Джеймс заявил, что честь вынуждает его предварительно испросить разрешения у твоего отца...

— Теперь это уже «мой» отец, — усмехнулась Эксия. Франческа пропустила ее замечание мимо ушей.

— Я, естественно, согласилась. А что мне оставалось?

— О да, стремление заловить в сети мужчину сделало тебя чрезвычайно изобретательной на ложь. Красавица бросила на кузину злобный взгляд.

— Эксия, я старалась ради тебя.

— Что-о?! — Глаза Эксии расширились от изумления.

— Я вижу, что тебя влечет к нему, и если ты тайно выйдешь за него замуж, отец лишит тебя наследства.

Секунду Эксия беззвучно шевелила губами, прежде чем к ней вернулся дар речи:

— Следовательно, ты собралась стать леди Франческой Монтгомери, чтобы спасти меня? Прошу прощения за то, что так плохо думала о тебе. Франческа, ты само олицетворение доброты.

Франческа пристально посмотрела на кузину, пытаясь понять, издевается она над ней или говорит серьезно. Эксия такая; по ней не определишь, что именно она имеет в виду.

Эксия села прямо и прищурилась.

— Пожалуйста, избавь меня от сказок о своем самопожертвовании ради меня. Я хочу все знать о письме к моему отцу!

Франческе следовало бы раньше сообразить, что Эксия не поверит ни одному ее слову.

— Как я говорила, лорд Джеймс отправил твоему отцу письмо с просьбой разрешить ему жениться на его дочери, только он считает его дочерью меня. Я пыталась протестовать, но побоялась проявлять излишнюю настойчивость и сказала, что тоже напишу письмо, он отдаст

мне свое, и я отправлю оба письма с одним посыльным. Конечно же я не собиралась отправлять их.

Эксия с недоверием смотрела на кузину.

— Неужели, по-твоему, он бы не заметил, что ответа нет? Или ты собиралась сама написать ответ, подделав почерк моего отца?

Честно говоря, Франческа об этом даже не думала, но она лучше бы умерла, чем призналась бы в этом Эксии.

— Какая теперь разница. Письмо твоему отцу уже отправлено, и в нем он просит разрешения жениться на его дочери. — Франческа поджала губы, что делала очень редко, так как знала, что от этого появляются морщины. — Что, по твоему мнению, предпримет твой отец, — прошептала она, — когда узнает, что я выдаю себя за его дочь?

У Эксии не было ни малейшего желания размышлять об этом. Ей с трудом удавалось сдерживать злость на Франческу.

— Не знаю. Возможно, он зевнет и скажет: «О Господи, наверное, тут какая-то ошибка». Или ты предполагаешь, что он пошлет за мной целую армию? Чтобы под конвоем проводить меня к жениху? — Она тяжело вздохнула, — А что, по-твоему, дорогая кузина, он сделает с тобой? Я предполагаю, что он разденет тебя донага и утопит в грязной луже на обочине. Посмотрим тогда, кого привлечет твоя красота. — На секунду Эксия прикрыла глаза; ей надо подумать. — Слей теплую воду из того ведра мне на голову: надо промыть волосы.

Франческа фыркнула.

— Можешь считать что угодно, но я тебе не горничная.

— Прекрасно, — с наигранным добродушием произнесла Эксия, — тогда ищи решение собственными мозгами.

Поколебавшись, Франческа подняла ведро и вылила воду на намыленную голову кузины. Затем она взяла предназначенное Эксии полотенце и принялась вытирать им голубое атласное платье, хотя на него не попало ни единой капли воды.

— Возможно, нам удастся перехватить ответ. Эксия уже успела проанализировать услышанное и теперь отчетливо представляла, что может повлечь за собой случившееся: ей грозит лишиться свободы раньше, чем она рассчитывала.

— Меня волнует вовсе не ответ, а то, что отец вышлет армию вооруженных дружинников.

Эксия пыталась сдерживать свой гнев, так как знала, что способна рассуждать здраво лишь в спокойном состоянии.

Встав, она вырвала из рук Франчески полотенце и принялась вытираться.

— Ты должна исчезнуть.

— Наверное, ты назовешь меня тщеславной, но неужели, по-твоему, никто не заметит моего исчезновения? Кроме того, Эксия, я не понимаю, почему исчезать нужно именно мне. Твой отец разозлится на тебя, а не на меня. Ведь я лишь кузина.

— Кузина без денег, — напомнила ей Эксиа. — И кроме всего прочего именно ты дала повод для разговоров о тайном венчании.

По взгляду Франчески Эксиа догадалась, что бессмысленно убеждать красавицу в том, что та виновата во всем. По опыту она знала, что кузина всегда забывала о том, что ее ошибки часто приводили к серьезным неприятностям.

Эксиа устало вздохнула.

— Когда он отправил письмо?

— Полагаю, сегодня утром. Да, точно сегодня утром, потому что он отсутствовал всю ночь. — Франческа с подозрением посмотрела на несмятую постель кузины. — А где ты провела эту ночь?

— С Тодом, — махнув рукой, ответила Эксиа. — Из-за его ног. Ты не можешь находиться здесь, когда придет ответ отца. Он...

— Ну, — испуганно прошептала Франческа, — и что же он сделает?

— Вышвырнет тебя вон, а меня закует в цепи. Франческа, почему ты не подумала обо всем заранее?

— Я хотела, чтобы он женился на мне. Что в этом плохого? Он граф. Граф! О Эксиа, каково это — никогда не чувствовать себя в безопасности, жить с ощущением, что над тобой висит меч. Не знать, что ждет тебя завтра, что...

— А как же я? — взорвалась Эксиа, но тут же заставила себя успокоиться. Она надела белую льняную ночную сорочку, хотя понимала, что ей вряд ли удастся уснуть после того, что ей рассказала Франческа. — Дай мне подумать. Я устала.

Ну почему ей не пришло в голову предупредить Франческу насчет так называемого «обручения»? Ну почему она не учла, что ее отец разозлится, когда узнает, что его дочь решила выйти не за того, кого он для нее выбрал? Если бы Джеми и Франческа поженились, то это был бы союз между бедной представительницей среднего класса и обедневшим дворянином. И кому какое дело, на какие деньги они собирались существовать! Но ситуация усложнялась тем, что теперь в дело был замешан Перкин Мейденхолл.

Только сейчас Эксиа поняла, какую глупость совершила. Почему она не подумала о том, что их с Франческой маскарад может привести к неприятным последствиям? Почему она не задумалась о том, что произойдет, если вмешается отец? На мгновение ее охватил панический страх. Да, она никогда не встречалась с отцом, но все годы переписывалась с ним. Он никогда даже не намекал на то, что приедет навестить ее.

Эксиа знала, что их существование подчинено воле Перкина Мейденхолла. Он незримо распоряжался их жизнями. И она всегда стремилась угодить ему, втайне надеясь, что он приедет. Приедет и скажет: «Молодец, девочка».

Да, ей действительно нравилось флиртовать с поклонниками, нравилось, когда ей делали предложение, однако она прекрасно понимала, что выйдет только за того, кого выбрал отец. Даже несмотря на то что ее избранник окажется уродом, скупердьяем или кем-нибудь похуже. И ей было страшно представить, что сделает отец, если она откажется.

Эксия была не настолько наивна, чтобы не знать, как строятся отношения между людьми. Отец бы не разбогател, если бы отличался мягкостью характера. Он был безжалостен и, когда кто-нибудь перечил ему, находил иные пути добиться своего. Он женился на матери, так как желал заполучить участок, принадлежавший ее отцу. И он заполучил его в конечном итоге, независимо от того, на что ему пришлось пойти.

Какова будет реакция отца, когда он получит письмо, в котором Джеймс Монтгомери просит разрешения жениться на его дочери? Придет в ярость? Наверняка он догадается о том, что они с Франческой поменялись местами, а Перкин Мейденхолл, как известно, не принадлежит к тем, кто прощает обман. А вдруг он решит отомстить Джеймсу Монтгомери и задастся целью разорить его? А вдруг он прогонит Франческу, не дав ей ни пенса? Или выдаст ее за человека, по сравнению с которым сам дьявол будет казаться ангелом?

А вдруг он посчитает нужным наказать непослушную дочь — да помогут ей небеса?

— Дела плохи, да? — прошептала Франческа, пристально следившая за лицом кузины.

— Полагаю, мы зашли слишком далеко, — ответила та, и Франческа едва не расплакалась от облегчения, когда услышала «мы».

— Ты должна находиться в другом месте, когда придут люди отца. И он тоже: нельзя, чтобы Джеми получил ответ. Если бы удалось убедить его, что нам грозит опасность, он вынужден был бы снова отправиться в дорогу...

— Он не уедет без тебя, — угрюмо произнесла Франческа. — Он захочет спасти именно тебя. Они все распускают перед тобой хвост. А ты, как всегда, обращаешь на себя внимание.

Вспомнив сегодняшнее утро, Эксия улыбнулась.

— Двое в один день сделали мне предложение. Разве это не восхитительно?

— Ты ждешь, что я соглашусь с тобой? Оттуда, где я сидела, все выглядело отвратительно. К тому же ты не собираешься выходить ни за одного из них, верно? У одного, у Риса, ничего нет, а у другого — не дети, а волчата.

— Ты же знаешь, что я лишена возможности выбирать мужа, — отрезала Эксия. — Вот в чем все дело! В отличие от тебя я не свободна. Ты можешь выйти за любого, а я — нет. У тебя есть возможность стать женой графа, если твоя ложь не раскроется прежде, чем он окажется перед алтарем.

Глаза Франчески загорелись. Нет, она не расскажет Эксии, что ей нравится этот Джеймс Монтгомери, и не только потому, что он граф. Ей нравится, что он вежлив и обходителен с ней, что он отличается от других поклонников, то и дело пытавшихся дотронуться до нее, — а ей так противно, когда до нее дотрагиваются!

— Похищение! — внезапно воскликнула Эксия. — Надо, чтобы тебя похитили.

— Мне не по душе твоя идея, — мгновенно отреагировала Франческа.

— Тебе следовало бы подумать об этом до того, как мой отец узнал о твоих матримониальных планах. — Эксия, вытиравшая волосы влажным полотенцем, пристально посмотрела на кузину. — Я попрошу Года организовать похищение. Да, так и надо. Я сказала Джеми, что подслушала разговор конюхов в конюшне. Всем известно, что ты наследница Мейденхолла, так

что твое похищение будет выглядеть вполне естественно.

— Это правда? Мне грозит опасность?

— Только в твоём воображении, — усмехнулась Эксиа. — Да, тебя похитят, и Джеми отправится вызволять тебя.

— А ты? — осведомилась Франческа. — Что собираешься делать ты, когда я буду трястись в фургоне? Наслаждаться горячей ванной? Вкушать фаршированных павлинов?

— Какая тебе разница, если ты останешься наедине со своим разлюбленным Джеми? Я...

Эксиа предполагала, что скорее всего ей придется иметь дело с человеком, присланным отцом для того, чтобы удостовериться личность его дочери, после того как тот получит письмо, в котором наследницей называется Франческа. А вдруг он отправит Джеми подробное описание ее внешности? «Из двух девушек моя дочь та, которая некрасива, — напишет он. — Как вы могли перепутать красавицу Франческу с моей непривлекательной дочерью?»

Эксиа посмотрела на Франческу. Ее кожа, подсвеченная первыми солнечными лучами, пробивавшимися сквозь щели в ставнях, казалась нежной, как персик. Она была одета в роскошное атласное голубое платье с черной вышивкой. Эксиа знала — до последнего фартинга — сколько стоил ее наряд. Сама она никогда не носила такую дорогую одежду, так как считала: украшать себя драгоценностями равносильно тому, что нацеплять бриллианты на осла. Ведь тот, как его ни наряжай, все равно останется обычным некрасивым ослом.

— Терпеть не могу, когда ты смотришь на меня вот так, — заявила Франческа. — Надеюсь, ты не задумала что-нибудь ужасное против меня? Или твой отвратительный Тод?

— Франческа, — терпеливо произнесла Эксиа, — ты сама во всем виновата. Я не имею к этому никакого отношения, но, как всегда, мне придется расхлебывать кашу, которую ты заварила. — «И выпутываться из того, что за этим последует», — подумала она, но решила не говорить об этом вслух, чтобы не показывать Франческе всю глубину своего отчаяния. — Тод увезет тебя, а Джеми последует за тобой. Всем, кто нас сопровождает, он скажет, будто тебе пришлось вернуться домой. Вместе с ним уедут и его люди. Поэтому, когда придут дружинники отца, они...

— Они увезут тебя, — прошептала Франческа. Эксиа отвернулась, чтобы кузина не видела ее лица.

— Это не имеет значения. В моем распоряжении было всего несколько недель свободы. Я увидела достаточно, напробовалась вволю новых блюд, познакомилась с людьми, которые не состоят на жаловании у моего отца. Я получила больше, чем рассчитывала. — Она не позволит себе размышлять о том, что происходит. — Вот. — Порывшись в сумочке, она достала из-под подкладки маленький мешочек. — Бери. Это золото. Тебе пора собираться. Сложи свою одежду в фургон, в тот, который не разрисован. И постарайся все время находиться недалеко от фургона, чтобы Тоду не пришлось искать тебя.

— Его лицо опять будет скрыто этим ужасным капюшоном? Я ненавижу, когда он надевает его.

— Ты ненавидишь его капюшон, ты ненавидишь, когда его лицо скрыто. Ты ненавидишь все, что Тод делает. Да, он спрячет свое лицо. Иди к нему, он все организует. На это потребуется очень мало времени. Ты поняла меня, Франческа: очень мало!

— Экси́я, ну почему ты всегда так сурова со мной? «Чего я ожидала, — подумала Экси́я. — Благодарности? От Франчески?!» Внезапно она почувствовала, что больше не может выносить вида кузины.

— Уходи! — воскликнула она. Франческа даже не шевельнулась. — Уходи! — раздраженно закричала она.

Франческа пулей вылетела из комнаты и в сердцах хлопнула дверь.

Экси́я собралась было одеться и заняться делами, но вдруг ощутила слабость в ногах. Все, ее свобода закончилась! Почему она не подумала, что случится, когда отцу станет известно об их с Франческой затее?

Но она знала ответ. Свобода опьянила ее и заставила совсем забыть о здравом смысле. А еще появился Джеми, а с ним — и их перепалки, и — о небеса! — та ночь любви.

Вновь опустившись на кровать, она закрыла глаза и отдалась воспоминаниям. О ночи, проведенной в его объятиях. Она говорила ему о своей любви, а он целовал ее. И ласкал.

Но теперь все кончено. Он исчезнет отсюда в то же мгновение, когда услышит, что его бесценная наследница Мейденхолла пропала, и даже не взглянет на нее, Экси́ю. Ведь он считает, что у нее нет денег — тех самых денег, о которых он мечтает больше всего на свете.

Экси́и хотелось плакать от жалости к себе. Но на слезы не было времени, нужно было одеваться и идти к Тоду, чтобы договориться о похищении Франчески. Но первым делом следует узнать, как он себя чувствует. Она знала, что он отказывается оставаться в постели дольше одного дня, независимо от своего состояния. Да, еще кучер, напомнила себе девушка, надо нанять кучера. Ей придется все делать за свою кузину, потому что эта глупая курица Франческа будет сидеть в фургоне и ждать, когда за ней придут.

«Нужно вставать», — подумала Экси́я, прежде чем сон сморил ее.

Глава 15

— Что ты сделала с Франческой?

Со сна Экси́я не понимала, о чем речь. Она даже не сразу узнала говорившего. Подняв голову, девушка обнаружила, что лежит поперек кровати, ее ноги свисают; с края, а в комнате царит полумрак.

— М-м-м, Джеми, — с улыбкой пробормотала она и погрузилась в дрему.

Но в следующую секунду вновь открыла глаза, потому что Джеми застонал. Он лежал на кровати рядом с ней, не касаясь ее.

— В чем дело? — встрепнулась Экси́я и ощутила, как в ней поднимается нечто... нечто... О Боже, наверное, это воспоминание о той ночи. Ей до безумия захотелось поцеловать его в шею, там, где заканчивается бархатный воротник дублета.

— Почему ты пытаешься убить меня? — хриплым голосом спросил он. Его лицо было скрыто согнутой в локте рукой.

За свою недолгую жизнь Экси́я не успела набраться опыта в любовной игре, но все же могла

определить, когда на нее сердятся, а когда — нет. В настоящий момент Джеми Монтгомери не сердился.

Улыбнувшись, она перекадилась к нему и, выхватив кинжал из ножен у него на боку, приставила к его горлу.

— Так мне сейчас это сделать? Лишить тебя жизни? Медленно убрав руку от лица, Джеми повернул к ней голову. В его глазах пылал такой жаркий огонь страсти, что у Эксии перехватило дыхание.

— Ты не знаешь, с чем играешь.

— Полагаю, я знаю больше, чем ты считаешь, — прошептала девушка. Мгновение ей казалось, что он собирается поцеловать ее.

Внезапно Джеми сел и устремил на нее пристальный взгляд.

— Я тебе не сладкая булочка с изюмом!

— Ты — не что? — переспросила Эксия, наклонившись к нему.

— Эксия, предупреждаю: остановись. Ты не понимаешь, что делаешь. Ты думаешь, что можешь все попробовать, все увидеть, всего коснуться, но ты заблуждаешься... — Джеми замолчал. Он знал, что под длинной сорочкой, облегавшей стройное тело девушки, ничего нет. Ничего. Абсолютно ничего. — Эксия, — простонал он.

— Да, Джеми, — прошептала она, прижимаясь к нему.

Все благие намерения Джеми не дотрагиваться до Эксии пошли прахом. Не в состоянии больше сдерживать себя, он опрокинул ее на спину и впился поцелуем в ее губы.

Его удивила мощь владевшей им страсти. Ведь эта самая Эксия, эта девочка-женщина, превратила его существование в ад, однако он желал ее, впервые в жизни испытывая желание такой силы.

Ощущая под собой ее тело, он просунул колено между ее ног. Возможно, ему удалось бы совладать с собой, если бы Эксия хоть немного сопротивлялась, но она распахивалась ему навстречу, как цветок — навстречу пчеле. Ее рот приоткрылся, ноги раздвинулись, а руки обвили его шею.

Он покрывал страстными поцелуями ее шею, щеки, грудь, его пальцы ласкали ее соски.

— Эксия, — внезапно раздался шепот от двери. — Эксия, ты здесь?

— Одну... — дрогнувшим голосом произнесла девушка и прокашлялась, чтобы прочистить горло. — Одну минуту.

Посмотрев на Джеми, она увидела, что он испуган не меньше нее.

Однако его испуг длился всего мгновение. Как истинный солдат, он сразу оценил ситуацию и спрыгнул с кровати, затем откинул одеяла, заставил Эксию лечь на подушку, укрыл ее, а сам спрятался за ширмой, стоявшей в углу.

— Эксия? — опять позвал Тод, бесшумно входя в комнату.

Прежде чем закрыть за собой дверь, он выглянул в ярко освещенный коридор, дабы удостовериться, что никто его не видел. Он оделся в длинную тунику из грубой ткани, а на голову накинул капюшон, сшитый так, чтобы полностью закрывать изуродованную часть лица.

— М-м-м? — промычала Эксия, притворяясь, будто только что проснулась.

— Прости, что разбудил тебя. — В его голосе слышалось искреннее сожаление: ведь он знал, что всю прошлую ночь она бодрствовала подле него. — Кажется, случилось Что-то плохое. Твой отец...

Громкий кашель девушки заглушил его слова. Чего бы это ей ни стоило, но она не допустит, чтобы спрятавшийся за ширмой Джеми узнал их с Тодом секреты. А Тод не должен даже заподозрить, что кто-то находится в ее комнате.

— Эксия, что с тобой? Она откинула одеяла.

— Думаю, нам надо обсудить это наедине.

— А где мы можем найти большее уединение, как не в твоей спальне? — с подозрением осведомился он. — Эксия, что у тебя на уме?

— Ничего. Действительно ничего. Оставь меня, я оденусь и выйду к тебе.

Не двинувшись с места, Тод продолжал внимательно наблюдать за ней.

— Что-то не так. Тебя что-то расстроило.

— Нет, ничего подобного. — Испугавшись, что Джеми не уместится за узкой ширмой, Эксия встревоженно посмотрела в угол комнаты.

Проследив за ее взглядом, Тод направился в ту сторону, но Эксия поспешно прыгнула с кровати и, перегнав его, забежала за ширму.

— Дай мне одеться, и мы...

Она увидела, что Джеми спокойно сидит на невысокой табуретке и усмехается. Его длинные ноги были широко расставлены, и колени упирались в края ширмы, поэтому единственное место, где можно было устроиться Эксии, находилось как раз между его ног.

— Ладно, одевайся, — сказал Тод, раздраженный тем, что не понимает поведения Эксии. И что она так всполошилась? Как будто он никогда не видел ее в ночной рубашке!

Джеми следил за Эксией, и его взгляд ясно говорил; «Да, пожалуйста, одевайся».

Девушка положила ладонь на его глаза, подразумевая, чтобы он закрыл их, но Джеми отстранился, поцеловал ее руку и снова ухмыльнулся.

Прищурившись и поджав губы, Эксия сердито посмотрела на него. Понимая, что у нее нет иного выбора, она усмехнулась и, перегнувшись через Джеми, потянулась за корсетом, который висел на стене у него над головой. К сожалению — или к счастью, — при этом движении ее грудь плотно прижалась к его лицу.

Сдернув корсет с крючка, Эксия отстранилась от Джеми и опять посмотрела на него. Насмешливое выражение исчезло с его лица, уступив место страдальческому.

— Где Франческа? — спросил Тод, находившийся по другую сторону ширмы и не представлявший, что творится за ней.

— Откуда мне знать, где Франческа? Наверняка она там, где больше всего мужчин.

Эксия надела корсет и, повернувшись к Джеми спиной, подала ему знак, чтобы он затянул шнуровку. К ее восторгу, его руки сильно дрожали.

— Эксия, — вновь заговорил Тод, — не морочь мне голову. Что ты с ней сделала?

— Я?! Почему ты подозреваешь именно меня?

— Я слышал, что произошло сегодня утром. Что заставило тебя согласиться выйти замуж за этого человека? Тебе известно, что он всем и каждому рассказывает о вашей помолвке?

— Ой! — вскрикнула Эксия, когда Джеми уколол ее наконечником от шнурка. — Нет, я ничего не знаю, но мне это очень нравится, — заявила она, предназначая последние слова Джеми.

Повернувшись к нему лицом, она потянулась за платьем. Длинное и приталенное, оно подчеркивало соблазнительные линии ее тела. Оно было сшито из темно-золотистой ткани и отделано узкой лентой из черного бархата. Застежку на спине скрывали кружева.

Однако на этот раз Джеми вовремя отодвинулся. Остановив Эксию рукой, он сам снял платье с крючка, а затем, сев на табуретку и сложив руки на груди, принялся наблюдать за тем, как она одевается.

— Эксия, ты слишком много лжешь, — заметил Тод. Эксия искоса взглянула на Джеми, чтобы узнать, слышал ли он заявление Тода. Естественно, слышал. Он многозначительно приподнял одну бровь.

— Полагаю, будет лучше, если мы обсудим это позже, — громко сказала девушка. — Я все объясню тебе, когда мы окажемся одни.

— А сейчас мы не одни? — осведомился Тод. — Эксия, что с тобой? Ты что-то сделала с Франческой, верно?

— Конечно, нет, — возразила она, наконец-то просунув голову в вырез платья.

Для нее никогда не составляло труда одеваться самостоятельно, но обычно за ее облачением не наблюдал мужчина. А сейчас она почему-то путалась в рукавах, а пальцы цеплялись за кружева.

Внезапно Эксия вспомнила, о чем они с Франческой беседовали, прежде чем она заснула. Неудивительно, что она позабыла обо всех проблемах, свалившихся на нее из-за глупой кухни, когда, проснувшись, обнаружила рядом с собой Джеми. Итак, она сказала Франческе, чтобы та ждала ее подле фургона, что она сама договорится обо всем с Тодом и тот придет за ней. Но, если судить по свету, пробивающемуся сквозь ставни, она проспала несколько часов, так ни о чем и не попросив Тода.

Однако Эксия, как ни странно, ни капли не встревожилась. Напротив, она даже улыбнулась.

— Я знаю, где Франческа, — объявила она и едва не рассмеялась.

Несмотря на свое высокомерие, кухня умела слушаться. Однажды, в детстве, Эксия сказала

Франческе, чтобы та спряталась, а она будет искать ее. Но что-то отвлекло ее, и она забыла об игре. Прошло много часов, прежде чем Тод заметил отсутствие Франчески. Один из садовников нашел девочку спящей в сарае в дальней части сада.

И сейчас, поняла Эكсия, Франческа сидит в фургоне и ждет, когда Тод увезет ее и тем самым вызовет из беды. Представив, как красавица-кузина обливается потом в душном фургоне, нервничает и гадает, что случилось, Эксия хихикнула.

— Эксия! Что ты натворила? — требовательно спросил Тод.

Эксия лихорадочно соображала. Нельзя открыть Тоду правду, потому что Джеми слышит каждое слово. Что бы он сделал, если бы она рассказала ему о своих страхах, что отец может выслать за ними целую армию вооруженных дружинников?

Веселость девушки мгновенно улетучилась. Как долго она спала?

— Ты заглядывал в фургоны? — как можно спокойнее поинтересовалась она.

— Естественно. Разрисованный фургон исчез, а во втором ее нет. Может, Монтгомери забрал фургон?

Когда Джеми в ответ на ее вопросительный взгляд покачал головой, Эксия проговорила:

— Нет. Вернее, я сомневаюсь. А вдруг его увезли в починку? Или кому-то понравились мои рисунки?

Ну что случилось с Франческой? Неужели она заснула в фургоне и не заметила, как его отвезли к кузнецу?

Повернувшись к Джеми спиной, Эксия молча ждала, пока он зашнурует платье. Она кожей чувствовала, что ее с Тодом разговор вызывает у него жгучий интерес.

Одевшись, Эксия вышла из-за ширмы. Тод стоял у окна, его капюшон был откинут. Увидев девушку, он открыл ставни, и комната наполнилась тусклым светом приближающихся сумерек.

— Я проспала почти весь день, — ахнула Эксия и впервые по-настоящему забеспокоилась.

— Эксия, — тихо проговорил Тод, — думаю, Франческу похитили.

— Нет, конечно нет. Как это могло случиться? Я же не сказала тебе... — она замолчала, бросив взгляд на ширму.

— Что не сказала?

— Никто здесь не знает, что она наследница Мейденхолла, — громко произнесла девушка. — Поэтому зачем ее похищать? Уверена, она где-то поблизости. Ты проверял оба фургона?

Тод прищурился. Он не собирался дважды отвечать на один и тот же вопрос, к тому же странное поведение Эксии возбуждало в нем подозрения.

— Почему Франческа могла оказаться в фургоне, когда ей подготовлена комната в доме? Ты же знаешь, она ненавидит эти фургоны.

— Мне и не перечислить, как много всего ненавидит Франческа. Давай выйдем во двор и... и

поищем ее. Я помогу тебе.

Эксия торопливо перебирала в уме возможные варианты. А не могла Франческа самостоятельно организовать собственное похищение? Вполне вероятно, что она решила уехать без Тода, которого недолюбливала. Но их целью было вынудить Джеми броситься в погоню за похитителями и тем самым убрать его из замка к тому моменту, когда приедут дружинники отца. Следовательно, тайное исчезновение не вело к решению поставленной задачи. Это способна понять даже Франческа, верно?

Размышления девушки были прерваны громким стуком. В следующее мгновение дверь распахнулась, и на пороге появился Томас. По его обеспокоенному лицу Эксия догадалась, что случилось нечто ужасное.

— Он здесь? — без обиняков спросил он. Эксии не понравилось, что его вопрос подразумевал, будто он знает, о ком идет речь.

— О ком ты?

Томас решил не тратить время на объяснения.

— Прибыли фургоны Мейденхолла и привезли раненого Риса.

Джеми тоже не стал терять время и, отбросив ширму, перешагнул через нее. Не взглянув на Эксию и Тода, он вышел вслед за Томасом в коридор.

Эксия собралась было догнать его, но Тод перехватил ее.

— Что происходит? — возмутился он. — Но я желаю услышать правду.

Эксия вздохнула. Почему-то в ней с каждой минутой росла уверенность, что их затея провалилась, а дело приняло серьезный оборот.

— Джеми отправил моему отцу письмо, в котором просит разрешения жениться на его дочери Франческе.

Тоду понадобилась всего секунда, чтобы оценить положение. Им повезло в том, что они за все годы ни разу не вызвали неудовольствия Перкина Мейденхолла, однако они слышали, что ждет тех, кто на это отважился. Что Мейденхолл сделает с Франческой и Тодом, когда узнает о маскарade? А вдруг он посадит Эксию под замок и не выпустит до когда ее дней?

Эксия в страхе сжала руку Тода.

— Я хотела, чтобы ты подстроил похищение Франчески. Джеми бросился бы в погоню, и когда приехал бы мой отец и его... О небеса, я не представляю, что он с нами сделает, когда все узнает.

Тод расправил плечи. Если бы не изуродованные ноги, он был бы очень высоким.

— Во всем виноват я. Вся ответственность лежит на мне. Мне следовало запретить тебе, но...

— Но ты любишь меня, — грустно закончила за него Эксия. — Вот в чем проблема. Ты хотел, чтобы я наслаждалась капелькой свободы и мне перепало бы немного счастья. — Вдруг она вскинула голову. — Рис! Я должна идти к нему. О Тод, что мы наделали!

— Итак, — сказал Джеми, глядя на Тода и Эксию, — я хочу знать, что происходит.

Миновало два часа с тех пор, как он прятался за ширмой в комнате Экси, и за это время ему пришлось пройти через настоящий ад. Риса ранили стрелой в ногу, когда он преследовал разрисованный фургон. Они с Лэкланом возвращались с соколиной охоты, когда Рис увидел, что фургон выезжает из ворот замка. Он подумал, что его везут в кузницу, но решил проверить.

Ему удалось приблизиться к фургону на сотню ярдов, но выпущенная из лука стрела выбила его из седла. К стреле была привязана записка, написанная неровным почерком.

«Ты забрал мою женщину, поэтому я забираю твою», — говорилось в ней.

Одна проблема, мучившая Джеми, исчезла: он удостоверился, что жизнь друга находится вне опасности. Но другая осталась: он так и не узнал, кто похитил Франческу. Как получилось, что никто не заметил похитителя, среди бела дня на глазах у сотен людей появившегося в воротах замка и увезшего Франческу? Неужели она не оказала никакого сопротивления? Ведь, по логике, она должна была бы поднять тревогу. Чувство самосохранения вынудило бы ее дать всем знать, что ей угрожает опасность.

Джеми перечитал записку, но так и не понял ее смысла. Кто это сделал? Имеет ли похищение отношение лично к нему или к наследнице Мейденхолла?

В одном Джеми не сомневался: Тод и Эксиа знают гораздо больше, чем стараются показать. И вот сейчас они откроют ему правду.

— У вас есть две секунды, чтобы все мне рассказать, — заявил он, беспокойно вышагивая перед сидевшими на стульях Тодом и Эксией.

— А что ты предпримешь, если мы не расскажем? — поддела его девушка, сложив руки на коленях. — Лучше я буду есть живых лягушек, чем что-либо расскажу тебе. И не потому, что мне ничего не известно. Просто мне надоело, что во всем винят меня. Я не имею никакого отношения к тому, что ранили Риса. Если помнишь. Рис предложил мне выйти за него замуж, и я, наверное, соглашусь. Я вылечу его, а когда он поправится, мы поженимся. А потом...

— Эксиа и Франческа задумали подстроить похищение, — устало проговорил Тод.

— Тод!! — вскрикнула Эксиа, взглядом осуждая его за предательство.

Он не повернулся к ней, но она догадывалась, что в нем бушует гнев.

— Неужели ты не понимаешь, что Франческу действительно похитили? Мы не знаем, где она, а похитителю, если он обнаружит, что она наследница Мейденхолла, может взбрести в голову выдавать нам ее по кусочкам в обмен на выкуп.

На Эксию словно вылили ушат холодной воды. До этого момента она не осознавала, что Франческе, по всей видимости, грозит опасность. И если с кузиной что-нибудь случится, то вина ляжет на ее плечи. Ведь Франческа говорила, что именно она будет рисковать своей жизнью, если согласится выдавать себя за наследницу.

— Зачем? — спросил Джеми, изо всех сил пытаясь сдерживать ярость.

— Из-за письма, — ответил Тод. — Вы сказали, что намерены написать Перкину Мейденхоллу и просить у него разрешения жениться на его дочери. Франческа хотела помешать вам отправить письмо, так как знала, что отец никогда не разрешит ей выйти замуж за того, кого выбрал не он. Она мечтает избежать брака с Грегори Болингброком любыми способами, поэтому предложила вам обвенчаться тайком... — Тод посмотрел на Джеми, глаза которого потемнели от гнева. К изумлению калеки, добрый и покладистый рыцарь в мгновение ока превратился в бравого солдата. Году почему-то стало очень жарко, и он дрожащей рукой вытер со лба пот. — Когда Франческа обнаружила, что вы отправили письмо, она испугалась, что отец пришлет дружинников. И мы решили увезти ее. Мы предполагали, что вы поскачете за ней, и, следовательно, ни вас, ни ее не будет здесь, когда появятся люди Мейденхолла.

— Значит, вы планировали подстроить похищение, — ровным голосом заключил Джеми.

— Нет, — устало возразила Эксиа. — Все придумала я. Тод не имеет к этому никакого отношения. Я собиралась претворить план в жизнь, но заснула.

Только сейчас Тод позволил себе взглянуть на девушку. А она отважна! Но в его памяти внезапно всплыл образ Джеймса Монтгомери, перешагивающего через отброшенную ширму. И ведь Эксиа одевалась за этой ширмой! Чем же они занимались в комнате перед тем, как он вошел?

— А что еще вы скрываете от меня? — осведомился Джеми.

— Ничего, что могло бы относиться к делу, — Эксиа не кривила душой, потому что в настоящий момент главным делом было вызволить Франческу.

— Она не виновата. — Тод поспешил предупредить следующий вопрос Джеми. — Она пыталась спасти Франческу. Представляете, что Мейденхолл сделал бы с Эксией? Он считает, что кухни должны следить друг за другом. — Тод сглотнул, вообразив, какова будет реакция Мейденхолла, когда он узнает о маскараде. — Это все Франческа. Она настаивала на браке, который Мейденхолл обязательно аннулирует, даже если ему придется купить половину Лондона, чтобы добиться своего.

— Понятно, — помолчав, сказал Джеми. — У всех есть секреты. Итак, Франческа похищена, но мы не знаем кем.

— Это моя вина, — прошептала Эксиа, подняв на Джеми полные страдания глаза. — Если Франческу убьют, во всем буду виновата я.

Джеми подошел к ней и встал на колени.

— Держись, чертенок, не падай духом. Кто бы это ни был, он обязательно влюбится в нее с первого взгляда. — Он взял ее за подбородок. — И никто ни в чем не виноват, кроме меня. В записке говорится: «Ты забрал мою женщину, поэтому я забираю твою». Похитителю следовало бы написать свои имя и фамилию и дать свой адрес, чтобы я мог вычислить его среди множества роконосцев из моего прошлого. — Заметив, что при этих словах страдание в глазах Эксиа уступило место гневу, Джеми улыбнулся. — Итак, именно мне придется искать решение, — сразу посерьезнев, добавил он.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась и в комнату ввалился Томас, тащивший за собой двух слуг: очаровательную молоденькую горничную и симпатичного паренька, являвшегося, если судить по запаху от него, помощником конюха. По их пунцовым лицам нетрудно было догадаться, чем они занимались, когда Томас нашел их.

— Рассказывайте, — приказал Томас.

Девушка села на пол и, закрыв фартуком лицо, расплакалась. Чувствовалось, что юноше хочется успокоить ее, но он был так испуган, что дрожал всем телом.

Бросив предупредительный взгляд на Томаса, Джеми приблизился к девушке и протянул ей руку. Этого оказалось достаточно, чтобы она перестала плакать. Красота Джеми, его элегантность и роскошная одежда мгновенно высушили ее слезы.

Наконец Джеми заговорил. Его голос был слаще меда. Эксия слышала подобные интонации лишь раз, в ту ночь, когда выдавала себя за Диану.

— Никто тебе ничего не сделает. Тебе не надо бояться наказания. Единственное, чего я хочу, — чтобы ты рассказала мне все, что знаешь.

Ревниво взгляну на Джеми, юноша повернулся к Эксии.

— Вы имеете в виду ту даму? Красивую? Самую красивую на свете? Ту даму?

Бросив на юношу уничтожающий взгляд, Джеми вновь обратился к девушке:

— Расскажи мне все, что знаешь. Девушка сначала самодовольно посмотрела на своего возлюбленного, а затем на Джеми.

— Она пришла в конюшню, туда, где стояли фургоны, те самые, в которых вы приехали.

— Франческа? — уточнил Джеми.

— Да, она. Я пряталась в конюшне от кухонной духоты, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Ха! — вмешался юноша. — Она сбежала их кухни совсем не поэтому.

Девушка не удостоила его вниманием и продолжала пристально смотреть Джеми в глаза.

— Та дама была очень расстроена, она спросила меня, какой именно фургон ей нужен, и тут же оборвала меня, заявив, что я не знаю. А я действительно не знала.

Эксия искоса взглянула на Тода: эта Франческа не в состоянии даже запомнить, в каком фургоне она должна была ждать, когда ее похитят.

— Я, э-э, на секунду зашла в денник, — продолжала девушка, — и... — Юноша громко хмыкнул. — Но я все слышала, к тому же я ничем не занималась... — Она торжествующе оглянулась на возлюбленного, который тогда, в конюшне, в действительности очень настойчиво пытался заставить ее заняться кое-чем. — Я видела того человека. Он очень большой, просто огромный. Мне нравятся крупные мужчины, — добавила она, мечтательно рассматривая Джеми, — а не всякие там недомерки или мальчишки.

— А ну хватит! — прикрикнул на нее Томас. Мечтательное выражение сразу исчезло с лица девушки.

— Мужчина спросил ее, Франческу, не ищет ли она кого-то, она ответила «да» и спросила, не он ли будет похищать ее. Мне показалось, что ее вопрос удивил мужчину, но он сказал, что он и будет похищать. «Если вы наследница Мейденхолла, значит, я приехал, чтобы похитить вас». Это его точные слова. — В расширившихся глазах девушки отразился благоговейный

восторг. — Она действительно наследница Мейденхолла?

Джеми с милой улыбкой пропустил ее вопрос мимо ушей.

— И что же произошло?

— Они вместе направились к раскрашенному фургону, и он сказал, что в жизни не видел более красивого фургона. Потом он поинтересовался, не она ли расписала его, и добавил, что в жизни не видел более красивой женщины, за исключением, возможно, одной, поэтому ему хочется, чтобы она села в фургоне рядом с ним, чтобы он внимательно разглядел ее и решил, кто из двоих красивее.

— И они уехали, — тихо заключил Джеми и повернулся к Томасу. — Начинай поиски. Расспрашивай всех, кто попадется тебе на пути. Мы должны найти ее. Наверняка кто-то что-то заметил. — Томас ушел, захватив с собой юную парочку, а Джеми рассеянно произнес, обращаясь к Экси и Тоду: — Пошли со мной. На его лице застыло обеспокоенное выражение. Уже в коридоре Тод объявил, что тоже хотел бы участвовать в поисках.

— Ты в порядке? — спросил он у Экси.

— Да, конечно. Чувствую себя великолепно, — заверила она его. — Иди с ними. Поищи там, где другие не додумаются.

Ободряюще улыбнувшись ей, он последовал за Джеми. Оставшись одна, Экси неожиданно почувствовала, что у нее подгибаются колени. Забавный розыгрыш, начавшийся с маскарада, превращается в кошмар. А если бы они с Франческой не поменялись местами, то сейчас в плену у похитителя находилась бы она? Возможно, Франческа поступила мудро, что не сопротивлялась. Если бы кто-нибудь набросился на нее, Эксию, она бы вопила во все горло и кусалась, что неминуемо закончилось бы смертью.

Расспросив нескольких слуг, Экси разыскала замковую часовню и принялась молиться. Она молилась о том, чтобы Франческа не догадалась, что ее похитили по-настоящему, иначе она испугается и тем самым вызовет похитителя на жестокость. Она молилась о безопасности Франчески и просила прощения за то, что втянула кузину в такие неприятности.

А еще она попросила Господа о том — хотя понимала, что не имеет права просить об этом, — чтобы ее отец не столь сильно разгневался, когда получит письмо Джеми.

Глава 17

Тод не любил выпивать, но сегодня им владело непреодолимое желание напиться до полусмерти и забыться. Во всем плохом, что случилось за последние несколько недель, он винил себя. Как и Экси, он не сомневался, что в настоящий момент Перкин Мейденхолл в сопровождении целой армии направляется к поместью Тивершема. Следовательно, свободе Экси пришел конец, и все из-за него, Тода.

Ему не сразу удалось прогнать из сознания образ девушки, закованной в кандалы в одном из фургонов Мейденхолла.

— Но не только Экси грозит опасность. Что сделает с Франческой похититель? Джеми уже успел перевернуть вверх дном все поместье в поисках того, кто видел и слышал хоть что-нибудь, способное дать ему ключ к разгадке. Однако все его усилия не увенчались успехом.

Тод знал, что Экси́я сидит в своей комнате и, по поручению Джеми, рисует портреты Франчески. Монтгомери планировал раздать их дружинникам и разослать тех по окрестностям, чтобы они расспрашивали у всех встречных, не видел ли кто Франческу.

Портреты появлялись из-под пера Экси́и один за другим, и каждый из них отличался поразительным сходством с оригиналом. С Франчески мысли калеки вновь вернулись к Экси́и, вернее, к тому, что ее свободная жизнь закончилась. Всего несколько часов отделяют ее от того мгновения, когда приедет Мейденхолл и отвезет ее к Грегори Болингброку.

Тод поежился. Да, Болингброк богат, но, как было известно Тоду, в детстве с ним произошел несчастный случай, в результате чего он стал неполноценным. Экси́я правильно догадалась о том, что у них не может быть детей, что они оба лишены надежды на нормальную семейную жизнь.

Отец Грегори прилагал массу стараний и платил огромные деньги, чтобы скрыть тайну сына. Но Тоду удалось все выяснить, причем его изуродованное лицо сослужило ему хорошую службу: ведь никто не обращает особого внимания на шута. А он многое слышал и еще больше додумывал сам. Кроме того, кое-какие сведения он получил от странствующих актеров и менестрелей, которые путешествовали от поместья к поместью и собирали всевозможные слухи и сплетни. Ему не составило труда разыскать тех, кто работал в поместье Болингбровов и знал правду.

Поэтому Тод отлично представлял, что ждет Экси́ю. Приедет ее отец, увезет ее и заставит выйти замуж за этого ужасного мальчишку. И Экси́я подчинится ему, с ее уст не слетит ни одно слово протеста, так как больше всего на свете ей хочется угодить отцу.

Зная, что будущее Экси́и печально, Тод не мог отказать ей в нескольких неделях свободы. В глубине души он понимал, каково это — быть наследницей Мейденхолла, когда на тебя, как на уродца, таращатся все кому не лень. В этом их с Экси́ей судьбы похожи. Чтобы дать ей возможность немного побыть обычной симпатичной девушкой, он позволил ей поменяться местами с Франческой. И вот теперь все пошло прахом. Жизнь Франчески в опасности, а Экси́ю с минуты на минуту увезет отец.

— Я должен что-то предпринять, — вслух сказал он. — Ведь я отвечал за обеих. Обе находились под моей опекой.

Тод корил себя за то, что всегда отдавал предпочтение Экси́и, в то время как Мейденхолл поручил ему обеих девушек. Он пренебрегал Франческой, и в конце концов та, от одиночества, решила выйти замуж за первого встречного, то есть за Джеймса Монтгомери.

Однако сейчас остается только ждать. Джеми прочесал окрестности, расспросил жителей деревень, но безрезультатно. Утром он собирается вместе с Томом отправиться на север, в том направлении, куда увезли Франческу.

Тод не сомневался, что Монтгомери не возьмет с собой ни раненого Риса, ни его самого, Джеми и Томас повскачут быстро, а Тод будет им лишь обузой. «Интересно, — подумал калека, — а Экси́ю он возьмет с собой или оставит в замке? Ведь он полагает, что ей, как кузине Франчески, ничего не грозит со стороны дружинников Мейденхолла, что Мейденхолл потребует предъявить свою дочь, а его дочью он считает Франческу».

Однако и Тод, и Экси́я знают правду.

С приезда в поместье Тивершема Тод спал на сеновале позади стойл. За годы, прожитые рядом

с Эксией, он привык к комфорту, но хорошо представлял, какое место отведено ему во внешнем мире, поэтому старался держаться подальше от незнакомых людей, пряча свое искалеченное тело под грубым балахоном, а лицо под капюшоном.

Поднявшись на ноги, Тод одернул тунику и направился вдоль денников, заглядывая в каждый до тех пор, пока не нашел юношу, видевшего человека, который увез Франческу.

— Уходи, — не поворачивая головы, заявил тот. — Мне больше нечего сказать.

Вынужденный сторониться окружающих, Тод научился наблюдать за людьми и читать по их лицам. И сейчас он сразу понял, что мучает юношу — ревность.

— Я просто хотел сказать тебе, что ты лучше заботишься о женщине, чем он. Ты же свою не потерял, — заявил Тод и собрался уйти.

— Подожди! — остановил его юноша и, по-птичьему повернув голову, попытался заглянуть под капюшон. — Ты один из его людей?

— Едва ли, — засмеялся Тод.

Он шагнул в полосу тусклого света, отбрасываемого факелом, который был укреплен на внешней стенке денника, и на секунду откинул капюшон, чтобы юноша смог разглядеть его лицо. Времени для этого оказалось достаточно, и Тод отвернулся, чтобы не видеть отвращения, отразившегося в глазах юноши.

— Не думаю, что тебе удастся увести чью-либо девчонку, — пренебрежительно расхохотавшись, заявил тот и не заметил, как Тод вздрогнул.

— Верно, — с наигранным весельем — он давно научился скрыть свою боль — ответил калека. — Я хотел узнать, что ты видел, но тебя, наверное, уже тошнит от этих разговоров. Однако я полагаю, тебе было очень интересно.

Тод следил за лицом юноши, который, кажется, обдумывал его слова. Честно говоря, он был так поглощен тем, чтобы засунуть руки девчонке под юбку, что не обращал внимания на то, чем занимались люди вокруг. А вот то, что она все слышала, больно задело его самолюбие. После сегодняшней встречи с графом она лишь о нем и говорила. «Граф!» — с придыханием снова и снова повторяла она. Только подумайте: граф беседовал с ней и смотрел на нее так, будто она самый важный человек на Земле.

— Никто не желает выслушать меня, — с горечью произнес юноша. — Никто не желает узнать, что видел я.

— Ты действительно кое-что видел? — воспрял духом Тод. — Я понял это с первого взгляда: ты очень смысленный парень. Я тогда сказал себе, что лорду Джеймсу следовало бы уделить побольше внимания тебе. — Тод наклонился к юноше, стараясь держать свое лицо в тени. — Я путешествую из дома в дом и собираю всякие истории. Твои подвиги достойны того, чтобы поведать о них людям, но для этого тебе придется открыть мне все.

В глазах юноши промелькнуло мечтательное выражение.

— У него была половина уха.

— Прошу прощения?

— У похитителя от уха осталась половина. Отрезано вот здесь, — объяснил он и провел пальцем чуть выше слухового отверстия. — Верхней части не было.

Тод так обрадовался, что едва не расцеловал юношу. Он провел с ним еще полчаса, выслушав его предположения о том, что произошло после того, как он увидел похитителя с отрезанным ухом.

Когда Тод решил, что и так слишком долго отдает дань вежливости, и направился к выходу из конюшни, его первым порывом было сообщить новые сведения Джеми, но вскоре он передумал. Если Монтгомери узнает об этом, то без сомнения снарядит в погоню отряд вооруженных дружинников, и тогда Франческе несдобровать. Нет, пришел к выводу Тод, будет лучше, если он сам отправится в погоню. Ведь он умеет проникать в места, для других не доступные. К тому же именно он обязан исправить собственную ошибку, не так ли?

Если судить по содержанию записки, привязанной к стреле, которая ранила Риса, то похититель считал, что Джеми сразу догадается, кто именно увез Франческу. Следовательно, этот человек должен быть из окружения Джеми. Тод не тешил себя надеждой, что Монтгомери снабдит его сведениями, которые предпочитает держать в секрете, но предполагал, что, возможно, Рис о чем-нибудь обмолвится в приятной беседе.

— Я пришел развеселить тебя, — заглянув в комнату Риса, объявил Тод, державший под мышкой мех с вином.

— Добро пожаловать, — отозвался Рис и поморщился от боли. — Расскажи, что выяснили. Есть какие-нибудь новости о Франческе?

— Пока ничего, но я пришел к тебе не для этого. Успокойся, иначе твоя нога никогда не заживет. Давай-ка я расскажу тебе потрясающую историю.

Два часа спустя, довольно улыбаясь, Тод покинул комнату Риса. Оказалось совсем не сложно заставить рыцаря говорить о необычных людях, которых тот встречал в своей жизни.

— Нет на свете второго такого глухого человека, как Генри Оливер, — заявил Рис после первого часа, в течение которого потчевал Тода всевозможными сплетнями и слухами. — Он считает, что оглох после того, как потерял половину уха.

Тод задал ему несколько вопросов и в конце концов узнал, что в детстве старший брат Джеми ударил Оливера мечом по голове, и когда тот увидел, как половинка уха упала на землю, то во все горло заорал, что отныне он будет глухим.

— И до сих пор он верит, что не может слышать этим ухом.

— А что он собой представляет? — как можно спокойнее осведомился Тод. — Он опасен?

— Оливер? Ни в коей мере, если только не предположить, что непроходимая тупость может сделать кого-то опасным. Он любит сестру Джеми и уже несколько лет настаивает на том, чтобы родители выдали ее за него.

— Настаивает? — переспросил Тод. К счастью, Рис был пьян, поэтому не услышал испуганных интонаций в голосе своего собеседника.

— В течение нескольких лет он пытался выкупить ее у старшего брата Джеми, и Эдвард продал бы сестру, но вмешался отец Джеми: он оторвался от своих книг на достаточно

продолжительное время, чтобы сказать «нет» и заявить, что он не считает эту партию достойной для своей дочери. — Рис хмыкнул. — Думаю, на него подействовали угрозы Беренгарии броситься вниз с крыши, лишь бы не выходить за Генри Оливера. После смерти отца и Эдварда Оливер предложил Джеми участок, который затопляется каждую весну, несколько полуразвалившихся коттеджей и пару-тройку дряхлых коняг в обмен на руку Беренгарии. — Рис сделал большой глоток. — А однажды он даже пытался похитить ее.

— Похитить? — едва дыша произнес Тод.

— Ну, он накинул ей на голову мешок и унес.

— И что же дальше?

Рис с трудом сдерживал смех.

— Каким-то образом — у Оливера очень слабое зрение — он перепутал сестер. В его руках оказалась Джоби. Ты не знаком с ней, но поверь мне, ни один мужчина не осмелится рассердить эту девчонку. Будь я на месте Генри, то согласился бы обнаружить в мешке сотню диких кошек, чем Джоби.

— Она похожа на Эксию, — заметил Тод. Рис мечтательно улыбнулся.

— Нет, они совсем разные. Эксия терроризирует только одного мужчину. Джоби же превращает жизнь в ад для всех. Кроме Джеми и Беренгарии. Вот послушай, я расскажу тебе, что она обычно вытворяла со своим братом Эдвардом.

Рис принялся рассказывать еще одну историю, но Тод не слушал, думая о своем. Теперь у него достаточно информации, чтобы узнать, где живет этот самый Генри Оливер. Нет сомнения, что он повез Франческу к себе домой. Неудивительно, что Джеми не понял его записку:

«Ты забрал мою женщину, поэтому я забираю твою». Ведь он был уверен, что Беренгария никогда не принадлежала и не будет принадлежать Генри Оливеру. Очевидно, сам Оливер считал иначе.

И вот сейчас, закрывая дверь комнаты Риса, Тод улыбался. Он многое узнал, но что делать с добытыми сведениями? Рассказать Джеми? Но он догадывался, что предпримет Монтгомери: бросится спасать Франческу и оставит Эксию здесь. А в защите как раз нуждается Эксия, и если бы Джеми знал об этом, то защищал бы ее ценою собственной жизни.

Как бы убрать Эксию и Джеми из поместья Тивершема прежде, чем Монтгомери выяснит то, что уже известно Тоду? Как бы вынудить Джеми защищать Эксию и предоставить Тоду самому решать проблему с Франческой?

Глава 18

Джеми в сердцах смял записку. Он никому ее не покажет. С каждой минутой он все сильнее чувствовал себя глупым и беспомощным, потому что не мог понять, что ему следует знать. Кто увез Франческу? Если судить по первой записке, то он должен был бы сразу догадаться.

Джеми уже не спал два дня, его лицо заросло темной щетиной, но он запретил себе отдыхать до тех пор, пока хоть что-нибудь не выяснит. Ведь есть же где-то ключ! Он как раз собирался еще раз допросить того юношу из конюшни, когда принесли еще одну записку, в которой говорилось, что ему следует ехать на запад в дом своего дяди и там ждать следующего

послания.

Но больше всего Джеми беспокоила приписка внизу:

«Лучше смотри за своими женщинами».

Не за «женщиной», а за «женщинами». Может, похититель ошибся? Может, у него дернулась рука, когда он писал? Может, он имел в виду, что опасность угрожает только Франческе?

А еще Джеми тревожило то, что он нашел записку на своей кровати. Это означало, что ее принес кто-то из обитателей поместья Тивершема. Ее доложил тот, чье присутствие в замке не кажется странным, чье лицо всем знакомо.

Джеми понимал, что нельзя терять время на размышления и строить догадки. Надо ехать в дом дяди и там ждать дальнейших инструкций. А Эксию, в сопровождении Тода и Томаса — единственных людей, которым он полностью доверял, — он отправит подальше отсюда, чтобы не сомневаться в ее безопасности.

Через полчаса Джеми ругался на чем свет стоит, потому что оказалось, что обоих свалила дизентерия. Пепельно-серый Томас держался за живот и стонал, не в силах справиться с мучительными приступами рвоты.

Что касается Тода, то он был так слаб, что даже не мог поднять головы.

— Сделайте все, чтобы похититель не увез Эксию, — вцепившись в руку Джеми, проговорил он. — Вы должны защитить ее. Боюсь, здесь ее подстерегает опасность. Ведь тот человек похитил Франческу на глазах у всех обитателей. Он может снова пойти на такой же шаг.

Слова Тода были созвучны мыслям Джеми. Как Эксия сказала ему, окружающие знали, что Франческа является наследницей Мейденхолла. Какой-нибудь злоумышленник может решить, что Эксия тоже имеет отношение к золоту, если путешествует с наследницей.

Из-за усталости Джеми потерял счет времени и не сразу сообразил, что уже полночь, когда ворвался в комнату Эксии. Оглядевшись, он увидел, что Эксия спит одна, без горничной, и, следовательно, лишена самой малой защиты.

Джеми потряс Эксию за плечо, но она еще глубже зарылась в подушку, с головой укрывшись одеялом. Ему пришлось буквально откапывать ее, прежде чем он снова потряс ее за плечо.

— Эксия, — ласково сказал он, — вставай. Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Спать, — пробормотала она, не открывая глаз.

— Нет, не спать. Тебе придется встать. Где горничная, чтобы помочь тебе одеться?

— Джеми поможет мне одеться. Джеми не смог сдержать улыбки и, присев на край кровати, опять потряс ее.

— Мы едем к моему дяде. У него очаровательная жена, ее зовут Мэри, она позаботится о тебе. Зевнув, Эксия начала просыпаться.

— Что ты делаешь в моей комнате? — спросила она. — Почему я всегда обнаруживаю тебя на своей кровати, когда просыпаюсь?

— Я же солдат, забыла? Я там, где опасность. Губы Эксию против ее воли растянулись в улыбке.

— Ты нашел Франческу?

— Нет, но я получил вторую записку. Мне следует немедленно сниматься с места и ехать на запад к моему дяде. Это всего день езды, и ты отправишься со мной.

— Зачем? — изумленно подняв брови, спросила Эксию.

— Тод и Томас заболели, поэтому они не могут позаботиться о тебе. Мне больше не на кого положиться, поэтому ты поедешь со мной.

Джеми не был готов к тому, что Эксию так резко перейдет к действиям. Она откинула на него одеяло, угол которого попал ему в глаз. Он мгновенно поднес руку к лицу и не удивился, когда увидел на пальцах кровь.

Продолжая зажимать глаз, Джеми развернулся и успел перехватить Эксию, прежде чем она выбежала из комнаты.

— Тод! — в панике закричала она, вырываясь изо всех сил. — Я должна быть рядом с ним, раз он болен. Джеми устало вздохнул.

— Эксию, я страшно устал, я беспокоюсь. Не надо еще больше усложнять мне жизнь. А теперь проверь, не ослепила ли ты меня.

Девушка подняла голову и увидела капельку крови в углу его глаза. Это ни в малейшей степени не встревожило ее, однако ее тронуло то, как поникли его плечи, когда он тяжело опустился в кресло. Да, действительно ему нелегко.

— С твоим любимым Тодом все в порядке, — буркнул он. — Всего лишь дизентерия.

Уже полностью проснувшись, Эксию намочила в тазике тряпочку и приложила ее к больному глазу, встав между раздвинутых колен Джеми.

— Есть новости? — тихо спросила она.

— Никаких. Я вынужден ждать.

Заглянув ему в лицо, Эксию поняла, как он устал. От недостатка сна под глазами были темные круги. Интересно, если бы пропала она, стал бы он так же настойчиво искать ее? Ведь он читает ее бедной.

Но она знала ответ: да, стал бы.

Поборов желание обнять его, Эксию отошла в сторону и повернулась к нему спиной.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? Она ненавидела себя за то, что с такой надеждой ждала, когда он заговорит.

— Я не могу оставить тебя здесь. Я хотел отправить тебя с Томасом и Тодом, но они оба заболели. Томас присоединится к нам, как только немного поправится.

— А Тод?

— Он останется здесь. Лэклан позаботится о нем. Эксиа мгновенно повернулась к нему:

— А почему Лэклан с таким же успехом не может позаботиться обо мне?

— Потому что в своей записке похититель намекает, что опасность угрожает не одной женщине. Вполне вероятно, что он имеет в виду тебя.

— Но Лэклан мог бы увезти меня куда-нибудь, — заметила Эксиа, с мольбой глядя на Джеми. — О Джеми, пожалуйста. Разве ты забыл, что он сделал мне предложение?

— Это была шутка! — вспыхнул Джеми. — Ты поставила себя в дурацкое положение на глазах у всех присутствующих, и он решил спасти тебя.

— О? Вот как? Значит, он действительно добрый человек. Он был бы мне хорошим мужем. Если бы ты уговорил его увезти меня куда-нибудь, он бы, возможно, еще раз предложил мне выйти за него замуж. Не в шутку. — Джеми ничего не сказал, лишь нахмурился. Эксиа подошла к нему и встала у него между ног. — Пожалуйста, Джеми! Ты же знаешь, что у меня нет денег. Как и тебе, мне нужно найти выгодную партию, а Лэклан с его очаровательными сыновьями подходит как нельзя лучше. — Она вплотную приблизилась к нему и прошептала: — Пожалуйста!

Джеми слишком устал, чтобы анализировать свои действия, он просто прижал ее к груди и поцеловал. Единственное, что он осознавал, — это то, что они находятся одни в комнате и что у Эксиа под ночной сорочкой ничего нет.

Внезапно он отодвинул ее от себя.

— Ты так стремишься найти себе мужа, что готова выйти за любого?

— Да, — радостно подтвердила Эксиа. — За любого, кроме тебя. С тобой я никогда не забуду, что всегда жила в бедности и что вынудила тебя отказаться от наследницы Мейденхолла.

Джеми вскочил и воздел руки к потолку.

— Тебе известно, что отец Франчески не позволит нам пожениться. Большинство проблем... — Замолчав, он грустно взглянул на нее. — Что толку разговаривать с тобой? Ты не останешься здесь, с Лэкланом, и не будешь строить из себя дурочку. Ты находишься на моем попечении, и я буду следить за тобой, пока не получу других инструкций.

Понятно?

— Понятно. Полагаю, тебя слышала половина обитателей замка.

Джеми поморщился.

— Одевайся. Мы выезжаем на рассвете.

С этими словами он вышел из спальни, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

Эксиа закрыла дверь и, прислонившись к косяку, улыбнулась. Через секунду она закружилась по комнате, тихо напевая какую-то веселенькую песенку.

Глава 19

Джеми был мрачнее тучи. Почему это он вдруг решил взять Эксию с собой? Без сомнения, Лэклан не пощадил бы собственной жизни ради ее безопасности, и Рис тоже, да и Томас, когда выздоровел бы. Ей бы ничего не угрожало. Они оберегали бы ее от похитителей и от отца Франчески.

И все же он не смог оставить ее в поместье Тивершема.

Его желание видеть ее рядом с собой было для него необъяснимо. Возможно, позже он оставит ее в доме дяди, хотя, если признаться, он не был уверен в том, что пойдет на это.

Занималась заря, и заспанные слуги неторопливо бродили по замку. Джеми решил найти Эксию, но ее нигде не было, никто ее не видел, У него от страха сердце на мгновение ушло в пятки, но он заставил себя успокоиться. Наверняка она со своими разлюбезным Тодом, сказал он себе.

Объятый ревностью, он совсем не подумал о том, что у девушки может возникнуть желание попрощаться со своим другом детства. В его мозгу билась единственная мысль: она не должна оставаться наедине ни с каким мужчиной.

— Мне будет одиноко, — говорила Эксию Тоду, лежавшему на пополах.

— С тобой рядом будет твой Джеми.

— Он не мой. Если он и принадлежит кому-то, так только Франческе. Тод рассмеялся.

— Ты сама не веришь в это. Франческе он нужен потому, что доступен для нее, а она ему нужна, чтобы поддержать семью. Ты не должна винить его за это, — негромко добавил он. — Джеми хороший человек, думаю, он любит тебя.

— Меня? Любит? Ты, наверное, действительно очень тяжело болен. Джеймс Монтгомери ждет не дождется, когда избавиться от меня.

— Да? Тогда зачем он берет тебя с собой? Эксию усмехнулась.

— Чтобы увезти подальше от Лэклана.

— Верно. А зачем ему увозить тебя от Лэклана, если ты безразлична ему? Он же понимает, что брак с Тивершемом будет для тебя большой удачей, раз у тебя нет приданого.

— Огромной удачей, — хмыкнула Эксию. — Я умоляла Джеми разрешить мне остаться с Лэкланом и его дорогими сыновьями.

— Ты имеешь в виду этих исчадий ада? Они считают верхом остроумия подкладывать колючки в чужую кровать.

— А еще головастиков и прочую ползучую живность, — добавила Эксию. — Ты даже не представляешь, что они предложили выпить главному управляющему!

— Ну-у, вообще-то я могу представить. Я прилагал все усилия, чтобы спрятаться от них, так как не желаю быть объектом их шуток.

Внезапно Эксию встрепенулась.

— Ты должен поехать с нами, — заявила она. — Ты не кажешься очень уж больным. Думаю,

тебе по силам отправиться в путь. Я скажу...

Эксия уже начала подниматься, когда Тод взял ее за руку и заставил снова сесть.

— Я не болен, — тихо проговорил он. — Я собираюсь поехать вперед и попробовать задержать твоего отца.

— Моего?.. О Тод, он убьет нас всех. Ну почему Франческа так глупа? Ну почему она никогда не думает о последствиях? Если бы она пришла ко мне и сказала, что Джеми хочет получить разрешение у моего отца, я бы что-нибудь организовала.

— И что бы ты сделала? Сама написала бы письмо? Или дала бы разрешение на брак? Тогда к этому моменту Франческа уже была бы замужем за твоим дорогим Джеми.

— Моим! — возмутилась Эксия. — Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу, когда люди заботятся о своей внешности больше, чем о других качествах.

— Джеми не такой, и тебе это известно. Тебе просто доставляет наслаждение мучить его.

Эксия опустила глаза на сложенные на коленях руки.

— Он мне не нужен.

— Он на грани помешательства от любви к тебе. Мне казалось, он расплчется, когда ты отдала ту подушку Рису.

— Правда? Ты полагаешь, я нравлюсь ему? Нет! Не отвечай. Он считает меня досадной помехой и ничем иным.

— О да. Именно поэтому он берет тебя с собой. — Снаружи раздался какой-то шум, и Тод насторожился. — Слушай. Он скоро будет здесь, тебе пора уходить. Эксия, ты знаешь, что я... что я... — прошептал он.

Девушка догадывалась, что он пытается сказать. Они никогда не говорили ничего подобного друг другу. Но тогда в этом не было надобности. Эксия полюбила Тода с того самого мгновения, когда он, худенький мальчик, присланный ее отцом, появился в поместье. Ей потребовались годы, чтобы научить его доверять ей, чтобы погасить в его сердце ненависть, но в конце концов ей это удалось. Они оба обрели веру друг в друга и наполнили свое одинокое существование в золоченой клетке глубоким смыслом. Эксия обняла калеку за шею.

— Я люблю тебя, люблю. Я буду любить тебя всю жизнь. Как же мне тяжело прожить без тебя даже день!

На секунду Тод прижал ее к себе, а затем оттолкнул.

— Уходи, пока я не поставил себя в дурацкое положение. И не мучай Джеми: я не хочу, чтобы его охватывало бешенство при одном взгляде на меня.

Тод улыбнулся, но его глаза оставались серьезными.

Эксия изо всех сил старалась сдержать подступающие слезы и придумать какую-нибудь шутку, чтобы расстаться со своим другом на веселой ноте. Кроме того, ей не хотелось показывать ему, что она боится уезжать без него.

Тод взял ее за подбородок и поднял голову.

— И не беспокойся о Франческе.

Он понимал, что не может успокоить Эксию, сказать, что ее кузине ничего не угрожает, и его охватило чувство вины.

— О Тод, Франческа даже не умеет самостоятельно одеваться. А вдруг она откроет похитителю, что не является наследницей Мейденхолла, и тот вышвырнет ее за дверь? Кто о ней позаботится? Ведь она даже не сообразит, как спастись, если ей представится шанс!

— Вот тут-то ты ошибаешься. Франческа очень хитра, как лиса. Разве не ей пришло в голову воспользоваться отдаленным родством с наследницей Мейденхолла, чтобы наконец-то выбраться из бедности и уехать подальше от отца? Не будь твоя кузина хитра, она сейчас работала бы полумойкой и возилась бы с парой детишек.

Мысль о том, что красавица Франческа выполняет какую-то работу, показалась Эксию настолько абсурдной, что она улыбнулась.

— Ну вот, ты уже повеселела. А теперь иди. Он ждет.

— Ты не позволишь моему отцу причинить тебе вред? — забеспокоилась девушка. — И помни: что бы он ни сделал с тобой, я позабочусь о тебе. Если у меня будет хоть один пенс, половина его принадлежит тебе. Тод поднес ее руку к губам.

— Эксию, если у тебя будет хоть полпенса, ты умудришься превратить его в сотню.

— Тогда тебе принадлежит половина от этой сотни, — улыбнулась Эксию. Вскочив, она побежала к двери и со всего размаху ударилась о твердую грудь Джеми, стоявшего в проеме. — Ты шпионил за мной! — возмутилась она, с вызовом глядя на него.

— У меня есть более интересные занятия, чем шпионить за тобой. Пошли, мы потеряем целый день, если продолжим препираться.

Взяв Эксию за руку, Джеми вывел ее на середину двора, где их ждали две оседланные лошади.

— Что это? — спросила девушка, с удивлением рассматривая очаровательную кобылку, к седлу которой были приторочены кожаные сумки с вещами.

— Лошадь, — не поворачивая головы ответил Джеми. — Ты что, никогда не видела лошадей?

Эксию, утомленная не меньше Джеми, не желала мириться с его плохим настроением.

— Я знаю, что это лошадь, но кто поедет на ней? — Внезапно ее лицо осветилось радостью. — Значит, Тод едет с нами!

— Эксию, у меня нет на это времени. Нам пора отправляться в путь. Садись в седло и поехали. Вполне возможно, что в доме дяди меня уже ждут новости о Франческе. — Заметив краем глаза, что она не шевельнулась, Джеми повернулся к ней. — Ну, что еще не так?

Эксию робко улыбнулась.

— Я ни разу не сидела на лошади. Во всяком случае одна.

— Никогда?.. — повторил Джеми и затряс головой. — Представь, будто ты хочешь продать ее, а покупатель желает узнать, послушна ли она, и тебе предстоит продемонстрировать это ему. — Эксия молча кивнула, шагнула к лошади, затем остановилась и посмотрела на Джеми. — Ну что еще?

— Тод, — тихо проговорила девушка. — Я никогда еще не расставалась с ним. Он... он заботился обо мне. Неужели он не может поехать с нами?

В душе Джеми поднялось незнакомое ему чувство. Конечно, сказал он себе, он устал и напряжен, поэтому у него возникают эмоции, которые не возникли бы при обычных обстоятельствах... Ему расхотелось продолжать нить своих рассуждений, и он, подсадив Эксию в седло, подал ей повод.

— Сидеть на лошади гораздо безопаснее, чем на стуле. Перекинь ногу и следуй за мной.

Он приготовил для нее мужское седло, потому что еще раньше подозревал, что она не имеет опыта верховой езды. При мужской посадке легче держаться в седле и управлять животным.

Выполнив указания Джеми, Эксия посмотрела на него расширившимися от страха глазами, как бы говоря: «Не бросай меня!». К удивлению Джеми, ему понравился этот взгляд. А еще ему нравилось то, что во время путешествия она будет зависеть от него и только от него. Он положил руку на ее ногу, спрятанную под несколькими слоями юбок.

— Я позабочусь о тебе, Эксия. Клянусь! — Заметив в ее глазах сомнение, он усмехнулся и добавил: — Лови момент. Сегодня тебе предстоит ехать верхом.

Секунду поколебавшись, Эксия отважно вскинула голову.

— Если ты можешь ездить верхом, то и я смогу. Ты упаковал мои рисовальные принадлежности?

— Нет, — ответил Джеми, с улыбкой взлетая в седло. — Не будет ни чернил, ни бумаги, ни красок, ни Тода. Только мы с тобой да звезды. — С этими словами он дал лошади шенкеля.

Эксия последовала за ним.

Глава 20

— Я ненавижу эту скотину. Ненавижу. Ненавижу, — цедила Эксия сквозь до боли сжатые зубы.

Но болела у нее не только челюсть. Каждый ее мускул, каждая косточка, каждый нерв буквально молили о пощаде.

— Хватит ныть и слезай, — потребовал Джеми, оглядывая двор гостиницы «Золотой гусь».

Весь день они скакали, не останавливаясь. Этот день показался Эксии самым длинным в ее жизни. Она до крови стерла внутреннюю часть бедер, тело ломило от боли, внутри у нее все дрожало от многочасовой тряски.

— Не может быть, чтобы этих животных создал Господь, — заявила она. — Они — творение дьявола и предназначены для того, чтобы уничтожить человечество.

Кобылка, будто подняв ее слова, уставилась на Эксию недобрым взглядом. Но девушка находилась в таком состоянии, что трудно было тронуть ее сердце. Она бы пренебрежительно

фыркнула, если бы мышцы лица не болели столь сильно.

— Эксия, я устал, — взмолился Джеми. — Я не спал несколько дней и давно ничего не ел. Пожалей меня и слезь с лошади.

— Не могу. Я не могу шевельнуться. Мое тело словно примерзло.

Джеми провел рукой по лицу. Ему никак не удавалось вспомнить, почему он настоял на том, чтобы Эксия поехала с ним.

— Тогда падай на меня, — предложил он, протягивая к ней руки. — Я поймаю тебя.

— Не могу, — прошептала девушка, и Джеми наконец-то понял, что она не шутит и не издевается над ним.

Вполне возможно, что в его душе всколыхнулось бы сострадание, если бы он не был таким уставшим и встревоженным. Приподнявшись на цыпочки, он обхватил Эксию за талию и потянул. Она не двинулась с места, и он, обойдя лошадь и вынув ее ногу из стремени, предпринял еще одну попытку. Но тело Эксии казалось деревянным; она даже не наклонилась.

Джеми, прошедший почти всю свою жизнь верхом, только сейчас сообразил, что его приучали к седлу постепенно. Очевидно, подумал он, двенадцать часов непрерывной скачки — это слишком много для первого раза.

Высвободив повод из рук девушки, Джеми обнаружил, что они действительно холодны как лед, и в нем слабенькими огоньком вспыхнуло сочувствие. Надо отдать ей должное: за весь день она ни разу не пожаловалась. Если не считать того, что во всех подробностях расписывала ему, как ненавидит лошадей. Однако он не обращал особого внимания на ее слова, занятый лишь мыслями о том, как бы поскорее добраться до дома дяди и выяснить, есть ли новости о Франческе.

Освободив другую ногу Эксии, Джеми вновь попытался стащить ее с седла, но безуспешно, так как ее ноги не гнулись.

— Вам помочь? — поинтересовался толстый краснолицый мужчина, видимо хозяин гостиницы.

— Будьте так любезны, — ответил Джеми, глядя на Эксию, которая с полным равнодушием таранилась на вывеску, висевшую над дверью.

Если бы ее щеки не заливала краска смущения, Джеми решил бы, что она обдумывает идею о том, чтобы рисовать вывески общественных зданий.

Хозяин гостиницы с одной стороны, и Джеми — с другой взяли Эксию за ноги и приподняли ее над седлом. Продолжая поддерживать ее за ступню, Джеми обхватил ее за талию и попытался снять с лошади, но понял, что это невозможно, так как ее ноги не сгибались и оставались расставленными на ширину седла.

— Гм... э-э, — обратился он к хозяину гостиницы. Годы, проведенные на полях сражений, не подготовили его к подобной ситуации. — Может, вы просто выведете лошадь из-под нее, — предложил он.

— Да, конечно, — ответил тот, сдерживая смех. В его глазах прыгали чертики.

Отпустив ногу Эксию, хозяин гостиницы взял лошадь за повод и потянул ее за собой. Животное сделало несколько шагов и вышло из-под девушки.

Когда хозяин обернулся и увидел, как Джеми держит на руках Эксию, расставленные ноги которой напоминают рогатину, он понял, что больше не может сдерживать смех, и, прикрыв рукой рот, скрылся в дверях гостиницы.

Джеми не знал, что делать с девушкой: ведь если он поставит ее на землю, она вряд ли удержится на ногах, разведенных почти на три фута.

— А не сесть ли тебе? — неуверенно произнес он.

— У меня все болит, — ответила Эксию. — И ягодицы, и внутренности. Я одна сплошная рана.

— Да, но... — начал было Джеми и вдруг сообразил, что они и так слишком долго стоят посреди двора.

Без лишних разговоров он закинул Эксию на плечо, решив собственными силами вернуть ее ноги в естественное положение. Эта задача оказалась гораздо труднее, чем он предполагал. Добравшись до ее щиколоток, он уже радовался тому, что Эксию маленькая, а его руки длинные, иначе ему бы никогда не выполнить задуманного. Ухватившись за лодыжки, он начал сдвигать ее ноги, словно это были лезвия огромных ржавых ножниц. А то, что Эксию стонала от боли, лишь усложняло дело.

Но все же Джеми преуспел, и в этом ему помогли его сила и настойчивость. Дав Эксию немного передохнуть у себя на плече, он осторожно поставил ее на землю перед собой. Однако, едва он убрал руки, ее ноги подогнулись, и она начала падать.

Джеми поддержал ее.

— Да хватит тебе, чертенок. Лови момент — забыла? Эксию устремила на него тяжелый взгляд.

— Я бы с большим удовольствием отловила эту лошадь и перерезала ей горло. Я бы поймала...

Джеми обнял ее за плечи и повел к гостинице. Девушка едва передвигала ноги, поэтому ему приходилось почти нести ее.

В главном зале гостиницы стояло четыре столика. За тремя сидели посетители, а четвертый, в дальнем углу, был свободен. Джеми направился к нему, обратив внимание на то, что хозяин уже успел положить на жесткую деревянную скамью три подушки.

При виде них у Эксию на глазах выступили слезы. Она прошептала хозяину гостиницы «я люблю вас», и тот зарделся от удовольствия.

Возмущенный ее кокетством, Джеми довольно грубо подтолкнул ее к скамье.

Сев, Эксию положила голову на руки и мгновенно заснула. Проснувшись от витавших вокруг нее аппетитных запахов, она разбудила Джеми, который заснул почти одновременно с ней, растянувшись на скамье.

— Ешь, — сказала девушка, подвигая ему оловянную миску.

Но Джеми покачал головой и в несколько глотков опорожнил кружку с элем.

— Вы путешественники? — поинтересовался хозяин, чьи глаза зажигались огнем каждый раз, когда он смотрел на Эксию. — Вам и даме нужна комната на ночь? — обратился он к Джеми.

— Ода, — с энтузиазмом ответила Эксию. — И что-нибудь мягкое и э-э... плоское. Совсем плоское. Кровать. Хозяин усмехнулся.

— У меня самые плоские кровати во всей Англии. И они не двигаются, пока вы сами их не подвинете, — добавил он и подмигнул Эксию, испытав непередаваемое наслаждение, когда ее щеки окрасил очаровательный румянец.

— Мы берем вашу лучшую комнату, — радостно объявила девушка.

Джеми понял, что он не в силах претворить в жизнь свой план продолжить путешествие после обеда. В том состоянии, в каком он находится сейчас, от него не будет никакой пользы, так как он не сможет защитить ни Франческу, ни кого-либо другого. Он собирался добраться до дома дяди к вечеру, но, заметив, что Эксию тяжело скакать с такой скоростью, поехал медленнее. В результате их ждет еще полдня пути. К тому же после спектакля со снятием Эксию с лошади, было бы жестоко заставлять ее вновь садиться на лошадь.

— Две комнаты, — поправил он Эксию. — Нам понадобятся две комнаты.

— Он храпит, — поспешно объяснила она, почему-то не желая, чтобы кто-либо знал, что они с Джеми не женаты. — С ним нельзя находиться в одной комнате.

Услышав слова девушки, один из сидевших к ним спиной посетителей повернулся и уставился на нее.

— У меня есть только одна свободная комната, — сказал хозяин. — Но вы можете спать в конюшне, — обратился он к Джеми, — лошадей вы не побеспокоите.

Джеми, достаточно проснувшийся для того, чтобы заняться едой, тоже заметил тарасившегося на Эксию незнакомца, но ничем не показал этого.

— Кажется, сегодня ночью, дорогая, тебе придется смириться с моим храпом.

— О? — воскликнула Эксию и посмотрела на хозяина. — Думаю, другого выхода у меня нет. Придется мне смириться.

Качая головой, хозяин направился к кухне. Эксию чрезвычайно заинтересовала его, и он бы с радостью разместил ее в своей комнате, пусть даже она бы и жаловалась на его храп.

Обрадованная тем, что под ней нет этой чертовой коняги, Эксию воспряла духом и обнаружила, что голодна, как зверь. Оторвав большой кусок мягкой говядины, она принялась аппетитно жевать, то и дело поглядывая на Джеми.

— Какие мысли крутятся в твоей очаровательной головке? — осведомился тот, не поднимая глаз.

— Никакие. Ты действительно храпишь? Джеми окинул ее таким взглядом, от которого ей стало жарко.

— До сих пор никто не жаловался.

— Джеми, — наклонилась к нему Эксию, но Джеми продолжал есть.

— Не говори этого, — шепотом предупредил он, и Эксиа со вздохом переключила свое внимание на мясо.

Два часа спустя, оказавшись в комнате, которую им предоставил хозяин гостиницы, Эксиа обнаружила, что Джеми решил спать на полу. Выйдя на несколько минут, чтобы дать ей раздеться, он вернулся и, встав в центре комнаты, принялся снимать одежду и аккуратно вешать ее на спинку стула.

— Эксиа, когда-нибудь тебе предстоит выйти замуж, поэтому я оставляю тебя такой, какой встретил. Я сдам тебя на руки твоему опекуну, который будет защищать тебя точно так же, как я. Я не соблазняю тех, кто находится на моем попечении.

— Кроме Франчески. Ты так и не смог удержаться, чтобы не дотронуться до нее.

— Уверен, тебе прекрасно известно: я ни разу не дотрагивался до нее.

— Но хотел бы, да?

Джеми сел на стул, чтобы снять гамашу.

— Ты ревнуешь?

— Нет, естественно нет. Я никогда не ревновала к Франческе. — Эксиа положила руки на голову. — Просто мне любопытно. Однажды у меня будет муж, и мне хотелось бы знать, чего ждать. — Она опять посмотрела на Джеми. — Это приятно?

Этот вопрос разбудил воспоминания о ночи, проведенной с Джеми, о том, как его руки обнимали ее, как он целовал ее.

«Пожалуйста, узнай меня, — едва не воскликнула она. — Узнай во мне ту, которую любил. Или та ночь ничем не отличалась от тысяч других и ничего не значила для тебя?»

— Не смотри на меня так, Эксиа, — попросил Джеми.

— Как — так? — В голосе девушки слышался отзвук обуревавших ее эмоций.

На секунду Джеми прикрыл глаза, словно собираясь с силами.

— Эксиа, я живой человек, а ты...

— Что — я, Джеми?

— Красива, — ответил он, затем сорвал с кровати одеяло, бросил его на пол и, завернувшись в него, как неоднократно делал во время ночевки под открытым небом, отвернулся от Эксиа.

Несколько минут Эксиа молча смотрела в потолок и улыбалась.

— Красива, — прошептала она.

Ей хотелось, чтобы это мгновение — мгновение мечтаний и наслаждения подаренным комплиментом — длилось вечно. Как же приятно слышать рядом тихое дыхание Джеми! «Он не храпит», — подумала она. Но вряд ли бы она возражала, даже если бы он храпел.

Спустя некоторое время она заснула.

— Пожалуйста, Джеми, — молила Экси́я, глядя на него своими удивительными глазами. — Пожалуйста!

Они завтракали в главном зале гостиницы, их стол был уставлен всевозможными яствами.

— Не смотри на меня так и не произноси мое имя так.

— Не называть тебя Джеми? О, значит, мне следует обращаться к тебе «лорд Джеми»? И это после того, как мы вместе провели ночь?

Ее слова вызвали у Джеми смех, чего она и добивалась.

— Ты прекрасно знаешь, что я даже пальцем не прикоснулся к тебе, несмотря на то что ты, Евина дочка, пыталась соблазнить меня.

— Даже и не думала! — возразила Экси́я. — Я просто задала тебе пару вопросов.

— Гм. Ешь, нам надо ехать.

— Я не намерена вновь садиться на это исчадие ада, — упрямо заявила девушка.

— И все же ты поедешь верхом. Ты увидишь, что это не так мучительно, как тебе... — Джеми замолчал, вспомнив, как сегодня утром помогал Экси́и спускаться вниз: она стонала при каждом шаге. — До дома дяди осталось совсем немного. И тебе очень понравится моя тетка. Она с радостью будет заботиться о тебе.

— Я хочу поехать с тобой.

— Мы возвращаемся к этой теме уже шестой раз за утро. Ты не можешь путешествовать со мной, потому что я не знаю, куда поеду. Единственное, что мне известно, — что записку мне пришлют в дом дяди, и там я узнаю, кто похитил Франческу и какой выкуп он хочет. Я поеду туда, куда он скажет.

— Без меня, — сердито заметила Экси́я.

— Да, без тебя. — Джеми накрыл ее руку своей. — Там тебе будет хорошо. Моя тетка просто прелесть. Она... она развлечет тебя. Ты сможешь рисовать для нее.

— Они чужие. Они чужие мне люди. Ну почему мне нельзя поехать с тобой? Ведь Франческа моя кузина, забыл?

— Экси́я, послушай. Мне придется скакать во весь опор, а ты не умеешь ездить верхом. Да и вообще вся поездка опасна. Кто бы ни удерживал Франческу... — Джеми отвернулся, не желая думать о том, что может произойти. — Там нет для тебя места. Ты будешь только мешать.

Экси́я мрачно водила ножом по столу. Ее обижало то, что ее оставляют с чужими людьми. Одна среди чужих — ее ждет настоящий кошмар! Кроме того, ей до боли не хотелось расставаться с Джеми. Они были знакомы недолго, но сейчас у нее возникло ощущение, будто они знают друг друга целую вечность.

— Ешь! — приказал он, заметив ее пристальный взгляд.

Экси́я собралась было ответить, но ей помешал мужской голос.

— Это вы, — заявил незнакомец, глядя на Джеми. — Мне еще вчера показалось, что это вы, но я сомневался.

— А кто я, осмелюсь спросить, по-вашему? — Человек с фургона. Победитель дракона. У Джеми перехватило дыхание.

— Вы видели фургон? — встрепенулся он. — Когда? Где?

— Он направлялся на юг.

— Этого не может быть, — возразил Джеми. — Мне сказали...

Бросив взгляд на Эксию, он сразу понял, что она о нем думает. Что он лжет. Как говорилось в записке, Джеми должен был ехать на запад к своему дяде и ждать там. Но если фургон направляется на юг, значит, они не догоняют его, а наоборот, удаляются от него.

— Вы видели, кто правил фургоном? — продолжил свои расспросы Джеми.

— Конечно. Крупный мужчина. С ним была женщина, та самая, которая нарисована на стенке фургона. Мы от души посмеялись над тем, что этот мужчина, довольно непривлекательный, был изображен истинным красавцем. Я в жизни не видел более потрясающих рисунков. А вам известно, что их нарисовала та дама из фургона? Она очень подробно рассказала нам, как работала.

— Фургон разрисовала я, — вмешалась Эксиа, поднимаясь. — Франческа не способна...

Джеми сжал ее плечо, и она вынуждена была сесть.

— Мы ищем этих людей, — спокойно объяснил он, — и мы будем очень рады, если вы поможете нам.

— Неужели это вы расписали фургон? — изумился незнакомец, глядя на Эксию. Джеми тяжело вздохнул.

— Она напишет ваш портрет и портреты ваших друзей, если вы расскажете мне все, что знаете. — Заметив, что мужчина не отрывает взгляда от Эксиа, он добавил: — Она изобразит вас рыцарем в полных доспехах.

— Я видел фургон два дня назад, — наконец заговорил незнакомец. — Сейчас он, наверное, далеко.

— А как женщина? С ней все в порядке? Ей ничего не угрожает?

— Она достаточно хорошо себя чувствует, чтобы врать, — буркнула Эксиа.

— Я ничего такого не заметил. Кажется, она всем была довольна. Они устроились на ночлег возле дороги, и мужчина ухаживал за ней так, словно она королева Англии.

— Теперь нет никаких сомнений: это действительно Франческа.

Джеми пнул ее ногой под столом, чтобы она замолчала.

— А как выглядел мужчина? Что вы можете сказать о нем, кроме того что он крупный? Незнакомец пожал плечами.

— Да в нем нет ничего примечательного. Каштановые волосы. Карие глаза. Невзрачный, но и не урод. Не уверен, что узнаю его, если еще раз встречу.

Джеми в ярости ударил кулаком по скамье: у него сведений не больше, чем полчаса назад.

— Да, вот только его ухо, — вмешался в разговор еще один мужчина.

— О да, — согласился первый. — У него половина уха. Верхняя часть срезана.

Джеми ошарашено застыл, затем его губы медленно растянулись, и он расхохотался, закинув голову. Присутствующие изумленно уставились на него.

Наконец ему удалось справиться с собой.

— Генри Оливер, — заявил он с таким видом, будто это имя все объясняло.

Джеми от души поблагодарил незнакомцев, от которых получил столь ценную информацию, а когда те ушли, занялся едой.

Миновало пять минут, прежде чем Эксиа сообразила, что он не намерен что-либо рассказывать ей.

— Ты так и будешь молчать? — возмущенно осведомилась она. Джеми хитро улыбнулся, и она догадалась, что он просто испытывает ее терпение. — Рассказывай! — процедила она.

— Генри Оливер безвреден. Лучше него никто не позаботится о Франческе. Ей ничто не угрожает.

— Но он же похитил ее! Наверняка он преследовал какую-то цель. Должно быть, он потребует выкуп за... — Оглядевшись по сторонам, Эксиа удостоверилась, что их никто не слышит. — ...За наследницу Мейденхолла.

— Деньги Генри не волнуют. Он похитил ее ради любви.

— Он любит Франческу? — с недоверием спросила Эксиа.

— Нет, он любит мою сестру Беренгарию. Еще когда мы были детьми, он пытался добиться того, чтобы ему пообещали ее руку.

— Но ты не разрешил им пожениться?

— Оливер глуп как пробка.

— А-а, тогда вполне вероятно, что Франческа ему понравилась. Родственные души.

— Нет, нет, ты не поняла. Оливер действительно дурачок. Он верит всему, что ему говорят, например, что деньги находят в пещерах в Африке. В детстве мы часто играли в прятки, и он просто закрывал глаза — он так прятался. Оливер считал, что, если он никого не видит, то и его никто не видит.

— Полагаю, он давно вырос из этого, — заметила Эксиа, вспоминая, что в детстве ей тоже часто случалось быть предметом чьих-либо насмешек или издевательств. — Возможно, повзрослев...

Джеми приподнял одну бровь.

— В прошлом году в его каменном амбаре образовалась дыра и туда повадились ходить крысы. Тогда Оливер разрушил амбар, а зерно сжег, чтобы оно не досталось крысам.

— Но почему он просто не заделал дыру? — удивилась Эксия. — А, понятно, — после паузы произнесла она и отхлебнула эля. — Он из тех, кто покупает «драконову ткань».

Джеми засмеялся.

— Как это ни странно, Генри неплохой бизнесмен. К тому же он очень упрям. Ничто не способно остановить его, если он к чему-то стремится. Его невозможно переубедить, бесполезно взывать к его здравому смыслу. Если Оливер решил, что именно он хочет и сколько намерен за это заплатить, ничто его не остановит.

— А сейчас он захотел твою сестру.

— Он всегда ее хотел. Зная его, можно с полной уверенностью утверждать, что он будет хотеть ее до самой смерти и так и умрет с этим желанием.

— Но без твоей сестры.

— Пока я жив, ему ее не видать как своих ушей, — в гневе заявил Джеми.

— А она очень красива, не так ли? По словам горничной, Оливер сказал, что Франческа — вторая красавица, встреченная им за всю его жизнь.

— Да, Беренгария красива, — ответил Джеми. — Генри Оливер позаботится о Франческе и предоставит ей все лучшее. Он не злопамятен. Он никогда не жаловался на моего брата Эдварда и даже не злился на него за то, что тот довольно жестоко издевался над ним. Он считал, что Эдвард уделяет ему столько внимания потому, что любит его.

Эксия поморщилась.

— Я слишком хорошо знаю, что чье-либо усиленное внимание вовсе не является проявлением любви. — Она бросила на Джеми кокетливый взгляд, надеясь вытянуть из него уверения в том, что он любит ее.

Но Джеми лишь подмигнул ей.

Два часа спустя, когда Эксия написала портреты всех постояльцев гостиницы, Джеми объявил:

— Нам пора ехать.

— Куда? — спросила девушка, откладывая свои рисовальные принадлежности, которые, как оказалось, Джеми все же взял с собой в дорогу.

— Наверняка Генри повез Франческу к себе домой. Его поместье недалеко от моего. Я поеду за Франческой, но прежде доставлю тебя к тетке. Пожалуйста, Эксия, не спорь со мной. Я уже принял решение.

— И бесполезно взывать к твоему здравому смыслу, да?

— Вовсе нет.

— Но почему же тогда я не могу поехать с тобой? Особенно после того, как стало известно, что похититель — всего лишь Генри Оливер? Ты же сказал, что он безопасен. О, прошу тебя, Джеми, у тебя не будет со мной проблем.

— Ты создаешь мне проблемы, даже когда спишь. Эكсия, не смотри на меня так. Разве ты не понимаешь, что нам не пристало путешествовать вдвоем? Твой опекун, Мейденхолл, доверил тебя мне. Как, по-твоему, выглядит то, что мы едем чуть ли не через всю Англию вдвоем, только ты и я? А прошлая ночь — то, что мы спали в одной комнате, — вообще ни в какие ворота не лезет.

— Мейденхолл уверен, что ты не дотронешься до меня, — пренебрежительно проговорила Эксия. — Ведь он догадывается, что тебя интересуют только деньги. Джеми понес к губам ее руку.

— Вот тут, дорогая, ты ошибаешься, — тихо произнес он. — Если бы я был свободен и на меня не давила необходимость выгодно жениться, я бы ухаживал только за тобой, и ты бы через два дня запросила пощады. Хозяин! Счет, пожалуйста.

Эксия смотрела на Джеми расширившимися от восторга глазами.

— Ты бы действительно так делал? — прошептала она.

Но Джеми, поглощенный беседой с хозяином, не услышал ее.

Вспомнив, что они уезжают, Эксия задумалась над тем, как переубедить Джеми и заставить его взять ее с собой. «Если я поеду с тобой, тебе не придется тратить время на то, чтобы отвезти меня к тетке» — такое на него не подействует. Слезы и жалобы на то, что ей страшно оставаться с чужими людьми, не тронут его. Если она скажет, что боится гнева Мейденхолла, он лишь моргнет и отвернется. Угроза, что она сбежит от него и ринется в распростертые объятия Лэклана Тивершема, вызовет у него смех. А если она заявит, что свяжет простыни и сбежит через окно из дома его дяди, он просто расхохочется во все горло.

Только когда Джеми подвел Эксию к ждавшим их во дворе гостиницы лошадям, девушка со всей отчетливостью поняла, что ей не избежать пребывания в доме двух скучных и занудливых стариков.

Что веселого в том, чтобы все дни проводить склонившись над пальцами!

Эксия так тяжело вздохнула, что у нее заболели легкие.

— Полагаю, мне бессмысленно надеяться на то, что у твоей тетки есть дети, с которыми можно поиграть.

— Все они уже выросли, — хмыкнул Джеми.

— А внуки?

Подставив сложенные ладони под ее ногу, чтобы помочь ей взобраться в седло, он нетерпеливо ответил:

— Нет никаких внуков. У тети Мэри шесть взрослых сыновей, и все холосты.

— О-о?! — многозначительно протянула Эксия, впервые всерьез задумавшись над тем, что

стоит поехать к тетке Джеми.

Вполне вероятно, что там будет очень весело. Девушка поставила ногу на сложенные руки Джеми, но тот почему-то не поднял ее, чтобы она смогла перекинуть другую ногу через круп лошади.

— Джеми? — удивленно окликнула она его. — Что с тобой? — Джеми не ответил, и Эксия вынуждена была вновь позвать его.

— Ты едешь со мной, — наконец отозвался он и внезапно с такой стремительностью поднял ее вверх, что она едва не перелетела через лошадь.

— Нет, — возразила Эксия, мгновенно уяснив суть дела. — Думаю, ты прав. Мне действительно следует ехать к твоей тетке. — Джеми молча повел ее кобылу со двора гостиницы. — Джеми, нам нужно кое-что обсудить. Ты все время увозишь меня от мужчин, за которых я могла бы выйти замуж. Сначала от доброго Лэклана и очаровательного Риса, а теперь от собственных кузенов. Я в самом деле считаю, что тебе следовало бы отвезти меня к твоей тетке. Там я буду в безопасности. И ты абсолютно прав в том, что нам с тобой, неженатой паре, нельзя путешествовать одним. Только представь, какой у меня появляется шанс: шесть холостых Монтгомери! А ты иди и спасай Франческу. Возможно, Мейденхолл поблагодарит тебя и в награду отдаст ее тебе. Я же тем временем подыщу себе красивого мужа. Да еще Монтгомери! Такое прекрасное старинное имя. Наверное, мы с тобой скоро станем родственниками.

Джеми резко остановил лошадь и повернулся к Эксии.

— Если ты немедленно не закроешь свой прелестный ротик, я продам тебя цыганам. Причем за самую низкую цену.

Он вновь устремил взгляд на дорогу, а Эксия победно улыбнулась и подставила лицо нежным лучам солнца.

Глава 21

Через четыре часа Эксия уже жалела о том, что заставила Джеми отказаться от первоначального плана оставить ее в каком-нибудь тихом и спокойном месте. Ей казалось, что она уже целую вечность не слезает с лошади. Все ее тело болело. Однако она готова была умереть, лишь бы не просить Джеми устроить привал.

«А он действительно мягкосердечен, — с вымученной улыбкой подумала она. — Если очень постараться, можно уговорить его на что угодно».

Но у Эксии не было возможности говорить с Джеми, потому что, во-первых, они скакали во весь опор, а во-вторых, беседа отвлекла бы ее, что закончилось бы плачевно: ведь все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы удержаться в седле.

Их путь проходил через густой лес. Еще у гостиницы Эксия спросила у Джеми, собирается ли он сделать остановку, чтобы перекусить сыром и хлебом, купленными в деревне. Получив отрицательный ответ, она начала было спорить, но он объяснил, что боится разбойников, обитающих в лесу. Поэтому девушка тревожно посматривала на густые заросли, спрашивая себя, что или кто прячется за деревьями. Судя по тону Джеми, он действительно опасается разбойников и не хочет рисковать.

Эксия успела достаточно хорошо изучить характер Джеми и поняла: он само добродушие и не

склонен к жестокости. А тот случай, когда он перекинул ее через колено и отшлепал — она никогда ему этого не простит! — можно считать исключением. Он предпочитает отстаивать свое мнение словами, а не оружием или кулаками. Вот Риса и Томаса можно представить дерущимися, а Джеми — нет.

Именно по этой причине Эксиа твердо решила держать Джеми подальше от своего отца. Встреча с Перкином Мейденхоллом закончится для такого мягкого человека, как Джеми, смертью. Девушка улыбнулась, представив, как отреагировал бы Тод, если бы она поделилась с ним своими мыслями. Наверняка обвинил бы ее в снобизме и принялся бы с жаром доказывать, что не только выходцы из бедных семей способны чего-либо достичь в жизни, что не обязательно дети графов должны влачить полуголодное существование и расставаться с землей, которой до них владели многие поколения семьи.

Все эти размышления лишь усилили страхи Эксиа, и она пришпорила свою кобылу. В следующее мгновение из-за росших вдоль дороги кустов выскочили двое.

— Деньги — или не доживаешь до восхода, — нагло ухмыляясь, заявил один из них, выдернув из рук девушки повод.

Другой, бородатый детина с крохотными глазками, схватил под уздцы лошадь Джеми.

— Ну, добрый господин? — Он внимательно оглядел дорогую одежду Джеми. — Слезай.

— Пожалуйста, не убивайте нас, — негромко попросил Джеми. — Мы отдадим вам все, что у нас есть, если вы отпустите нас.

Эксиа заметила у одного из разбойников пистолет и не на шутку испугалась. Вовсе не такие приключения она имела в виду, когда утверждала, что ей скучно!

Девушка застыла на лошади, словно изваяние, впервые испытав столь сильный страх.

Джеми неторопливо спешил и, подойдя к Эксиа, помог ей спуститься на землю.

— А мне нравится эта лошадка, — воскликнул откуда-то взявшийся третий разбойник. — Беру ее себе.

— Молчи, — прошептал Джеми в самое ухо Эксиа и устремил на нее предостерегающий взгляд.

Эксиа не надо было напоминать об этом, потому что от страха она и так не могла вымолвить ни слова. Что они с Джеми будут делать, если разбойники все у них отберут? А вдруг они решат убить их? Надо что-то придумать, срочно найти выход из создавшегося положения.

— Туда, — скомандовал разбойник с пистолетом, указывая на заросли. — Иди туда, богач, и выворачивай карманы.

— У нас ничего нет, — испуганно произнес Джеми. — Мы просто едем домой. Пожалуйста, не трогайте нас.

Эксиа овладело отвращение, когда она услышала страх в голосе Джеми. Даже если ему страшно, он не должен показывать это разбойникам! Ему следовало бы сразу дать им понять, кто тут главный!

— Да как вы смее задерживать нас! — громко возмутилась она, расправив плечи и вздернув подбородок. — Мы выполняем поручение королевы, и если вы тронете нас, вас схватят и четвертуют.

Эксия с удовлетворением отметила, что и Джем и, и разбойники уставились на нее в полном изумлении. «Теперь-то они уж точно отставят нас в покое», — пронеслась у нее в мозгу победная мысль.

Но ее слова, по всей видимости, оказали обратный эффект. До сих пор разбойники не обращали на нее внимания. Сейчас же самый высокий из них обхватил ее одной рукой за талию, а другой — за шею. Ей в нос ударила отвратительная вонь.

— Поручение королевы, да? Тогда выкуп будет повыше, — объяснил он.

Эксия с ужасом посмотрела на Джем, глаза которого гневно вспыхнули: он страшно рассердился на нее за непослушание.

— Вообще-то мы не знакомы с королевой, — прошептала девушка, но никто не слушал ее.

— Выворачивай карманы, — приказал Джем разбойник с пистолетом. — И поторопись, не то ей несдобровать. — Он ухмыльнулся, глядя на Эксию. — Прежде чем прикончить ее, я вдоволь наслажусь ею.

К своему стыду, Эксия почувствовала, что у нее подгибаются колени. Она всегда предполагала, что в подобной ситуации проявит небывалую отвагу, но эти разбойники оказались такими страшными!

Каковы их намерения? Неужели они убьют их?

— У меня ничего нет, — с дрожью в голосе сказал Джем. — Прошу вас, не трогайте ее. Она невинна и не представляет никакой ценности.

— По-моему, кое-какие части ее тела представляют огромную ценность, — расхохотался разбойник, удерживавший Эксию. Та бессознательно закрыла грудь руками.

— Я спрятал деньги в сапоге, — громко проговорил Джем. — Я засунул все золото в сапог. Мы все отдадим, если вы сохраните нам жизнь.

Разбойник с пистолетом загоготал и посмотрел на Эксию.

— Просто обожаю благородных господ! Роскошные тряпки, толстые кошельки, а кишка тонка!

Сердце Эксии упало, когда она увидела, что Джем медленно наклоняется и тянется к своему сапогу. «Конечно, он правильно делает, что сдается на их милость», — подумала она, но все же, в глубине души, ей хотелось, чтобы он проявил хоть каплю отваги.

Все произошло так быстро, что Эксия ничего не поняла.

Вместо кошелька Джем выхватил из-за голенища тонкий кинжал и метнул его. В Эксию. Она видела, как грозное оружие летит в нее, но с такой скоростью, что невозможно увернуться. Слава Богу, Джем промахнулся, и кинжал просвистел в нескольких дюймах от ее щеки!

В следующее мгновение в руках Джем засверкала сталь. Будучи дворянином, он всегда носил при себе шпагу. Эксии в голову не приходило, что шпага — это оружие, а не просто украшение.

И вот этой самой шпагой Джеми проткнул разбойника с пистолетом.

Расширившимися от изумления глазами Эксиа следила за разбойником, тарачившимся на клинок у себя в животе. В отличие от девушки, ему не было видно острие шпаги, торчавшее у него из спины.

Но это было видно третьему разбойнику, который, бросив затравленный взгляд на товарищей, мгновенно исчез в лесу.

Эксиа попыталась шевельнуться, но не смогла, потому что волосатые ручищи разбойника все еще крепко сжимали ее. «Что он сделает со мной теперь, когда Джеми убил его дружка?» — подумала она, ошеломленно наблюдая за Джеми. Тот выдернул шпагу из тела разбойника, который тут же рухнул на землю, и, стерев с клинка кровь, спрятал ее в ножны.

Эксиа молчала, молчал и схвативший ее разбойник. Неужели он испуган не меньше ее?

Одернув дублет, Джеми приблизился к Эксиа, совершенно не боясь разбойника, стоявшего у той за спиной, и, к ее удивлению, убрал его руку с ее шеи.

Лишь обернувшись, Эксиа все поняла: из шеи негодя торчала рукоятка кинжала. А сам разбойник был мертв.

— Только не падай в обморок, — предупредил ее Джеми, убирая другую руку бандита. — Нам надо поскорее уехать отсюда: у этой троицы могут быть друзья неподалеку. — Эксиа продолжала молча следить за Джеми, который потянул ее к себе. Одеревеневшее от страха тело не повиновалось ей. — Не смотри на меня так, — улыбнулся Джеми. — Их же было всего трое.

Эксиа не знала, что сказать. Даже в самых смелых мечтах она не предполагала, что человек способен на подвиг, который только что совершил Джеми. Он, как сказочный принц, пришел и спас ее.

— Обопрись на меня, — предложил он. — Кажется, твои ноги опять подвели тебя. — Его рассмешило выражение ее лица, и он от души рассмеялся.

Джеми наклонился, и Эксиа обхватила рукой его за шею. Внезапно, поддавшись порыву, она поцеловала его. Она целовала его долго и страстно, словно пытаясь через поцелуй передать свою благодарность и все чувства, владевшие ею.

Наконец Джеми с видимой неохотой отстранил ее от себя и пристально посмотрел ей в глаза.

— Эксиа, — хрипло произнес он и чмокнул ее в нос. — Нам надо ехать.

Видя, что девушка еще не пришла в себя, он подхватил ее на руки и усадил в седло, затем взлетел на свою лошадь, и они с бешеной скоростью поскакали вперед. Эксиа прилагала все усилия, чтобы удержаться в седле.

Они выехали из леса лишь перед закатом и остановились переночевать в гостинице. Всю дорогу Эксиа старалась не вспоминать о встрече с разбойниками, но в ее сознании то и дело возникали неприятные образы. Вот разбойники угрожают им, вот волосатая лапища обхватила ее за талию, вот бандит буравит ее своими глазками. Вот Джеми тянется к сапогу. Ей никогда не забыть, как кинжал со свистом пролетел мимо ее щеки, всего в нескольких дюймах!

Эксии казалось, что ее страх возрастает по мере удаления от места схватки. Живое воображение рисовало одну картину страшнее другой. Уж лучше бы она навсегда оставалась запертой в поместье! Тогда бы она избежала встречи с разбойниками.

Время шло, а лес не кончался. Страхи девушки росли, а голод усиливался. Ей чудилось, будто за каждым деревом кто-то прячется.

Эксия испытала непередаваемое облегчение, когда Джеми остановился во дворе гостиницы и помог ей спешиться.

— Ты очень бледна, — нахмурился он. — Пойдем, я принесу тебе выпить. — Он обнял ее за плечи и повел к крыльцу. — Все позади, Эксия. Больше не думай об этом. Со мной тебе ничего не грозит.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь, и они вошли в теплую ярко освещенную столовую. Им навстречу заторопилась толстая добродушного вида женщина.

— Здравствуйте, — ласково поприветствовала их она и посмотрела на Эксию. — О Боже, госпожа ранена! Идите Сюда, дорогая, присядьте. Я осмотрю вас.

Не понимая, что имеет в виду женщина, Эксия оглядела себя и увидела на плече кровь. Это была кровь разбойника, вытекшая из раны от кинжала, который так мастерски метнул Джеми. И вдруг Эксия со всей отчетливостью осознала, что именно произошло в лесу. Кошмарные образы вновь поплыли перед глазами, заслонив свет.

Девушка начала медленно оседать, и Джеми осторожно поднял ее на руки.

Глава 22

Когда Эксия проснулась, то увидела, что находится в незнакомой комнате, а Джеми сидит на краю ее кровати. Помещение освещала единственная свеча, но светлые полосы между ставнями свидетельствовали о том, что восход близок. Должно быть, она проспала всю ночь, решила девушка, а Джеми все это время не отходил от нее ни на шаг, если судить по его уставшему лицу.

Эксия улыбнулась ему и попыталась сесть, но Джеми легонько толкнул ее, и она упала на подушку.

— Крови нет? — прошептала она.

— Нет, — тихо ответил Джеми. — Я сам смыл ее. Даже с твоих волос.

Он перевел взгляд на разметавшиеся вокруг ее головы каштановые волосы, напоминавшие сверкающее облако. В течение дня Эксия собирала их в пучок и прятала под чепцом, поэтому у него не было возможности любоваться ими.

— Почему ты на меня так смотришь? Ты стесняешься меня? Ты считаешь меня досадной помехой? С тех пор как мы встретились, я вела себя ужасно.

— Да, — подтвердил Джеми, дотрагиваясь до ее волос. — На самом деле ужасно. До встречи с тобой моя жизнь текла спокойно и размеренно, а сейчас она совсем лишена логики.

— Ты дразнишь меня?

Его губы раздвинулись в легкой улыбке.

— Конечно, нет, — ответил он и взял со стола миску с ложкой. — Хозяйка приготовила для тебя суп. Я требую, чтобы ты съела все, до дна. — Он осторожно поднес ложку к ее рту.

Внезапно Эксиа рассмеялась.

— О Джеми, я же в состоянии позаботиться о себе. Девушке не хотелось показывать ему, что ее смущает его внимание. До сих пор никто не считал нужным прислуживать ей. Она гордилась тем, что за всю жизнь не проболела ни дня и никому не пришлось ухаживать за ней. Напротив, именно она всегда ухаживала за немощными.

— Ладно. — Джеми поставил миску на стол. — Ты здорова и полна сил, следовательно, я могу заняться собственным завтраком. Желаю тебе доброго утра.

По его тону Эксиа догадалась, что он обиделся. Отбросив одеяло, она соскочила в кровати, затем прижала руку ко лбу и закачалась.

— О, думаю...

Удивленная тем, что Джеми не бросился ей на помощь, она открыла глаза и увидела, что он ухмыляется.

— Продолжай, — сказал он. — Можешь падать в обморок. Кровать позади тебя.

Эксиа засмеялась.

— Джеми, я голодна, как зверь. Не хочу этот жидкий супчик. Я мечтаю о мясе и парочке цыплят, а еще о здоровенном куске пудинга. И... — Она замолчала на полуслове и тяжело опустилась на кровать, вспомнив о вчерашних событиях. — Ты убил их, — прошептала она.

Джеми сел рядом с ней и обнял за плечи.

— Это был единственный выход. Я вынужден был убить их. Но мне никогда не нравилось убивать. Эксиа внимательно посмотрела ему в глаза.

— Никогда не думала, что ты способен на подобное. Ты же очень добрый.

— Что-что?

— Ты добр ко всем, даже к таким, как Тод и Франческа. Все любят тебя.

Джеми воспринял ее слова с улыбкой.

— Разве ты забыла, что я солдат?

— Нет, не забыла, но я представляла тебя иначе: как ты, разодетый, сидишь на лошади и...

Комнату огласил громкий хохот Джеми.

— Одевайся, а я пойду в кухню и посмотрю, чем можно быстро позавтракать.

Вскочив, Эксиа схватила его за руку.

— Никто никогда обо мне не заботился, — тихо проговорила она. — А ты заботишься. Ты следишь за тем, чтобы мне готовили горячую ванну, чтобы у меня была бумага для рисования. Ты заботишься о Тоде, защищаешь меня от разбойников. — Она приподнялась на цыпочки и обвила его шею руками. — О Джеми, я...

— Эксиа, прошу тебя, молчи, — страдальческим голосом произнес он. — Пожалуйста, я не вынесу. Ты не знаешь, что творится в моем сердце. Мне приходится разрываться между долгом... и любовью. Мне нельзя забывать о своих обязательствах. Прошу тебя, — взмолился он и вдруг решительно отодвинул ее от себя. — Одевайся и спускайся вниз. Я буду ждать тебя там.

После того как он ушел, Эксиа несколько минут стояла неподвижно, затем улыбнулась. Кажется, в последнее время ее голова занята одним только Джеми.

Помечтав немного, девушка огляделась по сторонам и увидела, что Джеми принес для нее одежду: шерстяное платье глубокого красного цвета с черной вышивкой спереди и на манжетах.

Поспешно одевшись, она спустилась вниз и собралась зайти в уборную. Выбежав через заднюю дверь, она налетела на Джеми, упаковывавшего седельные сумки.

— Не можешь прожить ни минуты без меня, а? — поддразнил он ее.

— Вообще-то я направлялась... Хмыкнув, он отступил в сторону.

— На ужин у нас будет куропатка.

— Захвати полдюжины на мою долю, — на бегу крикнула Эксиа и захлопнула дверь уборной.

Выйдя через несколько минут, она обнаружила, что Джеми продолжает укладывать вещи, и приблизилась к лошади. Внезапно что-то выпало из его рук, и девушка наклонилась, чтобы подобрать это.

— Мой чепец! — воскликнула она. — Чепец моей мамы! Где ты его нашел? Я потеряла его в...

Тут она вспомнила, где именно оставила чепец: в палатке Джеми, — и потупилась. В ее душе еще теплилась надежда, что Джеми забыл, откуда у него появилась эта вещь.

Но его взгляд свидетельствовал о том, что он помнит все. К тому же Эксиа не понравилось выражение его лица: на нем отражались неумная ярость и... желание убить ее.

— Не смотри на меня так, — прошептала она, спрятав руку с чепцом за спину и отступив.

— Итак, Эксиа, — произнес Джеми, и теперь девушке не понравился его тон. Казалось, он с трудом удерживается от того, чтобы сотворить с ней нечто ужасное. — Во что ты играешь? Тебе захотелось попробовать, каково это — быть в постели с мужчиной, точно так же, как ты пробуешь новые блюда?

— Я не думала, что это случится, — пролепетала девушка. — Честное слово! Я увидела, каким образом ты перебрался через стену, и подумала...

— Ты не думала. Ты обманула меня и солгала, точно так же, как лгала насчет «драконовой ткани».

— Я не лгала тебе. Я же сказала, что девственна. Джеми продолжал наступать на Эксию, а она испуганно пятилась от него.

— Ты сказала, что тебя зовут Дианой и что твое лицо изуродовано оспинами.

— Я боялась, что ты побьешь меня, когда обнаружишь в своей палатке. Это было единственное, что пришло мне в голову. — Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал уверенно.

— Ты сама не веришь в эту ложь. У тебя было время во всем признаться.

Эксия уперлась спиной в стену конюшни.

— Я не собиралась дурачить тебя. Я... я...

— Ну? Я жду.

Эксия упрямо вздернула подбородок.

— Лови момент, — с вызовом заявила она. — Я оказалась в твоей палатке, мне представился шанс испытать новые ощущения, и я воспользовалась этим шансом. Возможно, завтра я умру или отец запрет меня за высокими стенами, навсегда лишив возможности испытать нечто подобное, поэтому я решилась.

— Ведь твой отец умер, разве ты забыла? По твоим словам, его тело растворилось в извести. Ты так часто обманываешь, что я не могу отделить правду от лжи.

Отвернувшись, Джеми закрыл рукой глаза и замер, задумавшись над тем, что делать.

Эксия видела, как его беспокоила судьба тех, кто был отдан на его попечение, и поняла, что честь для него — все.

— Прости меня, мне очень жаль, — прошептала она и взяла его за руку. — Давай забудем об этом. Я уже забыла. Если бы не чепец, ты бы ни о чем не догадался. Мы можем ехать дальше, и ты женишься на своей наследнице...

Когда Джеми убрал руку от лица, его взгляд был другим. Не промолвив ни слова, он решительным шагом направился к денникам. Девушка едва поспевала за ним.

— Джеми? — позвала она, чувствуя, что он не принял ее предложения забыть обо всем. — Джеми, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь. Скажи, что не ненавидишь меня. Клянусь, это была ошибка.

— Оседлай ту лошадь, — обратился он к конюху, протиравшему заспанные глаза. — И поторопись!

Эксия увидела, что Джеми приказал оседлать ту самую кобылу, на которой она проделала весь путь.

— Ты собираешься отослать меня прочь? — выдохнула она. — Одну? О Джеми...

Она в изнеможении опустилась на ящик, на котором была свалена грязная упряжь.

Несколько мгновений Джеми пристально смотрел на нее.

— Неужели мои действия хоть раз дали тебе повод думать, будто я способен оставить женщину без защиты? — Не посчитав нужным выслушивать ее ответ, он подошел к своей лошади и закинул на круп седло. — Ты готова? — спросил он, подставив под ногу Эксию сложенные ладони.

— Ка-кажется, — покорно пробормотала она.

Ей безумно хотелось знать, куда они направляются, но она боялась заговорить с ним. Лучше подольше оставаться в неведении и не знать, что уготовила ей судьба.

Через полчаса Джеми остановил лошадь перед калиткой, которая вела в очаровательный сад, окружавший белый домик, и велел Эксию ждать его.

— Следуй за мной, — вернувшись, сердито бросил он. Увидев, как из домика вышел священник и направился к большой каменной церкви на вершине холма, Эксию лишилась дара речи. «О, — подумала она, — он заставит меня отмаливать мои многочисленные грехи». Но следующая мысль, пришедшая ей в голову, была совершенно иного характера. «Если я соглашусь, мы пробудем в церкви до завтрашнего утра, и я так и не смогу поесть».

На ступенях церкви Джеми остановился и повернулся к Эксию. Сняв с ее воротника лист и заправив выбившиеся волосы под чепец, он спросил:

— Ты готова?

— Готова к чему? — воскликнула девушка, едва не плача.

— Как к чему — выйти за меня замуж, естественно. Что еще нам остается? — С этими словами он резко повернулся и вошел в церковь.

Но Эксию, вместо того чтобы последовать за ним, съезжилась на скамье возле двери. Спустя несколько минут Джеми сел рядом с ней и взял ее ледяную руку в свою.

— Тебе жутко при мысли, что станешь моей женой, да? Я прекрасно понимаю тебя.

— Не надо шутить, Джеми, — очень тихо проговорила она. — Тебе известно, что я не могу выйти за тебя.

— Эксию, единственное, что может помешать нашей свадьбе — это твоя ненависть ко мне. Но мне кажется, что ты меня не ненавидишь. Я прав?

Девушка подняла на него глаза и подумала о том, что этот человек полностью изменил ее жизнь. Возможно, она полюбила его с первого дня их знакомства. Возможно, она выдала себя за бедную родственницу наследницы Мейденхолла, так как хотела удостовериться, что ему нужна именно она, а не деньги ее отца. Возможно, именно любовь к нему руководила ею во всех ее поступках.

— Да, я не ненавижу тебя, — призналась она.

Джеми улыбнулся ей, и Эксию показалось, что она вот-вот растает от этой улыбки, превратившись в лужу на каменных плитах.

— И я тебя не ненавижу, поэтому пошли. И нам, и викарию хочется позавтракать. Давай не будем терять время, — поторопил он ее, вставая. Но Эксию не шевельнулась, и Джеми

вынужден был снова сесть. — Ты не хочешь выходить за меня? Ты дала согласие половине мужского населения Англии. Наверное, я единственный мужчина в стране, за которого ты не желаешь выходить замуж.

— Ничего подобного, просто... О Джеми, дело в деньгах.

— Понятно, — процедил он. — Я недостаточно богат для тебя. Тогда, конечно, мы не будем венчаться. Как же я самонадеян!

Эксия вскочила и, обняв его, прижалась к нему щекой.

— Дело не в том, что у тебя нет денег. Дело в том, что их нет у меня. Когда мой... мой опекун узнает, что я вышла замуж без его разрешения, он лишит меня наследства. У меня не будет ни пенса.

— Ты не знаешь этого наверняка, — возразил Джеми, прижимая ее к себе. — Если бы ты была его дочерью, я бы мог понять твои опасения. Но ты лишь его подопечная. Сомневаюсь, что он будет столь строго наказывать тебя.

Эксия отстранилась.

— Если бы я была его дочерью, ты бы все равно хотел жениться на мне? — прошептала она.

— Конечно, мне бы хотелось получить его разрешение, но и без разрешения я был бы вынужден жениться на тебе... при любых обстоятельствах. — Ты имеешь в виду?..

— Да, моя будущая жена, ту ночь в палатке. Эксии не стало легче от его слов. Ведь Джеми открыто признал, что женится на ней, потому что она соблазнила его. Окажись на ее месте другая, он бы и на ней женился. Любовь и эмоции не играют никакой роли в этой ситуации. Очевидно, честь значит для него больше, чем деньги.

— Что еще? — осведомился Джеми. — Расскажи, что еще мучает тебя.

— Ты не знаешь Перкина Мейденхолла. Деньги дают власть, и если ему понадобится, он получит самые широкие полномочия. Сначала он аннулирует брак, а потом превратит тебя в нищего только за то, что ты осмелился прикоснуться к его собственности.

— Пусть Мейденхолл богат, но существует закон. Эксия, большую часть жизни ты провела взаперти и общалась только с ним и с тем, кто работает на него. Он богат, но его власть не столь безгранична, как тебе кажется. Он не сможет аннулировать брак без веской причины. Ты не допускаешь, что будешь беременна к тому моменту, когда он обо всем узнает?

— Ребенок?

Ошеломленный взгляд Эксии развеселил Джеми.

— Известно, что такое случается, когда люди женятся. Ну, что еще?

— Он уничтожит тебя и твою семью, он отберет все, что у вас есть.

— У нас нечего отбирать.

— О Джеми! — воскликнула она, схватившись за голову. — Как ты будешь жить?

— Мы, — с нажимом произнес он, — будем жить у моих родственников. Монтгомери очень хорошие люди, может, немного шумные. У них много денег, а замков столько, что они не знают, что с ними делать, поэтому я попрошу выделить мне один или два.

— Ради меня. Ты идешь на это ради меня. Из-за того, что однажды ночью я пробралась в твою палатку, ты вынужден отказаться от своих земель и поместий и на коленях просить милостыню у родственников.

Джеми заставил себя улыбнуться.

— Все не так уж и плохо, — возразил он, хотя оценивал создавшееся положение с той же точки зрения, что и Эксиа. — Мои родственники не зарабатывали кучу денег, чтобы купить эти земли. Они не завоевывали страны и не получали поместья в награду. Они женились на богатых женщинах. Наши мужчины обладают потрясающим талантом находить себе богатых жен.

— За исключением тебя, — заметила Эксиа. — Ты решил жениться на рябой девчонке, с которой кувыркался в палатке.

— Да, — согласился Джеми, погладив ее по щеке. — С той самой ночи ее образ неотрывно преследовал меня. Тебе известно, что я носил этот чепец у сердца? Помнишь то утро, когда ты набросилась на меня? Он уже тогда был со мной.

— Какое утро? — спросила Эксиа. Джеми рассмеялся.

— На следующий день после ночи с Дианой. Проснувшись и не обнаружив ее рядом с собой, я пришел в ярость. От злости я перевернул все вверх дном и нашел чепец. Затем написал письмо домой и оставил для Дианы деньги. А позже, когда смотрел карту, ее чепец уже лежал возле моего сердца. И почему ты в то утро напала на меня?

— Ты сказал, что я не могу ехать с тобой.

— Ах да, верно. Теперь вспомнил. — Он вновь погладил ее по щеке. — Моя жизнь была бы другой, если бы тогда я оставил тебя.

— Да! Да! Если бы тогда ты не взял меня с собой, то сейчас тебе бы не пришлось жениться на мне.

— Эксиа, меня никто не заставляет жениться на тебе. Никто. Видишь? Никто не приставляет мне нож к горлу. Пожалуйста, выслушай меня. Я действительно хочу взять тебя в жены. Неужели ты не понимаешь?

Честно говоря, Эксиа с трудом верилось, что кто-то и в самом деле хочет быть с ней. Всю жизнь ее окружали те, кому платили за то, чтобы находиться рядом с ней. Джеми женится на ней, потому что она отдала ему свою девственность, потому что он считает это своим долгом. Честь так важна для него, что он согласен отказаться от надежды жениться на богатой наследнице. Да и она сама перестанет быть наследницей, едва отец узнает о ее поступке. А вдруг Джеми возненавидит ее, когда обнаружит, что в действительности именно она была наследницей и из-за собственной взбалмошности лишила его возможности исправить материальное положение семьи?

Взяв Эксию за подбородок, Джеми заставил ее поднять глаза.

— А как же твой девиз «Лови момент»?

— Из-за него-то я и попала в эту историю, — с отвращением ответила она.

Джеми от души расхохотался.

— Правильно, но я рад этому. Следовательно, давай продолжать жить одним днем. Сейчас мы поженимся, и если твой опекун найдет какой-нибудь способ аннулировать наш брак, так тому и быть. — «Моя смерть — вот единственный способ аннулировать его», — подумал он, но не сказал этого вслух, видя, что Эксиа чем-то напугана. — А пока мы будем наслаждаться друг другом. А может я ошибаюсь, и тебе не понравилось ласкать меня? — понизив голос, добавил он.

— О Джеми, — выдохнула Эксиа, — вовсе нет. Очень понравилось. Мне доставило удовольствие дотрагиваться до тебя, целовать тебя. Ты очень красив обнаженный, и мне понравилось...

Он поцелует заставил ее замолчать.

— Мне и так будет нелегко дождаться конца церемонии, а ты делаешь пытку еще мучительнее. Послушай, если мы сейчас поженимся, то ночь проведем в одной кровати. А если нет, то ты будешь спать на полу.

Эксиа смотрела на Джеми, разрываясь между здравым смыслом и эмоциями. Ей не следует выходить за него. И она знает это. Она ни секунды не сомневается в том, что отец аннулирует их брак, даже если в ее чреве будет жить ребенок Джеми. Для Перкина Мейденхолла закон он сам. Но вряд ли он причинит вред Джеми и его семье, если она покорится ему и выполнит все, что он потребует, то есть выйдет замуж за того, кто за нее заплатил. Значит, в ее распоряжении есть несколько дней, а может, недель, пока отец все не обнаружит, и все это время она будет женой Джеми.

«Его женой!» — восторженно подумала девушка, и ее тело охватил сладостный трепет. Она набрала в грудь побольше воздуха:

— Я терпеть не могу спать на полу. Джеми усмехнулся.

— Тогда пошли, викарий ждет.

Встав, он сильно сжал ее руку, и они направились к церкви.

Глава 23

Джеми с улыбкой наблюдал, как Эксиа стремительно перемещается по комнате, раскладывая по местам его одежду и возвращая некое подобие порядка их обители. «Она считает, — думал он, — что должна покупать доступ к сердцам людей, где бы ни оказывалась. Но не деньгами, а делами, добротой и поддержкой. Ей кажется, что никто не полюбит ее просто так. Создается впечатление, будто она стремится хоть чем-то компенсировать свои недостатки».

Но сейчас, глядя на нее, он все больше и больше убеждался, что у нее нет недостатков.

— Иди сюда, — хрипло проговорил он, не выдержав зрелища покачивающихся при каждом движении бедер Эксиа и обтянутой платьем груди.

— Но как же так, Джеми, мне нужно почистить твою одежду. А еще мне нужно...

— Иди сюда. Немедленно.

После скромной церемонии в церкви они вернулись в гостиницу, чтобы собрать вещи и взять с собой жареного цыпленка, которого Джеми разорвал пополам, чтобы они могли есть его на ходу. Уже вечером, когда солнце село, они остановились в другой гостинице. Сразу по приезде Эксия направилась на кухню, чтобы проследить, как готовится их ужин. Джеми не удивился, когда хозяин вывел ее из кухни. Девушка упиралась и продолжала засыпать его советами о том, как лучше управлять хозяйством.

— Держите ее при себе, — процедил сквозь зубы владелец гостиницы, не приняв к сведению ни один совет Эксии.

— С удовольствием, — ответил Джеми и усадил жену на скамью рядом с собой.

— Из-за неумелого управления он теряет много денег, — пробормотала Эксия, и Джеми, рассмеявшись, чмокнул ее в лоб.

Ему очень нравилось то, что она заботится о нем так же, как прежде заботилась о других.

И вот сейчас они находились одни в своей спальне. Джеми откинул одеяла на кровати и протянул Эксии руку. Очаровательно зардевшись при мысли о том, что сейчас они впервые будут близки как муж и жена, девушка смущенно отвернулась. Прошло несколько минут, прежде чем она, поколебавшись, посмотрела на протянутую ей руку.

— Иди сюда, чертенок, — глухим голосом позвал ее Джеми. — Неужели ты боишься меня? Ты же не боялась, когда нападала на меня... Я остался таким же, совсем не изменился.

Эксия бросилась в объятия мужа.

— О Джеми, мне действительно страшно. Я не знаю, что это такое — быть женой. Даже временно. Ты познал множество женщин, и все они были влюблены в тебя. Боже, как я могу соперничать с француженками и придворными дамами? Я всего лишь дочь торговца. Это будет нелегкой задачей.

Пока Эксия говорила, Джеми раздевал ее, действуя довольно умело, и по мере того как обнажалось стройное тело, его поцелуи становились все пламеннее и настойчивее.

Внезапно Эксия замолчала, а затем воскликнула:

— Как мне приятно, Джеми! Ты замечательно целуешься. Ты много практиковался?

Джеми улыбнулся: все любовницы задавали ему этот же вопрос, всегда желая услышать в ответ, что они особенные или, по крайней мере, хоть чем-то отличаются от своих предшественниц.

— Совсем не практиковался, — заявил он. — У меня нет опыта, поэтому, если я сделаю ошибку, тебе придется поправить меня.

— Врунишка, — восторженно проговорила Эксия и закрыла глаза, когда его губы коснулись ее шеи.

— Я научился лгать от собственной жены. Эксия засмеялась, и Джеми, опрокинув ее на спину, сорвал с нее последние одежды.

Девушка забыла обо всем на свете, когда Джеми принялся ласкать ее тело.

— Покажи мне, как доставить тебе удовольствие, — прошептала она.

— Одно твое присутствие доставляет мне удовольствие, но ты даже не догадываешься об этом, — ответил он, снова коснувшись губами ее шеи.

Он знал: она считает, будто ему все известно об искусстве любви, но на самом деле он никогда не проводил с женщиной больше одной ночи, потому что опасался сложностей и прочих неприятностей, которые неизбежно влекут за собой частые свидания. Кроме того, ни одна женщина не вызвала в нем столь бурных эмоций. Поэтому он не покривил душой, сказав Эксию, что у него нет опыта. Мужчины бы посмеялись над ним, но Беренгария нередко называла его романтиком. Вполне возможно, что он хранил себя для женщины, которую полюбит по-настоящему.

У него никогда не было времени, думал Джеми, насладиться женщиной так, как он сейчас наслаждался прелестной Эксией. Ему до безумия хотелось познать ее тело. Мысль о том, что до него никто не касался ее, наполняла его душу восторгом. Он радовался тому, что она выросла в изоляции, что ей не довелось встречаться с мужчинами. Он с удивлением открыл в себе собственника, и эмоции, которые он испытывал при этом, действительно были новыми для него.

Джеми овладел Эксией, но действовал слишком быстро, потому что слишком сильно желал ее. Во второй раз он не спеша вел ее к кульминации, заставляя выгибаться дугой. Он намеренно продлевал ее муку, разжигая страсть и получая удовольствие от этого. Когда же она принялась в пылу покусывать его шею, он перевернулся на спину и посадил ее на себя.

— О Джеми, какой ты изобретательный, — пробормотала она и, повинувшись инстинкту, принялась двигаться вверх и вниз.

Джеми помогал ей руками, и вскоре ее темп убыстрился. Наконец он резко вошел в нее, и их тела забились в судорогах. Эксию в изнеможении упала на спину. Спустя некоторое время она легла рядом с ним и, приподнявшись на локте, заглянула ему в глаза.

— Мне ужасно понравилось, Джеми. И я рада, что ты не заснул.

Рассмеявшись, он поцеловал ее.

— Посмотрим, кого из нас первым сморит сон, — сказал он и погладил ее живот.

Зевая, Эксию пыталась взобраться на лошадь, но после бессонной ночи никак не могла сосредоточить свой взгляд на стремях. Увидев, что и третья попытка не привела к желаемому результату, Джеми вставил ее ногу в стремя и подсадил. Она все еще зевала, когда он сунул ей в руки повод.

Джеми не мог сдерживать улыбки. Будучи солдатом, он привык бодрствовать по несколько дней, в отличие от Эксию, всегда спавшей по ночам. Поэтому две последние ночи, во время которых он не давал ей глаз сомкнуть, выбили ее из колеи.

Эти ночи доставили ему непередаваемое наслаждение. Несмотря на то что Эксию уставала за день и однажды даже заснула за ужином, она была полна сил, едва они закрывали дверь своей комнаты и оставались одни. Их одежда мгновенно разлеталась по всей спальне, и они

бросались в объятия друг друга.

К своей радости, Джеми открыл, что Эксию с энтузиазмом встречает все то, что он изобретает в постели. Гибкая, как ива, она с легкостью принимала любые позы: изгибалась и обвивалась вокруг него, точно змея.

Уже ближе к рассвету они засыпали, но вскоре солнце и шум на дворе будили их, и они с неохотой отрывались друг от друга, одевались и спускались вниз завтракать.

Наутро после первой ночи Джеми, проснувшись, обнаружил, что кровать рядом с ним пуста, и запаниковал. Лишь увидев Эксию, спавшую в единственном кресле, он успокоился. Возле нее потрескивала почти полностью сгоревшая свеча, а по всему полу были разбросаны рисунки. Заинтересовавшись, Джеми осторожно выбрался из постели и, собрав листки, подошел к окну. На всех рисунках был изображен он, но Эксию сильно приукрасила его, решил Джеми. Вот он, сидя верхом, пытается усмирить лошадь, которая испуганно пятится. Вот он сражается с разбойниками: наклоняется, чтобы достать из-за голенища сапога кинжал; бросает кинжал, и тот летит в разбойника; протыкает шпагой второго разбойника; несет на руках потерявшую сознание Эксию; защищает своим телом девушку.

Сначала рисунки вызвали у Джеми снисходительную улыбку, но затем он почувствовал себя сильнее, мудрее и отважнее. Он бережно сложил листки и отнес Эксию на кровать. Устроившись рядом с ней, он быстро погрузился в сон. Последней его мыслью было то, что она права в одном: он действительно готов отдать свою жизнь за нее.

И вот сейчас Джеми ехал и думал о том, что их так называемый «медовый месяц» подошел к концу. Сегодня они доберутся до его поместья и окажутся среди родственников. Несмотря на то что он любил свою семью и понимал, что грешно ревновать, ему не хотелось ни с кем делить Эксию.

Оглянувшись, он увидел, что у Эксию слипаются глаза и она едва держится в седле, и улыбнулся. В последнее время между его женой и ее лошадью установилось своего рода перемирие. Верная своей привычке заботиться обо всех, кто находится на ее попечении, Эксию всегда спрашивала у Джеми, не забыл ли он накормить и напоить кобылу, однако не испытывала при этом большой любви к животному. Следует признать, что из девушки не получится умелой всадницы. При малейшем толчке она бросала повод и судорожно вцеплялась в лук седла. Стоило немного ускорить шаг, как она обхватывала руками шею лошади и зажмуривалась.

Наклонившись, Джеми подобрал повод, выпавший из рук заснувшей Эксию. Они ехали мимо луга, покрытого ковром маргариток. Джеми знал, что эта земля принадлежит его кузенам. Узкая тропинка пролегла через поле и вела на холм к просеке, на которой предки Монгомери построили каменный домик. Сейчас он стоял без крыши, одна стена обвалилась, но все же он сохранил очарование, еще в детстве подмеченное Беренгарией. Джеми не мог представить лучшего места для своей молодой жены.

Эксию не проснулась, когда он свернул на тропинку и повел ее кобылу через поле. Она не проснулась и тогда, когда он остановил лошадей, снял ее с седла и отнес в тень развалин.

За годы сражений Джеми научился спать и под дождем, и под грохот пушек, поэтому сейчас свернувшаяся клубочком Эксию и холодный камень стены у него за спиной не были для него помехой, и он мгновенно заснул.

Он проснулся перед закатом и, заметив, что сильно похолодало, крепче прижал Эксию к себе.

— Все еще считаешь, будто я пыталась убить Франческу, вызвав у нее приступ удушья от маргариток? — вдруг спросила Эксиа, заметив, что взгляд Джеми устремлен на поле маргариток.

— А я решил, что ты спишь.

— И да, и нет. Джеми, последние несколько дней были самыми счастливыми в моей жизни. Ты был так добр ко мне. Как ты думаешь, я понравлюсь твоей семье?

— Они полюбят тебя, — уверенно ответил Джеми.

— Они не расстроятся из-за денег? Из-за того, что я не наследница?

«Вернее, больше не являюсь наследницей», — мысленно поправила она себя и тут же запретила себе вспоминать об этом.

— Они полюбят тебя такой, какая ты есть, — улыбнулся Джеми.

Голова Эксиа лежала на плече мужа, и девушка мечтала о том, чтобы эта минута длилась вечно. Но Джеми разрушил ее мечты.

— Что ты скрываешь от меня? — тихим голосом поинтересовался он.

— Ни-ничего, — запинаясь ответила она, застигнутая врасплох его вопросом, и едва не расплакалась, почувствовав, как он напрягся.

— Есть нечто, что известно тебе, Франческе и Тоду, но не известно мне. Я кожей ощущаю это. Я видел, как вы трое переглядывались, и слышал, как Франческа угрожала тебе.

— Угрожала мне? Что ты имеешь в виду? — Джеми рассердился и попытался столкнуть Эксию с колен, но она крепко вцепилась в него. — Пожалуйста, не злись на меня. Умоляю тебя, Джеми! Я люблю тебя. Я безумно люблю тебя. Я призналась тебе в этом, еще когда выдавала себя за Диану.

И все же ему удалось столкнуть ее на землю.

— Всегда, с первой минуты, — проговорил он, отвернувшись, — ты лгала мне. В ту ночь, в палатке, я не знал, что это ты, но сразу понял, что ты особенная, не такая, как все те, кого я встречал. Возможно, я бы обо всем догадался, если бы немного поразмыслил, потому что и ты, и Диана...

— Мы — что? — встрепелась Эксиа.

— Близки мне, — ответил Джеми. — Мне трудно описать свои ощущения. С первого мгновения я почувствовал, что между тобой и мной существует некая близость, как будто ты всегда принадлежала мне. Я отвечаю на твой вопрос: нет, я не считаю, что ты пыталась убить Франческу. И тогда я так не считал. Да, да, я говорил обратное, но в тот момент мне казалось, что меня предали. — Повернувшись, он взял ее за руки и посмотрел ей в глаза. — Я не могу объяснить, что почувствовал к тебе в ту минуту, когда мы встретились, — продолжил он. — Перебравшись через стену, я довольно долго прятался в кустах и следил за тобой. Твое умение рисовать потрясло меня. Как замороженный, я более часа наблюдал за тем, как на холсте появляется лицо. Все твои движения были быстрыми, точными и уверенными. — Признание Джеми в том, что он так долго наблюдал за ней, ошеломило Эксию. — Не знаю, какие эмоции

возникли в моей душе в тот момент, но я почувствовал, что встретил женщину, с которой хочу прожить жизнь. — Он погладил ее по щеке. — Не просто жениться или полюбить, а идти рука об руку по жизни. Я почувствовал, что эта женщина поймет меня, когда я расскажу ей о моих отце и брате, о моей матери, о Беренгари, даже о Джоби, что с этой женщиной можно говорить обо всем на свете. Ни к кому никогда я не чувствовал ничего подобного. Даже к мужчинам. Я никогда не предполагал, что смогу... — Он пристально посмотрел на нее. — Я никогда не предполагал, что смогу кому-то полностью доверять. Я верю Рису, Томасу и своим сестрам, но никогда не открываю им всю правду, лишь то, что считаю нужным. Но, наблюдая за тобой, я понял: в тебе есть нечто, что позволяет доверять тебе.

— Ты действительно можешь доверять мне, Джеми, — прошептала Эксия. — Даже под страхом смерти я не пойду на предательство.

— Предательство. Вот что я почувствовал, когда обнаружил твой обман с маргаритками.

— Я не догадывалась... — начала оправдываться Эксия, но Джеми прервал ее:

— Мне известно, что ты не догадывалась. Мне известно, что ты никогда никого не пыталась убить. И все же я почувствовал себя так, будто ты предала меня. Я так беспокоился о тебе, а ты... — Джеми отдернул руки и опять отвернулся. — То же самое я чувствую сейчас. — Он вновь посмотрел на девушку. — Эксия, ты предала меня.

— Я ни разу не прикоснулась к другому мужчине! Ты единственный!

— Не делай вид, будто не поняла меня! — взорвался он. — Что ты скрываешь от меня?

— Я...

Эксии хотелось открыть ему правду, но она боялась, что лишится и тех нескольких дней, что есть в их распоряжении, если сделает это. Он рассердится на нее — ведь то, что она утаила от него, играет огромную роль в их жизни. Если она скажет, что является (или являлась) наследницей Мейденхолла, он, без сомнения, закинет ее на эту ненавистную кобылу, и они бросятся на поиски ее отца. Простит ли отец Джеми за то, что тот, сам того не ведая, без разрешения женился на его дочери?

— Как я вижу, ты не намерена посвящать меня в свою тайну.

— Да ничего особенного я не скрываю, Джеми. Так, детские тайны, не имеющие значения для... — Эксия замолчала на полуслове, потому что Джеми внезапно вскочил и направился к своей лошади. Девушка догнала его и схватила за руку. — Неужели ты не можешь принять меня такой, какая я есть?

— Ты имеешь в виду смириться с тем, что ты лгунья?

— Нет, конечно, нет. Я имею в виду... — Она запнулась, увидев его взбешенный взгляд, затем гордо вскинула голову. — Я такая, какая есть, не хуже и не лучше. Я никогда не желала зла ни тебе, ни кому-либо другому. И я прошу тебя принимать меня именно такой.

— А я прошу тебя доверять мне. — В глазах Джеми читалась мольба. — Эксия, пожалуйста, скажи, что стоит между нами. Я постоянно чувствую это. Ты живешь так, будто каждый день — последний для тебя. Почему? Что ждет тебя впереди? Ты тяжело больна? Тебе суждено скоро умереть? Я не могу поверить в это, потому что успел хорошо узнать твое тело и вижу, что нет никаких признаков недуга. Ты все время говоришь о нашем браке как о чем-то временном, но

мне трудно понять, с какой стати твой опекун будет возражать против брака между дочерью бедного торговца и графом. — Он сильно сжал ее плечи. — Эксиа, пожалуйста, открой, что преследует тебя. Что вызывает у тебя такой сильный страх?

— Не могу, — ответила Эксиа. — Прошу, не надо. Я не могу. Мне нужен только сегодняшний день, ничего больше. Он все равно скоро закончится, так не приближай конец. Умоляю тебя.

Отпустив Эксию, Джеми провел рукой по глазам.

— Ладно, будь по-твоему. Не рассказывай мне, не доверяй мне.

— Но я действительно верю тебе, — возразила Эксиа, попытавшись взять его за руку, но он отстранился.

— Садись на лошадь. Мой дом уже близко.

Голос Джеми прозвучал так холодно, что девушка едва не расплакалась. Она молча повернулась и забралась в седло, впервые без помощи мужа.

Глава 24

Всю дорогу Эксиа, ни на минуту не забывая о том, что их с Джеми уединение близится к концу, спорила сама с собой, пытаясь решить, следует ли рассказывать ему правду. Возможно, он простит ее, возможно...

Ранним вечером они устроили привал возле обочины. По тому, как Джеми посмотрел на нее, когда передавал ей хлеб и сыр, Эксиа поняла, что он все еще сердится на нее.

— Ты не рассказал мне о фургонах Мейденхолла, — проговорила она, лишь бы нарушить тягостное молчание, и тут же отругала себя за то, что упомянула имя своего отца.

К ее радости, Джеми улыбнулся.

— Если бы ты видела Смита: из него получилась такая уродина, какой я в жизни не видел.

— Да, жаль, конечно. — Эксиа взглянула на мужа из-под полуопущенных ресниц. — Особенно если учесть, что наследница очень красива.

Но Джеми, казалось, не услышал ее.

— У Смита руки длинные, как у обезьяны, под его носом можно укрыться от дождя, и все же он показал мне шкатулку, полную писем, в которых поклонники объясняют ему в любви и предлагают руку и сердце. Как он рассказывает, с ним произошли совершенно невероятные истории.

Эксиа поперхнулась куском хлеба. Если бы Джеми не настоял на том, чтобы они путешествовали под другими именами, то, о чем он говорит, случилось бы с ней! Ей совсем не хотелось знать, с чем столкнулся Смит, выдававший себя за наследницу, и все же она, словно ребенок, который подглядывает в щелочку за цирковым представлением, потому что не может преодолеть свое любопытство, спросила:

— И-и что же произошло?

— Его завалили письмами, в которых предлагают пожениться, просят денег, молят об

одолжении. Одна женщина вбила себе в голову, что наследница способна излечивать недуги легким прикосновением рук, и она три дня с ребенком следовала за караваном.

— А что сделал Смит? — прошептала Эксия, заметив, что Джеми нахмурился.

— Смит сдался и целых полчаса держал ребенка на руках, но позже... — Замолчав, Джеми посмотрел на девушку и поспешно отвел глаза. — Позже ребенок умер, и женщина прокляла Смита. Она заявила, что малышка убила скупость Смита, что наследница Мейденхолла имеет слишком много, но не желает ни с чем расставаться, даже ради жизни ребенка.

— Какая бессмыслица! То, что у нее есть деньги, совсем не означает, что она обладает сверхъестественной силой.

— Вот именно. — Вновь подняв на нее глаза, Джеми улыбнулся. — Поэтому я рад, что не женился на наследнице Мейденхолла.

— Рад?

— Я знаю, ты не можешь забыть о том, что я стремился жениться на наследнице, но эта идея принадлежит моим сестрам. Я не желаю, чтобы до конца жизни меня называли «мужчиной, женившимся на наследнице Мейденхолла». Подобный брак возлагает на меня слишком большую ответственность и влечет за собой массу пересудов. — Его улыбка стала шире. — Естественно, мне было приятнее жениться на тебе, а не на наследнице.

Эксия взволнованно сглотнула.

— Ты будешь думать по-другому, если получишь от Мейденхолла разрешение жениться на его дочери. Ты будешь сожалеть о том, что женился на мне.

К облегчению девушки, Джеми закинул голову и расхохотался, затем вытащил из седельной сумки сложенный листок бумаги.

— Я так и не отправил письмо. Эксия на мгновение лишилась дара речи.

— Письмо к Перкину Мейденхоллу? Не отправил? Но Франческа сказала...

Джеми чмокнул ее в щеку.

— Франческа не слишком сообразительна, верно? Когда она принялась настаивать на том, чтобы я отправил письмо Мейденхоллу через нее, у меня возникли подозрения, и я сказал ей, будто уже отослал его, чтобы посмотреть на ее реакцию. Произошло именно то, чего я опасался: она ужаснулась. Сомневаюсь, что она действительно когда-либо собиралась выйти за меня замуж. Думаю, она говорила о браке лишь для того, чтобы заставить тебя ревновать. А каково твое мнение?

Эксия бросилась Джеми на шею.

— Мне абсолютно безразлично, чего добивалась Франческа. О Джеми, ты хоть понимаешь, что это значит? Это значит, что у нас еще есть время. Время! Его нельзя купить. О Джеми, как же я люблю тебя!

Джеми так и не понял, почему неотосланное письмо вызвало у его жены такую бурю восторга, но обрадовался тому, что она счастлива. Помня о том, что Эксия отказалась открыть ему свой

секрет, и зная, что только время научит ее доверять ему, он спрятал свою обиду в отдаленные уголки. своей души.

В следующую секунду Джеми позабыл обо всех проблемах и самозабвенно отдался охватившему его желанию. Словно вор, охотящийся за драгоценностями дамы — а может, так оно и было? — он потащил Эксию в росшие недалеко от дороги кусты.

Его удивляло то, что его страсть к жене усиливается с каждым днем, а сейчас ему даже казалось, что он умрет, если не овладеет ею. И она, по всей видимости, чувствовала то же самое.

Они поспешно скинули одежды и прижались друг к другу в отчаянном стремлении слиться воедино. Их руки сплелись, пылающие губы сомкнулись в поцелуе.

Наконец их страсть была утолена, и Джеми в изнеможении упал на Эксию, которая принялась нежно перебирать его волосы. Её переполняла любовь, она с особой остротой ощущала свое счастье. Ее душу грела мысль о том, что, раз отец не получил письмо, значит, он не послал за ней своих людей, и, следовательно, никто не увезет ее от Джеми.

— Что бы ни случилось, любимый, помни: я люблю тебя, — прошептала она. — Я люблю тебя всем сердцем. Даже если...

— Если что? — спросил Джеми, приподнимаясь и заглядывая ей в глаза.

Эксия заставила себя улыбнуться и попыталась превратить все в шутку:

— Даже если мне придется выйти за другого. Но Джеми не принял шутки.

— Ты принадлежишь только мне. Я много трудился, чтобы заполучить тебя. Ты моя.

— Да, я твоя, что бы ни случилось.

Джеми ждал, надеясь, что она скажет больше, но тщетно. Взбешенный ее молчанием и недоверием, он вскочил и заявил, что пора трогаться в путь.

Эксии хотелось, чтобы он хотя бы на время забыл о ее тайнах, потому что все и так скоро откроется.

— Расскажи мне о своей семье, — попросила она, когда он подсадил ее в седло. — Как мне известно, вы с сестрой близнецы, значит, она так же некрасива, как ты?

Джеми усмехнулся.

— Даже не знаю, как это получилось, но Беренгария действительно красавица. Даже несмотря на то что она сле...

Замолчав на полуслове, он взялся за луку седла, собираясь сесть на лошадь, но внезапно повернулся к Эксии. Вспомнив о ее любви к Тоду, он понял, что она совершенно спокойно воспримет его близких. И к Беренгарии, и к Джоби, и к матери, витающей в иных измерениях, она будет относиться как к обычным людям. Он улыбнулся, и в его взгляде засветилась любовь.

— Как ты думаешь, я понравлюсь им? — опять спросила Эксия. — Их не разочарует то, что я дочь бедного торговца?

— Нет, конечно нет, — с полной уверенностью ответил Джеми. — Я отправил к ним посыльного, и сейчас они готовят тебе радушный прием. Вот увидишь. Не пройдет и двух дней, как они всей душой полюбят тебя.

Но Эксиа не чувствовала такой же уверенности. Она уже успела понять, что Джеми романтичен в той же степени, в какой она сама практична. Будь она на месте его сестер, вряд ли ей пришлось бы по вкусу то, что он упустил возможность жениться на богатой наследнице и привез в дом дочку какого-то купчишки. Хотя остается надежда, что они тоже не чужды романтики и верят в любовь.

Эксиа не была готова к тому, что предстало ее взору. Замок Джеми был древним, вполне возможно, он является своего рода олицетворением истории, но строение выглядело бы лучше, если бы у него была крыша. Истинная дочь своего отца, она мгновенно подсчитала, во что обойдется ремонт, и пришла к выводу, что дешевле будет построить новое здание с самыми современными удобствами, а это чудовище оставить истории. Девушка с трудом могла представить, как холодно в этом замке зимой.

Подъехав к Джеми, Эксиа поинтересовалась, сколько у него земли, и была потрясена, когда узнала, что он владеет жалкими пятью акрами, которых мало для того, чтобы получить хороший урожай зерновых. «А не разбить ли там фруктовый сад? — подумала она. — Может, он принесет какую-то прибыль». Если будет урожайный год, она сделает сидр и продаст его... Девушка вздохнула. Какой смысл строить планы, ведь скоро ее там не будет, напомнила она себе. К концу лета она окажется в другом месте и, не исключено, станет чьей-либо женой. Она выполнит все, что потребует от нее отец.

— Что, так ужасно? — спросил наблюдавший за ее лицом Джеми.

Эксиа догадывалась, что ему до безумия хочется, чтобы его дом понравился ей.

— Нет, — выдавила она из себя улыбку. — Совсем не так плохо.

— Неужели ты разучилась лгать, или я научился распознавать твою ложь?

Она засмеялась.

— Думаю, я смогу здесь кое-что изменить, — сказала Эксиа, с одобрением глядя на каменную кладку.

Джеми недоверчиво хмыкнул и, наклонившись, поцеловал ее.

— Не сомневаюсь, моя маленькая женушка. Я полон надежды, что к этому дню, через год, ты сумеешь найти способ в три раза увеличить стоимость этих развалин.

— Следовательно, у меня появится возможность заработать хотя бы медяк, — пробормотала она, чем вызвала у Джеми веселый смех.

— Мои сестры полюбят тебя, — заявил он.

— А твоя мать?

— Она, э-э... Я все время собирался рассказать тебе. Она... э-э... ну...

Но Джеми так и не пришлось подыскивать слова, чтобы сообщить Эксиа о том, что умственное

состояние его матери находится на уровне ребенка и что с каждым днем оно ухудшается, так как в воздухе просвистела стрела.

Она вонзилась в землю в фуге от ноги его лошади, и та в страхе встала на дыбы. Увидев испуг на лице Эксины, он наклонился и, схватив за повод ее кобылу, одновременно успокоил обеих лошадей.

— Полагаю, ты изобразишь случившееся на бумаге? — с усмешкой осведомился он.

— Обязательно, Джеми, — выдохнула девушка. Спешившись, он выдернул стрелу из земли и развернул привязанную к ней записку. Как он и подозревал, ее написал Оливер. Прочитанное заставило его нахмуриться, однако он решил ничего не рассказывать Эксины.

— Он не причинил вреда Франческе? — обеспокоенно спросила девушка, когда он помог ей слезть с седла.

— Нет, но... — Он оборвал себя, продолжая хмуриться. — Я должен ехать. Немедленно. Прости, но тебе придется отправляться к моим сестрам одной. Я вернусь позже.

— Да, конечно, — ответила Эксины, страшась мысли о том, что ей предстоит знакомство с его сестрами, и уговаривая себя быть храброй и держаться по-взрослому.

— Езжай. И ничего не бойся. Они любят тебя. Я вернусь через несколько часов.

— Я поеду с тобой и...

— Нет! — отрезал он.

— Но тебе грозит опасность! Случилось что-то нехорошее, но ты не желаешь рассказывать мне.

— Ни с кем ничего не случилось, — заверил он ее. — Просто мне надо ехать.

— Ладно, — сдалась Эксины и, вынув из седельной сумки кожаный мешочек, протянула его Джеми. — Здесь смеси трав для Франчески. Проследи, чтобы она приняла их. Она никогда не умела заботиться о себе, как тебе известно. Одна смесь от простуды, а другую надо залить горячей водой и наложить на грудь при кашле. Отвар из третьей она принимает, когда не может заснуть, а четвертую...

Джеми с улыбкой поцеловал ее и взял мешочек.

— Я позабочусь о ее здоровье и верну тебе кухню целой и невредимой. А теперь иди в замок.

Он посмотрел на окна, затем перевел взгляд на толпу, собравшуюся у ворот. Ему не хотелось демонстрировать на людях свои чувства к жене, но все же он не смог удержаться, чтобы еще раз не поцеловать ее на прощание, и, страстно притянув девушку к груди, с жаром впился в ее губы, затем резко отстранил и подождал, когда она придет в себя.

— Я вернусь, — сказал Джеми, но Эксины нашла в себе силы лишь кивнуть в ответ.

Он вскочил на лошадь и сорвался с места в галоп, поднимая вокруг себя облако пыли.

Эксины провожала его взглядом до тех пор, пока он не скрылся за поворотом. Она понимала: если Джеми оставил ее одну в незнакомом месте, значит, в записке содержались очень важные сведения. Настолько важные, что он не посчитал возможным рассказывать ей о них.

Девушка бросила взгляд на замок. Когда рядом был Джеми, здание выглядело довольно дружелюбным, но сейчас все изменилось. Неприятное впечатление усиливало еще и то, что солнце внезапно скрылось за облаками и подул холодный ветер. Эксиа вздрогнула, подумав, что может начаться буря. У нее по спине пробежали мурашки. Вновь устремив взгляд на старый замок, она сказала себе, что внутри, вполне вероятно, укрыться от бури будет не легче, чем снаружи. Она кожей чувствовала исходящую от древнего строения враждебность, хотя уверяла себя, что ей это почудилось. Семья Джеми не возненавидит ее, не так ли? Нет, конечно нет, говорила она себе. Этого не может быть.

У них нет причин ненавидеть ее. Никаких.

Глава 25

— Джоби, — прошептала Беренгария, — мы все сделали неправильно.

— Не начинай снова, — едва сдерживая гнев, ответила Джоби. — Она мне не нравится, я не доверяю ей.

— Ты очень ясно дала всем это понять.

Джоби не могла допустить, чтобы в Беренгарии возобладало присущее ей мягкосердечие. Она догадалась, что представляет собой эта Эксиа еще до знакомства с ней, а за последние десять дней, что та находилась в замке, ее мнение ничуть не изменилось.

— Как ты можешь симпатизировать ей при том, что она попыталась захватить власть в нашем доме?

— О Джоби, ну почему ты так сурова? Неужели ты думаешь, что эта куча камней на что-то годна? Ее преступление заключается в том, что она закатала рукава и решила прибраться в кухне.

— Это вопрос власти. Уверена, что это ты способна увидеть.

— Ты имеешь в виду, что я не способна увидеть что-либо еще кроме этого?

— Ну вот, мы уже ссоримся из-за нее.

— Нет, не из-за нее, а из-за тебя. О Джоби, все началось, когда вмешался этот глупый Генри Оливер. Ну почему только я позволила тебе вовлечь его в наши дела?

— Нужно было что-то делать. Я не могла допустить, чтобы наш идиот братец...

Она замолчала, вспомнив: произошло именно то, что, как она надеялась, не произойдет. Их план заключался в следующем: Генри Оливер «похитит» наследницу Мейденхолла, Джеми бросится в погоню, спасет ее и влюбится. Но Оливер, как всегда, все испортил. Вместо того чтобы послать записку, написанную Джоби, он привязал к стреле собственное послание, и эта самая стрела случайно угодила в ногу Риса. Оливер метил в землю, но из-за плохого зрения промахнулся. «Только такой плохой стрелок, как Оливер, способен промахнуться», — с презрением заметила девочка, узнав о ранении Риса.

По некоей необъяснимой причине их усилия привели к обратному результату: братец погнался за похитителем, но зачем-то захватил с собой эту Эксию, а потом женился на ней. А сейчас дурак Оливер заявляет, что не отпустит наследницу, пока Беренгария не выйдет за него

замуж. Джеми уже несколько дней пытается вразумить этого недоумка, а его молодая жена отравляет существование Джоби и Беренгарии и изо всех сил старается изменить их жизнь.

Вчера Джоби заставила Эксию прекратить свою бурную деятельность, заявив, что та своими уловками поймала их брата в сети и тем самым разрушила семью. Еще Джоби сказала, что жители деревни отдали свои последние деньги, все самое ценное, чтобы сшить для Джеми наряды, способные привлечь внимание и завоевать любовь наследницы.

— Он бы женился на ней, если бы ты не вмешалась, — злобно проговорила девочка. — А теперь мы навсегда лишились возможности хоть немного улучшить свою жизнь. Не думай, что обращение «леди Эксиа» накормит тебя и согреет зимой.

Ошарашенная столь явной ненавистью, читавшейся на лице Джоби, Эксиа попятилась.

— Прости, — прошептала она. — Пожалуйста, прости меня.

Повернувшись, она взбежала по лестнице и, ворвавшись в комнату Джеми, захлопнула за собой дверь.

Больше она не показывалась, даже не спускалась к обеду. При этом, как всем было известно, она не покидала комнаты.

Джоби и Беренгария сидели в солярии на третьем этаже. Беренгария сожалела о том, что она разрешила сестре действовать по своему усмотрению. До появления Эксиа они судили о ней по письмам Джеми и были едины во мнении, что эта женщина — мерзкая интриганка. Теперь же у Беренгарии было совершенно иное впечатление.

— Если бы я увидела их вместе, — сокрушенно произнесла она.

Обе понимали, что именно Беренгария имеет в виду: ей нужно было присутствие Джеми рядом со своей женой, чтобы понять, любит он ее или нет. Однако Джоби была уверена, что ее прекрасный братец просто не мог заинтересоваться такой простушкой, как Эксиа. Признаться, Эксиа, со своим стремлением прибрать кухню и пересчитать количество мешков с мукой, больше напоминала экономку, чем жену графа. Но ведь она не принадлежала к их классу!

— Сделанного не воротишь, — сказала Беренгария, — и мы не в силах изменить то, что Джеми женат на ней.

— Я хочу дать ей понять, чего стоили нам ее уловки. Допускаю, что она полагает, будто, сортируя фасоль, заработает себе право жить в нашем доме, но из-за нее скоро нечего будет сортировать...

— Что это было? — встrepенулась Беренгария, повернув голову и прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам.

— Я ничего не слышала.

— Прислушайся Вот опять.

Подойдя к окну, Джоби выглянула и едва не задохнулась от гнева, потому что внизу, в саду, увидела ту, которая разрушила все надежды на благополучную жизнь. Она сидела на каменной скамье рядом с их матерью. С бедной сумасшедшей матерью.

— Там, — проговорила Беренгария. — Что это было? Джоби не сразу поверила своим глазам.

— Эта Эксиа что-то пишет и показывает маме, а та... Мама смеется, — ошеломленно ответила девочка.

— Я иду вниз! — объявила Беренгария, вставая и направляясь к двери.

Хорошо зная расположение комнат, коридоров и лестниц, она уверенно перемещалась по замку.

— Не дай ей повлиять на тебя. То, что она лишь...

— Закрой рот! — отрезала Беренгария, берясь за ручку двери.

Джоби не отставала от сестры.

Спустившись в сад, они спрятались за шпалерой, по которой вился розовый куст.

— Что она пишет? Почему мама смеется?

— Подожди-ка, — бросила Джоби и побежала к замку.

Минуту спустя к Эксиа подошел поваренок и позвал ее с собой. Как только девушка исчезла из виду, Джоби схватила листы бумаги, оставленные той на скамье. Мать, как обычно, проигнорировала дочь. Она жила в собственном мире, куда не было доступа никому. Ничто не могло вернуть ее в мир нормальных людей — ни жестокость, ни душевные потрясения. Во всяком случае до сих пор. — Что там? — сгорала от нетерпения Беренгария. Джоби торопливо рассматривала рисунки.

— На этих рисунках изображен Джеми, — с изумлением ответила она.

Она впервые видела такое мастерство. Джеми был как живой, ей даже казалось, что она чувствует тепло его кожи.

— Да, — не успокаивалась Беренгария, — но что в них вызвало у мамы смех?

Джоби и сама не могла удержаться от улыбки, когда разглядывала рисунки. Она принялась описывать их сестре.

— На них Джеми такой, каким мы его знаем, — говорила она. — Вот на этом он направил свой меч на какого-то крестьянина, «спасая» Эксию от торговцев с жадными взглядами. А вот на этом... — Она замолчала и засмеялась.

— Ну! Что?

— Джеми в ярости смотрит на фургон, на одной из стенок которого нарисован он сам. Кажется, он сражается со львом. А вот здесь Джеми чем-то озадачен, а рядом с ним спорят две женщины. Одна из них Эксиа, а другая очень красива.

— Должно быть, наследница, — заключила Беренгария. — Что еще?

— Вот Джеми втирает масло в изуродованные ноги какого-то мужчины. У него изуродованы только ноги, а все тело очень красивое и сильное. Его голова повернута набок, поэтому я не вижу другую половину лица. Так он выглядит довольно красивым. А на этом...

— Что? Что? — поторопила ее Беренгария. Джоби понизила голос:

— Джеми лежит на лугу среди цветов и мечтает. У него такое выражение... Я никогда не видела его таким.

— Опиши его! — потребовала Беренгария.

— Он выглядит глупым и смешным, — ответила Джоби, хотя прекрасно знала, что такое лицо может быть только у влюбленного.

— Ну что, ты удовлетворила свое желание пошпионить за мной? — раздался за спиной Джоби голос Экси. — Понасмехалась надо мной вволю?

— Я не шпионила. Я просто...

— Да? — Экси ждала, уперев руки в бока. Видя, что Джоби молчит, она принялась собирать рисунки. — Ты дала мне ясно понять, что не желаешь терпеть меня в этом доме. Скоро меня здесь не будет. Тебе нечего беспокоиться. А теперь, если вы не против, я вас покину и...

Она оборвала себя на полуслове, потому что внезапно мать Джеми прижала руки к лицу и заплакала. Экси мгновенно опустилась рядом с ней на скамью и обняла за плечи.

— Посмотри, что ты наделала, — обратилась она к Джоби. — Не надо, — принялась она успокаивать свекровь. — Я нарисую еще. Хотите увидеть, как Джеми сражается с драконом?

Джоби и Беренгария лишились дара речи, изумленные тем, что их мать сразу перестала плакать. За долгие годы они ни разу не видели, чтобы она плакала или вообще проявляла какие-то эмоции.

Экси начала рисовать. Она комментировала каждое свое движение, описывала одежду Джеми, выражение его лица. Затем она принялась за дракона, изрыгающего огонь и размахивающего длинным хвостом. Джоби не сразу сообразила, что пояснения Экси предназначены для Беренгарии, в то время как сам рисунок — для матери. Переведя взгляд на сестру, девочка обнаружила на лице той живейший интерес, и ее охватила жгучая ревность, несмотря на то что она не поняла, какие чувства владеют Беренгарией, Беренгария принадлежит ей и только ей!

— Наверное, Беренгария ощущает запах дракона, — заметила мать, чей голос, а вернее связную речь которой, они слышали крайне редко.

Беренгария засмеялась.

— Да, ты права. Его чешуя переливается на солнце. А из пасти пахнет паленым. Я даже чувствую запах пота Джеми. Он встревожен, ему страшно, но честь заставляет его делать то, что, по его мнению, правильно. От него пахнет отвагой.

Экси прекратила рисовать и посмотрела на золовку.

— Ты действительно ощущаешь эти запахи? Лучше, чем другие?

Джоби опередила сестру с ответом:

— Беренгария всего лишь слепа, в остальном она такая же, как все, даже лучше. Она не урод.

— Я тоже не урод! — с не меньшей агрессивностью отпарировала Эксиа.

Беренгария застыла от удивления: впервые Джоби получила отпор! Несмотря на то что к своим близким девочка относилась по-доброму, для посторонних она была самым настоящим кошмаром. Люди боялись ее. А Эксиа, очевидно, нет. Наверное, она сама нередко терроризировала окружающих, догадалась Беренгария.

Однако Джоби не обескуражила столь непривычная для нее резкость.

— Ты обманом заставила моего брата жениться на тебе?

— Да! — без колебаний ответила Эксиа. — Я надела роскошное платье, которое подчеркнуло мою неземную красоту, и соблазнила его. Ведь он — такая выгодная партия! Ни гроша в кармане и три женщины на руках. Ах да, конечно, он потрясающе красив, благодаря его красоте у вас есть хлеб на столе! Скажи-ка мне, чем вы перебиваетесь зимой? Я впервые сталкиваюсь с таким беспорядком, как у вас на кухне. А теперь взгляни на эти фруктовые деревья! Да их не подрезали более десяти лет, поэтому они почти не плодоносят. А эти цветы! Зря расходуется место. Если у вас мало земли, надо использовать каждый клочок. Посадили бы вместо цветов бобы или лук.

Джоби перевела дыхание и ринулась в бой.

— Цветы для Беренгарии. Так уж получилось, что они нравятся ей. У нее мало радостей в жизни. Если она любит цветы, пусть нюхает их.

— О небеса, да твоя сестра всего лишь слепа, в остальном она нормальная. Думаю, зимой запах бобовой каши был бы ей приятнее, чем аромат всех роз на земле летом.

— Как ты смеешь...

Смех Беренгарии заставил Джоби замолчать.

— Джоби, полагаю, ты встретила достойного противника. Мне кажется... — Внезапно она прислушалась.

Бросив на Эксию надменный взгляд, ясно говоривший о том, что она способна понять сестру даже тогда, когда та не заканчивает свою мысль, — а Беренгария, узнававшая шаги всех домочадцев и обладавшая тонким слухом, первая определяла, когда в замке появлялись посторонние, — Джоби повернулась и выбежала из сада.

— Жуткий ребенок, — заметила Эксиа.

Чувствуя себя предательницей, Беренгария улыбнулась.

— Прости...

Эксиа остановила ее, отказываясь слушать то, что та собиралась сказать. Она разрывалась между желанием открыть золовкам, кто она на самом деле, и стремлением добиться того, чтобы они полюбили ее такой, какая она есть, а не за то, что она богата — если, конечно, отец, которому уже наверняка известно о непослушании дочери, не лишил ее наследства.

Джоби, не собиравшаяся оставлять свою сестру наедине с наглой узурпаторшей, вернулась через несколько минут с запиской.

— От Джеми, он говорит, что ему нужно задержаться. Оливер не хочет отпускать наследницу.

— И это все? — спросила Эксиа, ненавидя себя за отсутствие гордости.

Но ей очень хотелось получить от Джеми хоть какую-нибудь весточку, и она надеялась, что он пришлет записку лично для нее. Казалось, прошли годы с тех пор, как он держал ее в своих объятиях.

— Все, — победоносно объявила Джоби, протянув письмо сестре.

Эксиа увидела, как Беренгария ощупала листок.

— Он лжет, — сообщила она. — Джеми грозит опасность. Он хочет, чтобы мы прислали ему помощь.

— Я отправлю посыльного к Монтгомери, — начала было Джоби. — А мы...

Эксиа размышляла над тем, что только что произошло. Значит, Беренгарии достаточно дотронуться до клочка бумаги, чтобы узнать, что чувствовал человек, когда писал письмо. У нее закружилась голова, когда она представила, какие возможности таит в себе подобный талант.

— Ты можешь определить, кто лжет, а кто нет? — с благоговейный восторгом прошептала она. — Ты хоть понимаешь, сколько денег можно заработать с такими способностями?

Джоби шагнула к ней.

— Никто не будет эксплуатировать Беренгарию! Мне противно думать, что Беренгария будет сидеть в ларьке и предсказывать судьбу по руке!

— Ты и это можешь? — спросила Эксиа, глядя на золовку расширившимися от изумления глазами.

Беренгария молчала, повернув голову в сторону сестры и моргая, в то время как Джоби с надменным видом втолковывала Эксиа, что они не принадлежат к классу торговцев и не намерены собственным трудом зарабатывать себе на жизнь.

Наконец Беренгария не выдержала.

— Послушай, Джоби, — перебила она девочку, — нам нужны деньги. Мы же пытались торговать красотой брата — так какая разница?

Джоби ужаснулась, вновь почувствовав, что ее предали.

— Это не одно и то же.

Глубоко вздохнув, Беренгария решила не спорить. У нее не было желания вставать между сестрой и невесткой, однако она вынуждена была признать, что предложение Эксиа привлекает ее. Ей бы доставило огромное удовольствие приносить пользу, а не висеть тяжелым грузом на шее у своих близких.

Глава 26

Эксиа переводила взгляд с одной золовки на другую. За то время, что она находится здесь,

младшая из них, двенадцатилетняя дочь дьявола, предприняла все возможное, чтобы превратить ее жизнь в ад. Что бы она ни делала, все, по мнению Джоби, которой как нельзя лучше подходило ее имя [2], оказывалось неправильным. Даже ее намерение вычистить хлев, называемый кухней, девочка восприняла как акт агрессии.

Поэтому Эксиа молила Бога о том, чтобы поскорее вернулся Джеми. Он приструнит своих сестер. Но события развиваются так, что ей, видимо, придется задержаться здесь дольше, чем она рассчитывала. В настоящий момент золовки обсуждают вопрос о том, чтобы вызвать на помощь Джеми своих распрекрасных родственников. Пока они будут думать, сказала себе девушка, на Джеми могут напасть, и ему придется вступить в неравный бой с дюжиной противников. Вряд ли ему удастся выйти из него победителем. Его изобьют и бросят в подвал, где он будет голодать.

Эксиа затрясла головой, чтобы прогнать эти страшные мысли.

Но мысли не исчезали, и следующей была: «А как же Франческа? Кто заботится о Франческе? А вдруг ее держат взаперти рядом с маргаритками?»

Внезапно Эксиа встрепенулась, причем одновременно с Беренгарией. Кто-то приближался к ним, но на этот раз девушка сразу узнала шаги. Не оглянувшись на своих новых родственников, она подобрала юбки и побежала.

Тод едва миновал ворота древнего замка, когда Эксиа увидела его и, не заботясь о том, что подумают о ней окружающие, бросилась ему на шею. Он крепко прижал ее к груди, приподняв над землей. Из глаз девушки полились слезы радости.

вернуться

2

Job (англ.) — толкать, наносить внезапный удар, пырнуть

— Я так скучала по тебе! Я вспоминала j тебе каждую минуту!

Тод расхохотался.

— Даже когда была со своим красавчиком Джеми?

— Да, конечно, — с улыбкой ответила Эксиа. — Разве можно сравнить мужа с другом?

Тод отстранился и внимательно осмотрел на нее. Девушка мгновенно почувствовала, что он неуловимо изменился. Неужели весть о ее замужестве так подействовала на него, что он стал относиться к ней по-другому? Почему он не засмеялся ее шутке?

— Ты, наверное, устал, — сказала она. — Проходи в дом, дай мне возможность позаботиться о тебе.

— Ладно.

Тод взял ее за руку и направился к замку. «Он очень сильно изменился», — вновь подумала Эксиа и поставила себе цель как можно скорее выяснить причину.

Приказав принести еду и напитков для гостя, она повела его вверх по винтовой лестнице в лучшее помещение замка — в солярий. По тому, как он двигался, она догадалась, что его очень сильно мучает боль в ногах. В ответ на ее вопросы Тод сказал, что тронулся в путь ранним утром и что ему пришлось прошагать много миль.

Когда Эксиа открыла дверь в солярий, сердце девушки упало: там ее поджидали золовки. Теперь у нее не было иного выбора, как представить им Года. И вдруг у нее в голове возникла странная мысль: Году очень понравится Беренгария, потому что та не увидит его лица.

— Познакомься с моей золовкой. Она слепая! — с гордостью объявила Эксиа.

Глаза обеих — и красавицы Беренгарии, и одетой в мальчишеский наряд Джоби — были устремлены на гостя. Тод, который всегда опасался красивых женщин, решил, что слепая — это Джоби. Откинув капюшон, он улыбнулся ей, но, заметив отвращение на ее лице, мгновенно набросил капюшон на голову и отвернулся.

С негодованием посмотрев на Джоби, Эксиа подтолкнула его к Беренгарии.

— Нет, то была Джоби. Я хочу познакомить тебя с этой золовкой. Ее зовут Беренгария.

— А-а, — произнес Тод и, не обращая внимания на взгляды девочки, откинул капюшон. Его потрясла красота Беренгарии. — Никогда бы не предположил, что такие прекрасные глаза не видят. Зато мы, те, кто наделен зрением, можем бесконечно любоваться вашей красотой и не казаться при этом невежливыми. — Приблизившись к девушке, он взял ее руку. — Позвольте, — попросил он и, когда Беренгария кивнула, прижался губами к тыльной стороне ее ладони.

Трудно было сказать, кто ошеломлен больше — Эксиа или Джоби. Эксиа впервые видела Тода таким. Раньше в присутствии женщин, даже слепых, он держался на заднем плане и никогда не проявлял инициативы, как сейчас. Он отлично знал, как встать и как повернуть голову, чтобы не показывать изуродованную сторону лица. Но на этот раз он не воспользовался своими ухищрениями и не посчитал нужным что-либо скрывать от Джоби и самой Эксиа.

Что касается Джоби, то ее больше заинтересовала реакция Беренгарии на этого калеку. Сестра всегда держалась робко с незнакомцами и не любила оставаться наедине с теми, кого плохо знала. Но сейчас она позволила этому уроду поцеловать ей руку! Боже, он все еще держит ее руку. в своей!

Джоби первая пришла в себя от потрясения и, взяв Тода и Беренгарию за запястья, разорвала их руки. Опомившись, к ней на помощь поспешила Эксиа. В мгновение ока они из противниц превратились в союзниц.

Повернувшись, Тод бросил на Эксию странный, почти отеческий взгляд, затем поцеловал ее в щеку и весело произнес:

— О, вот и еда. Прошу вас, дамы, посидите со мной. Ваше общество доставит мне истинное удовольствие.

С таким видом, будто это было совершенно естественным действием, он взял Беренгарию под локоть и подвел к накрытому столу.

Но Эксиа и Джоби застыли на месте, словно каменные. Эксиа молчала, потому что ее шокировало необычное поведение Тода, а Джоби не могла поверить в то, что мужчина,

которому под стать лишь выступать в бродячих цирках, подчинил Беренгарию своей воле. Да и вообще, кто он такой?

Тод и Беренгария расположились за одной стороной стола, оставив скамью напротив Джоби и Эксию.

— Идите сюда, девочки. Разве вам не хочется услышать новости?

«Девочки?» — ошарашенно думала Эксию, вместе с Джоби идя к скамье.

Как только они устроились за столом, Тод принялся рассказывать о своих приключениях, но Эксию не слушала его. Он выглядел как прежний Тод, но создавалось впечатление, будто в его теле поселился дух другого человека. И главным образом потому, что он открыто уделял столько внимания Беренгарию. На стол был поставлен только один прибор, но Тод подвинул тарелку между собой и девушкой и заботливо вкладывал в ее руку еду: сочные ломтики фруктов, хлеб с маслом, мягкие кусочки мяса, которые подцеплял кончиком серебряного ножичка.

Громкий голос Джоби вывел Эксию из задумчивости и заставил вникнуть в суть разговора.

— Джеми! — воскликнула девочка. — Генри Оливер запер нашего брата в подвале?

Выхватив из ножен на поясе кинжал, она вскочила, но Тод схватил ее за руку.

— Сядь! — приказал он, и она покорилась. — Сейчас ничего нельзя сделать, во всяком случае днем. Мне нужно несколько часов отдохнуть, и тогда я займусь этим.

Джоби, которой до смерти не понравилось то, что этот изуродованный мужчина, как смерч, ворвался в их жизнь и принялся командовать, с надменным видом осведомилась:

— И что же можешь сделать ты?

— Джоби! — возмущенно одернула ее Беренгария. В тот момент, когда Тод сообщил, что Джеми находится в опасности, Эксию лишилась дара речи от страха, но сейчас она уже пришла в себя достаточно для того, чтобы прошептать:

— Расскажи мне все. Я должна знать.

— Этот Генри Оливер не так туп, как считают окружающие. Он хитер. К тому же он положил глаз на... — Замолчав, Тод посмотрел на Беренгарию. — ...На тебя, — тихим голосом закончил он, заставив девушку смущенно вспыхнуть. — Теперь я его понимаю.

— А мой брат? — заорала на него Джоби.

Тод невозмутимо отправил кусок мяса в рот. — Оливер твердо намерен заполучить ее и утверждает, что будет держать Джеми в плену до тех пор, пока тот не согласится отдать ему свою сестру. А Франческу он отпустит только тогда, когда ее отец уплатит выкуп.

При этих словах Тод бросил тяжелый взгляд на Эксию, давая ей понять, что ее отца уже уведомили о случившемся.

Джоби, осознавая, что стала причиной пленения двух людей, опустила глаза на кинжал, который все еще держала в руке.

— От дома Оливера к морю ведут подземные тоннели, — продолжал Тод. — Там темно и сыро. Именно там и вырыта пещера, в которой держат Джеми. Я пытался добраться до него, но охранники заметили свет моего факела, и меня... — он улыбнулся, — задержали.

Эксия и Джоби лишь кивнули, но Беренгария испуганно ахнула.

— И как же тебе удалось сбежать?

— Я изобразил из себя идиота, — ответил Тод. — Я кривлялся, как самый настоящий дурачок, и они смеялись.

Эксия и Джоби с легкостью представили, как он это делал, однако Беренгария была озадачена.

— Но как именно тебе удавалось изображать из себя дурачка?

Эксия и Джоби едва поверили своим глазам, когда Тод взял руку Беренгарии и провел ее пальцами сначала по своему лицу, а затем по шее.

— На ногах такие же шрамы, — сказал он, пристально всматриваясь в ее глаза.

— Если ты полагаешь, что моей сестре будет позволено дотрагиваться вот до «этого», советую тебе подумать дважды, — злобно процедила Джоби.

Улыбнувшись так, как никогда прежде, Тод вновь принялся за еду.

— Мы вызовем кузенов Монтгомери, — заявила Джоби. — Они перевернут вверх дном все поместье Оливера, а его самого вздернут на ближайшем дереве. Они...

— У нас нет времени. Я должен пробраться туда сегодня вечером.

— О да, уверена, от тебя будет много пользы, — пренебрежительно заметила Джоби.

Тод не посчитал нужным ответить, он только взглянул на девочку, и та замолчала. Он дал ей понять, что она всего лишь ребенок и должна вести себя соответственно, если хочет оставаться в обществе взрослых. Но ни Тод, ни Эксия не знали, что Джеми обычно усмирлял своевольную сестру точно таким же взглядом.

— Я могу свободно перемещаться по поместью. Никто не обратит на меня внимания. Я заехал к вам на несколько часов, чтобы рассказать о случившемся.

— А Франческа? — спросила Эксия. — Как она? На мгновение девушке показалось, что Тод покраснел, но она тут же уверила себя в том, что ошиблась.

— Франческа в порядке. Ее заперли наверху в старой башне. Ей так удобно, но она очень напугана. Оливер сам ухаживает за ней и никого не допускает к ней. — На его губах появилась слабая улыбка. — Кроме некоторых, кто может подбодрить ее.

Перегнувшись через стол, Эксия взяла Тода за руку.

— Скажи, что я могу сделать. Я готова отдать жизнь, если это поможет вытащить Джеми. Пожалуйста, позволь мне принять хоть какое-то участие.

Их глаза встретились, и Тод увидел в них то, что раньше было для него лишь догадкой. Эксия любит Джеми. Любит так, как никогда никого не любила. Тогда охватила ревность, но он

овладел собой и дружески сжал руку девушки.

— Ты ничего не можешь сделать. Я проберусь в тоннель, охранники пропустят меня. Самое сложное — это вызволить Джеми. Я не смогу провести его через зал. Пусть твой Джеми и великий воин, — улыбнулся он ей, — но я сомневаюсь, что ему по силам справиться со всеми людьми Оливера.

— А есть другой способ вытащить его оттуда? — спросила Эксиа.

— Не знаю, что представляет собой этот подземный лабиринт, но мне кажется, он тянется на многие мили. Может, это старая шахта. Полагаю, и Оливер не знает, а если и знал когда-либо, то уже забыл. У меня сложилось впечатление, что лабиринт построен еще во времена римлян, многие своды обрушились. Только крот способен найти выход из него. — Или слепой, — вмешалась Беренгария.

— Ни за что! — отрезала Джоби. — Джеми бы...

— Тихо! — оборвал ее Тод и повернулся к Беренгарии. — Да, — задумчиво произнес он, — в этих темных тоннелях у слепого огромное преимущество перед зрячим. В первый день, когда мне разрешили пройти к Джеми, я взял с собой факел и попытался выяснить, куда ведет тоннель, но охранники остановили меня. На следующий день я прочесал лес вокруг дома Оливера в надежде найти выход, но тщетно. Как утверждают, оттуда нет выхода.

— Спрятав Джеми в тоннелях до прихода помощи, мы тем самым лишим этого Оливера всякой власти над ним. — Во взгляде Эксиа отражался ужас. — Ты что-то утаиваешь. Я чувствую! Ты о чем-то не договариваешь.

— Да, — согласилась с ней Беренгария, беря Тода за руку. — Опасность гораздо сильнее, чем ты утверждаешь.

— Вчера утром прибыл брат Оливера.

Услышав испуганные возгласы Беренгарии и Джоби, девушка поняла, что над Джеми действительно нависла страшная угроза.

Тод опустил глаза и тихо произнес:

— Его брат, Рональд, назвал Оливера дураком за то, что тот хочет жениться на бедной Монтгомери, когда у него в руках есть наследница Мейденхолла. Сам брат уже женат, и теперь он пытается заставить Франческу выйти замуж за Оливера. Джеми сказал им, что Мейденхолл поручил ему опекать Франческу и, следовательно, она не может выйти замуж без его разрешения. Естественно, Джеми не подпишет никакого разрешения, позволяющего Оливеру завладеть Франческой, и дабы сломить его, они морят его голодом. Ему дают немного воды, чтобы он не умер. — Тод посмотрел на Эксию. — Нам понадобится врач, когда мы привезем его сюда.

Эксиа встала и подошла к окну, не желая, чтобы кто-нибудь видел ее глаза.

— Что с ним сделали? — прошептала Беренгария.

— Высекли кнутом, — ответил Тод. — Я был единственным, кому разрешили взглянуть на него. Просто они не знали, что мы с ним знакомы. Несмотря на мучения, Джеми продолжает убеждать брата Оливера, будто имеет некоторое влияние на Перкина Мейденхолла и будто

только он может дать разрешение на брак.

— Итак, он защищает Франческу, — заключила Эксиа, поворачиваясь к остальным. — Выйдет она замуж за Оливера или нет — все в руках Джеми.

— Да.

Глава 27

Сидевший на козлах фургона Тод остановил лошадей и, затаив дыхание, наблюдал за приближающимися вооруженными людьми. Некоторых он знал в лицо, поэтому сразу понял, что это люди Оливера. Огромным недостатком его внешности было то, что люди навсегда запоминали его и узнавали даже издали.

Однако когда дружинники, заведев его, принялись пихать друг друга локтями и ухмыляться, он догадался, что у них не возникло никаких подозрений. И это было большой удачей, потому что в фургоне, под огромной охапкой цветов, прятались три женщины.

— Что у тебя там? — поинтересовался один из дружинников, хохоча при одном взгляде на Тода.

— Цветы для наследницы Мейденхолла, — с наигранной веселостью ответил калека. — Как еще можно ухаживать за женщиной? Только дарить ей цветы. К вечеру она обязательно будет принадлежать ему. Официально или нет.

Лежавшая под грубой мешковиной Эксиа с изумлением прислушивалась к голосу Тода. Угрюмый по натуре, ко всему относившийся с излишней серьезностью, сейчас он изображал из себя весельчака, уверенного в том, что окружающие будут смеяться над каждым его словом.

И дружинники Оливера действительно смеялись.

— Лучше бы ты вновь воткнул их в землю, — заметил другой. — Наследнице они не понадобятся.

— Во всяком случае для того, чтобы выйти замуж за старину Генри, — вмешался третий.

— А-а, — протянул Тод, — тогда я поберегу их для собственной свадьбы.

Дружинники расхохотались так, будто это была остроумнейшая шутка на свете. Эксиа почувствовала, как затаившаяся рядом с ней Беренгария напряглась, а ее руки сжались в кулаки.

— Может, ты женишься на наследнице, — выкрикнул кто-то. — Если отыщешь ее.

— О? — с деланным безразличием произнес Тод. — Она что, спряталась? Или за ней приехал отец?

Только Эксиа различила испуганные интонации в голосе Тода при упоминании Перкина Мейденхолла.

— Сбежала, — ответил дружинник. — Нарисовала себе выход, — добавил он и расхохотался. — Если увидишь ее, попроси вернуться назад через настоящую дверь.

Гогоча во все горло, дружинники двинулись дальше, оставив Тода с фургоном на дороге.

Десять минут спустя Тод остановил фургон в тени дуба и, спрыгнув с козел, отхлебнул воды из бочонка, закрепленного на боковой стенке.

— Вы слышали? — спросил он, заглядывая через щель между досками внутрь фургона, откуда за ним наблюдали.

Решив не терять время на разговоры, Джоби откинула мешковину. Согласившись участвовать в этом предприятии, она не предполагала, что будет так страшно.

— Я найду ее, — заявила она, выбравшись из фургона.

— Ты ничего не знаешь, — возразил Тод, понимавший, что отвечает за девушку до возвращения Джеми.

— Я знаю все заячьи норы в округе. Возможно, я найду выход из вашего лабиринта. Эта ваша Франческа выросла в городе, поэтому она обязательно заблудится и растеряется.

— Я не могу допустить... — начал Тод.

Откинув охапку цветов, Беренгария села и сказала:

— Она знакома со всеми пастухами и скотниками в округе. Ни одна женщина не проскользнет мимо них незамеченной. Пусть идет.

Эксия тоже выбралась из-под цветов.

— К тому же ты утверждал, что она нам не понадобится. О Тод, Франческа не может бродить здесь одна. Ты же знаешь, она беспомощна. Она не способна что-либо сделать самостоятельно.

— Ты заблуждаешься, — возразил Тод, нахмурившись. В глубине души он понимал, что в словах женщин есть смысл.

— Пожалуйста, — негромко попросила Беренгария, и Тод сдался.

Джоби мгновенно сорвалась с места и побежала через поле к дому Оливера.

Зачерпнув воду ковшиком, Тод напоил Эксию и Беренгарию, которые, благодаря стараниям Эксии, сейчас выглядели уродливыми старухами. Хотя, по мнению Тода, ничто не могло скрыть красоты Беренгарии, о чем он ей и сказал.

Что касается Джоби, то он категорически запретил менять ее внешность. Ее коротко, по-мальчишески подстриженные волосы и мужской наряд и так были достаточной маскировкой.

— Что ты предлагаешь сделать с ней? Переодеть в девочку? — с некоторой язвительностью, которую посчитал оправданной после того, что Джоби наговорила ему, спросил Тод у Эксии. — Даже у тебя не хватит таланта на это.

Сейчас его радовало то, что они избавились от Джоби, так как ее своенравный характер грозил провалить всю затею, которая требовала от участников единодушия и слаженности действий.

К тому моменту когда Они добрались до дома Оливера, все вокруг окутал ночной мрак. Тод с удовлетворением отметил, что побег Франчески поднял самый настоящий переполох, хотя его не оставляла тревога за девушку. Как же ей удалось сбежать из каменной башни?

Им потребовалось всего несколько минут, чтобы убедиться, что Франческу еще не нашли, а Джеми все еще заперт в подземелье. Тод, которому Оливер сказал, что идея похитить наследницу Мейденхолла и тем самым заставить Джеми отдать ему в жены Беренгарию принадлежала «этой странной девчонке Монтгомери», в сотый раз поклялся прикончить Джоби, когда Джеми и Франческа будут вызволены из плена. После знакомства с Беренгарией он отказывался верить в то, что она была посвящена в подлый план младшей сестры.

Тод знал, что брат Оливера поставил дружинников перед воротами, чтобы те следили за теми, кто хоть отдаленно походит на кого-нибудь из Монтгомери. Рональд приказал досматривать всех женщин, входящих в замок, так как был почти уверен, что эти амазонки Монтгомери обязательно попытаются выкрасть своего брата.

Однако никто не досматривал Тода с его фургоном, полным цветов. А если бы и досматривали, то Тод сделал так, чтобы дружинники хохотали до упаду.

— Он столько дней изображал из себя дурачка, наверняка почти все видели это, — с горечью сказала Беренгарию лежавшей рядом с ней Экси.

Ее слова были созвучны мыслям девушки. Когда они оказались на территории поместья, Тод отвел Оливера в сторону и предложил ему свою помощь в поимке Франчески. Ведь Генри известно, как женщины любят цветы? Да. Если Генри разбросает их везде, Франческа обязательно вернется, привлеченная ароматом. Цветы станут своего рода приманкой — разве Генри этого не понимает?

— Все равно что сыр в мышеловке, — восторженно заключил Оливер.

— Точно, — согласился Тод. — Но не говори об этом своему брату, иначе он первым найдет Франческу и припишет всю славу себе.

— Да, — кивнул Оливер. — Рональд считает себя самым умным в деревне.

Тод подумал, что Рональд считает себя самым умным в мире, но это не имело отношения к делу.

— И где же мы разбросаем их? — поинтересовался он. — Может, там, где содержится пленник? Наверняка она попытается проникнуть к нему.

— Верно, конечно. — Наклонившись к Тоду, Оливер прошептал: — Постарайся, чтобы тебя не увидел мой брат, Он никого не пускает вниз, даже меня.

— Почему же ты не пойдешь к нему и не скажешь, что этот дом твой, а не его, и что наследница твоя и что он не имеет права вмешиваться в твою жизнь? В конце концов именно ты был достаточно хитер, чтобы похитить наследницу Мейденхолла, а не он.

— По Рональд страшно разозлится.

— И пусть! А я тем временем расставлю ловушку для наследницы. Ведь ты не боишься своего брата, не так ли?

— Ну, наверное... Нет! Не боюсь. Иди и займись цветами. Какой вред может быть от цветов?

— Правильно. — Дождавшись, когда Оливер скрылся из виду, Тод откинул угол мешковины и прошептал: — Опасность миновала. Можете вылезать.

— На свете нет человека лучше тебя, — сказала Беренгария, когда Тод помог ей выбраться из фургона. — Я всем обязана тебе, и моя сестра... Ой!

— Прошу прощения, — проговорила Эксия, — вероятно, я оступилась. Хватит тратить время на болтовню, надо поторапливаться.

— Абсолютно верно, — согласился Тод, но почему-то в его голосе прозвучала насмешка.

Через двадцать минут Тод, Эксия и Беренгария, с разрешения Оливера, спускались в подвал: после исчезновения Франчески в доме царил такой хаос, что никто не обратил на них внимания. Держа Беренгарию за руку, Эксия вела ее по треснутым плитам пола, шепча предостережения, когда той предстояло преодолеть груды мусора.

— Мерзость! — однажды прошипела она, но грозный взгляд Тода заставил ее замолчать.

— Один раз они встретили на своем пути поваренка. Тод отвлек его, принявшись корчить рожи, а девушки замерли, изо всех сил сжав руки друг друга: ни та, ни другая не могли спокойно выносить, когда Тод унижался.

Пройдя через кухню, они оказались в коридорах, заставленных бочонками, коробками и заваленных ржавым сельскохозяйственным инвентарем. Создавалось впечатление, будто здесь хранится все, чем когда-либо владело семейство Оливеров. Эксии стоило большого труда провести Беренгарию мимо этого хлама, причем в почти полном мраке, разгоняемом редкими факелами, вставленными в кронштейны на стене.

Казалось, миновала вечность, прежде чем они пробрались в крохотную комнатку. После темноты коридора яркий свет слепил глаза. Две стены комнаты были сложены из камня, а вместо третьей зиял темный проем — это был вход в тоннель, тянувшийся, как всем почудилось, в бесконечность.

Посреди комнаты стоял стол, за которым сидел стражник. Он спал, привалившись к спинке стула и уронив голову на грудь.

Эксия обрадовалась, увидев, что стражник спит, и в то же время ее охватил страх. Дома Тод утверждал, что найдет какой-нибудь способ обезвредить стражника, но, судя по всему, он так ничего и не придумал. Еще тогда он заявил, что в худшем случае будет отвлекать стражника, чтобы дать Эксии и Беренгарии возможность пробраться к Джеми. Когда Эксия спросила, что ждет его самого, если обнаружат исчезновение пленника, он не ответил.

Сейчас стражник спал, а ключи висели у него над головой. Если Тоду удастся бесшумно снять их с крюка, значит, первое препятствие преодолено.

— Что это? — вдруг встревоженно прошептала Беренгария.

Эксия закрыла ей рот рукой, испугавшись, что стражник проснется, и крепко сжала ее руку. Тем временем Тод потянулся за ключами. Когда они звякнули, Эксия в страхе затаила дыхание.

— Что это? — опять спросила Беренгария, и Тод, нахмурившись, посмотрел на нее.

Эксия раздраженно дернула Беренгарию за руку, но увидев, что та открывает рот, чтобы заговорить, еле слышно прошептала:

— Стражник спит.

Обычным голосом, прозвучавшим в пустом помещении так же громко, как пушечный выстрел, Беренгария сказала:

— Но здесь никого нет, кроме нас. Эксиа подумала, что сейчас умрет от страха, и в ужасе посмотрела на стражника. Однако тот продолжал спать.

— Здесь никого нет, уверяю вас, — с некоторым раздражением повторила Беренгария.

Держа в руках ключи, Тод склонился к стражнику. Тот не двигался, даже его грудь не поднималась при дыхании. Калека медленно вытянул руку и ткнул стражника в плечо. Тот не шевельнулся, и Тод толкнул сильнее. Стражник повалился лицом вниз, и Эксиа испуганно подпрыгнула, когда его лоб ударился о стол.

Только когда Тод привалил тело мужчины к спинке стула, заметили рукоятку кинжала, торчавшую из груди. Кинжал был маленьким, но его воткнули именно туда, куда надо, и стражник умер мгновенно.

— Джеми! — воскликнула Эксиа, и цветы выпали из ее рук.

В следующую секунду она бросилась во мрак тоннеля.

Тод выдернул из кронштейна факел, схватил Беренгарию за руку и последовал за Эксией, скользя по влажному полу тоннеля.

Жуткая камера, в которой держали Джеми, была пуста, лишь окровавленная одежда свидетельствовала о том, что он находился там.

— Где он? — спросила Эксиа, как будто Тод и Беренгария могли знать ответ, и, выбежав из пещеры, исчезла во мраке тоннеля, уверенная, что Джеми не мог уйти далеко.

Она не сомневалась, что Джеми выбрал единственно возможный путь побега, через лабиринт, так как знал, что в доме появляться ему нельзя: ведь там много тех, кто знает его в лицо.

Тод и Беренгария побежали за ней, освещая себе дорогу факелом.

— Мы должны держаться вместе, — догнав ее, сказал Тод. — Ты?.. — Он замолчал, услышав шум у входа в тоннель.

— Он мертв! Принесите факелы! Немедленно найти его! — донеслись до них крики. — Смотрите! Свет!

Тод моментально швырнул факел в жижу, покрывавшую пол тоннеля, и их окутал мрак. Непроглядный мрак.

Чувствуя, что Тод и Эксиа колеблются, Беренгария решила взять инициативу в свои руки.

— Следуйте за мной, — приказала она, ощутив восторг от произнесенных только что слов.

Впервые в жизни ей довелось вести за собой беспомощных зрячих.

Стены тоннелей покрывала отвратительная слизь, а воздух был затхлым. Вскоре они поняли, что мрак таит в себе множество опасностей.

— Осторожнее, — прошептала Беренгария. — Здесь в полу провал. Не оступитесь.

— Откуда ты знаешь? — удивился Тод. Он шел, держа Беренгарию за руку и ведя за собой Эксию.

— Здесь безопаснее, чем у меня дома, когда отовсюду падали кинжалы и мечи моих братьев. А Джоби всегда считала, что проще передвинуть мебель, чем обойти ее.

Беренгария наслаждалась ощущением своей силы и значимости, она с готовностью несла ответственность за следовавших за нею людей. В эти минуты она не чувствовала себя обузой, потому что близкие нуждались в ее помощи.

Итак, ей предстоит вывести их из этого лабиринта.

Внезапно Беренгария остановилась и принялась.

— Что ты делаешь? — нетерпеливо прошипела Эксию, в мозгу которой билась единственная мысль: «Где же Джеми?»

— Хочу узнать, откуда пахнет солнцем, — прозвучал загадочный ответ. — Туда!

Тод дернул Эксию за руку, испугавшись, что у нее любопытство возобладает над страхом и она начнет расспрашивать Беренгарию о том, как той это удастся.

Эксию то и дело оглядывалась, проверяя, не преследуют ли их люди Оливера, однако царившую позади темноту не разрывал ни единый лучик света.

Тод и Эксию четко следовали указаниям Беренгарии, перебираясь через груды камней и земли и обходя провалы. Эксию подумала, что, если бы тоннели были освещены у она бы увидела, какие препятствия им предстоит преодолеть, то сочла бы их план невыполнимым.

— Стойте! — приказала Беренгария и резко остановилась. В этом месте тоннель расширился настолько, что Эксию могла вытянуть в стороны руки. — Здесь кто-то был.

— Джеми? — в надежде выдохнула Эксию.

— Не знаю, но чувствую, что здесь кто-то был.

— Ты определила по запаху? — спросила Эксию с таким неподдельным изумлением, что вызвала у Тода и Беренгарии смех.

Пока они смеялись, откуда-то выпрыгнул человек и приставил нож к горлу Тода.

— Одно слово — и тебе конец, — хрипло прошептал он в самое ухо Тоду.

— Джеми! — хором воскликнули девушки. В следующее мгновение Эксию бросилась на звук его голоса.

— Ад и пламя! — наконец оправился от потрясения Джеми и, прижав к груди Эксию, принялся с жаром целовать ее.

— Джеми, любимый, — шептала та. — Я думала, что умру без тебя. Как ты? Ты сильно ранен?

— Нет. Они... Ой! Ну, может, самую чуточку. — Он приник губами, к ее шее. — Ты будешь

ухаживать за мной?

— Я сделаю так, что тебе вновь захочется жить, — ответила Эксия, и они снова слились в страстном объятии, скрытые непроглядным мраком.

Стоявшие в нескольких футах от них Тод и Беренгария испытывали смешанные эмоции. Тод думал о том, что в течение многих лет они с Эксией были всем друг для друга, но сейчас их отношения изменились, причем бесповоротно. Беренгария же размышляла о том, что узнала с помощью своего необычного таланта: брат любит эту женщину, внезапно ворвавшуюся в их жизнь и перевернувшую все вверх дном. Она поняла, что Эксия не предпринимала никаких попыток обманом завлечь Джемми в свои сети, что ею двигала лишь самозабвенная любовь к нему. Когда Эксия сказала, что готова отдать жизнь, чтобы спасти Джемми, Беренгария не придавала ее словам особого значения, но сейчас она буквально кожей ощущала страх невестки за Джемми и ее настоятельную потребность быть с ним рядом.

Беренгария радовалась то, что ее дорогого брата любят именно той любовью, которую он заслуживает, но радость смешивалась с грустью, волной накатывавшей на нее. Впервые чувство одиночества стало таким острым. Джемми был для нее лучшим другом, к тому же он являлся единственным мужчиной, которого не волновала ее слепота.

Словно догадавшись, о чем думает Беренгария, Тод взял ее за руку и, наклонившись, прижался губами к ее губам.

— Ты не будешь одинока, — проговорил он. — Никогда, пока я жив.

— А теперь, чертенок, расскажи, что вы здесь делаете. Хотя я и так знаю. Тод, как ты посмел привести ее сюда? Ведь люди Оливера полны решимости заполучить деньги Мейденхолла. И ты допустил, чтобы Эксия...

— И я, — вмешалась Беренгария. Эксия, ощупывавшая мужа, чтобы определить, сильно ли он ранен, почувствовала, как он вздрогнул, когда услышал голос сестры, и догадалась, что его обуяла ярость.

— Нам нужна была ее помощь, — сказала она, чтобы предотвратить надвигающуюся бурю. — Она видит там, где слепы мы, зрячие.

— Ты поступил плохо, подвергнув опасности мою жену, но то, что ты привел сюда мою сестру... мою сестру, — поправился Джемми. — Тод, ты мне ответишь за это. Нельзя было вмешивать в это дело женщин. Особенно...

— Ну, давай, договаривай! — возмутилась Беренгария. — Ему не следовало брать с собой бесполезную слепую. Это ты хотел сказать, да?

— Я не только не сказал этого, но даже и не думал! Никому из вас не следовало приходить сюда.

— Мы пришли, чтобы спасти тебя, неблагодарный! — набросилась на него Эксия. — К твоему сведению, в этом мраке Беренгария не слепа. Она чувствует запах солнца.

Наступила тишина, и вдруг Джемми расхохотался.

— Ладно, признаю себя побежденным. Пошли! — Он двинулся вперед, но обнаружив, что никто за ним не последовал, повернулся и сказал: — Они будут искать нас. Надо поскорее найти

выход.

Эксия уперла руки в бока, хотя знала, что в темноте Джеми не увидит этого жеста.

— Беренгария видит лучше, чем ты, поэтому нас поведет она.

Именно в эту секунду Беренгария решила, что всем сердцем любит свою невестку, которая первая из всех живущих на Земле заявила, что она, Беренгария, способна хоть что-то делать лучше других. И она гордо вскинула голову — ведь, несмотря на слепоту, она остается Монтгомери!

— Сюда! — скомандовала она и двинулась не туда, куда указывал Джеми, а в противоположную сторону.

Джеми хватило здравого смысла предоставить главенствующую роль тому, кто может лучше справиться с задачей, и он пошел за остальными.

Беренгария уверенно вела их через лабиринт, казавшийся бесконечным. Однажды путь им преградил обвалившийся свод. Тод и Джеми вдвоем разгребли завал, запретив женщинам помогать им.

— Джеми ранен гораздо сильнее, чем говорит, — прошептала Беренгария, отпив из фляжки, которую они прихватили с собой. — У него кровотечение. Я чувствую запах крови.

Эксия вздохнула.

— Да, я тоже поняла это, когда дотронулась до него. Ты уверена, что мы идем к выходу?

— Конечно. Я могу...

— Беренгария! — перебила ее Эксия. — А ты могла бы почувствовать запах солнца ночью? Та усмехнулась.

— Я чувствую запах не самого солнца, а земли, нагретой солнцем. И запах растений, питающихся от солнца. И запах свежего воздуха. Для меня совершенно очевидно, куда идти. Разве ты сама не чувствуешь?

— Ни капельки. А ты смогла бы найти дорогу к началу лабиринта?

— Естественно, — ответила Беренгария, прислушиваясь к тому, как работают мужчины. — Мой брат Эдвард довольно часто уводил меня в лес на многие мили и оставлял там, чтобы я искала дорогу назад. Он утверждал, что, если собаки способны на это, то и я должна научиться. В первый раз я думала, что буду стоять и ждать, когда меня найдут, а если меня не найдут, то умру. И тут я вспомнила, что на ужин у нас будет клубника.

— Только не говори мне, что ты унюхала аромат клубники и пошла на запах!

Беренгария негромко рассмеялась. Мужчины замерли на мгновение, привлеченные ее смехом, но женщины не посчитали нужным объяснить им причину своего веселья.

— Нет, — ответила девушка. — Доверившись своему чутью, я спотыкаясь брела по лесу.

Эксия не успела задать следующий вопрос, так как Джеми объявил, что путь свободен.

Час спустя они наткнулись на еще одно препятствие: тоннель был перегорожен стеной из переплетенных корней.

— Перерубите корни в этом месте, — велела Беренгария. — Осталось недолго. Она оказалась права.

— Я вижу свет! — вскоре воскликнул Джеми. Тод и Эксиа возликовали, а Беренгарии стало грустно. Она знала, что при свете дня ей придется отказаться от главенствующей роли и отойти на второй план, вновь превратившись в бесполезную калеку.

С помощью ножа, который он спрятал от дружинников за голенищем сапога, Джеми перерубил корни и вышел в лес недалеко от дома Генри Оливера. Внезапно краем глаза он заметил какое-то движение и скомандовал Тоду, Эксию и Беренгарии, все еще остававшимся под сводами тоннеля:

— Тихо!

Пригнувшись, Джеми бежал между деревьев. Толстый ковер из опавших листьев и хвои заглушал его шаги. После мрака лабиринта бледный утренний свет ослепил его, и он часто моргал, чтобы дать привыкнуть глазам. Однако он не сомневался в том, что действительно видел, как что-то промелькнуло вдаль, что это не было обманом зрения.

Наконец он приблизился к дереву, из-за которого выглядывал край чьей-то одежды, и, прыгнув на незнакомца, подмял его под себя. К своей радости, он обнаружил, что это подросток.

— Здравствуй, большой братец, — весело приветствовала его Джоби. — Ты что, ночевал в свинарнике?

С облегчением откатившись в сторону, Джеми сел и потер глаза. Он не ел несколько дней, почти не пил, у него болела спина после порки кнутом, к тому же ему пришлось провести ночь в вонючей и сырой пещере в подземелье. Да, неудивительно, что он так оплошал.

— Давай позовем остальных, — сказал он и, морщась от боли, поднялся на ноги, затем бросил взгляд на мешок, который Джоби закинула за спину. — Неужели там еда?

— Два цыпленка, четыре пирожка с вишнями и несколько молодых морковок. — Девочка с улыбкой хлопала ладонью по мешку.

— Сырых, верно? — лукаво посмотрев на нее, поинтересовался Джеми.

— Свежих, — поправила его Джоби, отворачиваясь, чтобы Джеми не увидел ее лица.

Девочку потрясло, как он выглядит: грязный, в запекшейся крови.

— А кто научил тебя ловить чужих кур и воровать пироги? — возмущенно осведомился он, но радость видеть сестренку мгновенно заглушила гнев. — Надеюсь, цыпленка и пирожки ты завернула отдельно?

— Что за пирог без нескольких кусков курятины... — Взглянув на Джеми, Джоби поняла, что не стоит заканчивать предложение. — Что ты сделал с Беренгарией и теми двумя?

Не ответив, Джеми зашагал к выходу из лабиринта, где его ждали остальные. Джоби заметила, что он то и дело прикрывает глаза, и на его лице появляется болезненная гримаса.

— Пошли, — бросил он своей младшей сестре, и та покорно последовала за ним.

Глава 28

Солнце уже приблизилось к горизонту, когда пятеро людей, усыпленные тишиной и прохладой леса, проснулись. Они решили дождаться ночи, чтобы бежать из поместья Оливера. Дважды они слышали отдаленный стук копыт, свидетельствовавший о том, что их ищут. Зная, что вот-вот должны прибыть на помощь его кузены, от которых он получил весточку еще до того, как его бросили в подземелье, Джеми начал было настаивать на том, чтобы тронуться в путь немедленно. Но Эксиа, Джоби и Тод, разглядевшие его раны при свете дня, и чувствующая состояние брата Беренгария не поддержали его.

Эксиа, которой еще дома было известно, что Джеми секли кнутом, прихватила с собой лечебную мазь. Когда все расположились под деревом, она заставила мужа лечь на живот и принялась втирать ее в открытые раны.

И вот сейчас, несколько часов спустя после блуждания по темному лабиринту, после непродолжительного сна, немного восстановившего их силы, они готовились к последнему этапу своего предприятия. Им предстояло ждать еще часа два.

Эксию беспокоило то, что Джеми решит изобразить из себя героя и в одиночку отправится на поиски Оливера. Она понимала, что лишь страшная усталость заставила его поспать. Отдохнув, он вновь сгорал от нетерпения.

— Ты действительно ощущаешь запах всего? — обратилась Эксиа к Беренгарию, стараясь отвлечься от тревожных мыслей. — Ты хоть представляешь, как ценен твой дар? Я не раз пробовала изготовить такие же духи, как у французов. Для того чтобы сделать духи с ароматом фиалок, мало высушить пучок цветов. Чтобы получить желаемый аромат, нужно смешивать несколько видов трав, потому что сухие они пахнут не так, как свежие.

— Например, вербена пахнет лимоном гораздо сильнее, чем сам лимон, верно?

— Абсолютно. Я провела несколько экспериментов, но меня подвел мой нюх: смешав пять или шесть трав, я уже не могла отличить вонь грязных носков от аромата роз. Но если бы у меня был твой нос...

— Моя сестра способна одновременно различать ароматы ста растений, — заявила Джоби, продолжавшая считать, что Беренгария предала ее.

«Что произошло в подземелье? — спрашивала себя девочка. — Почему вдруг она так сблизилась с Эксией и смеется каждому ее слову?»

Эксиа нарвала различных цветов и трав и, дав их понюхать Беренгарию, обнаружила, что Джоби сказала правду. Действительно, золотка даже может по запаху отличить одно дерево от другого.

— Потрясающе! Просто потрясающе! С твоей помощью я могла бы делать огромные деньги.

— Мы не собираемся сажать нашу сестру в лавку, чтобы люди таращились на нее, — отрезала Джоби.

— Таращились на нее? А, ты имеешь в виду, что она так красива?

— Нет, потому что она слепая.

— А кому какое дело до ее слепоты, если у нее такой нос?

— Что?! — задохнулась от негодования Джоби. Эксиа уже сожалела о своих словах.

— Прости, я не хотела показаться невежливой. Просто я на минуту забыла, что она слепая. Это выскочило у меня из головы.

Джоби собралась было что-то сказать, но Беренгария перебила ее:

— Жаль, что все помнят о моей слепоте. Как бы мне хотелось быть чем-то полезной, а не обузой.

— Обузой? — удивленно переспросила Эксиа. — Да с твоими способностями мы с тобой могли бы сколотить целое состояние! — Поднявшись, она увидела, что взгляды остальных устремлены на нее, и радостно подумала о том, что ей удалось хоть ненадолго отвлечь всех от тревог. — Мы бы изготовили восхитительные духи. И назвали бы их «Елизавета», а Джеми преподнес бы их королеве. — Девушка заметила, что муж нахмурился, но ничто уже не могло остановить ее. — Лишь ему под силу убедить королеву в том, что ей подходит именно этот аромат. И мы будем изготавливать духи только для нее, она велит своим придворным дарить их ей огромными бутылками и запретит кому-либо еще душиться ими. — Эксиа обратила внимание на то, что Тод улыбается, а со лба Джеми исчезли морщины. — А потом мы займемся другими ароматами для дам. Все при дворе сойдут с ума, лишь бы заполучить собственный аромат.

Беренгария рассмеялась:

— Мы поручим Джеми обнюхивать всех придворных дам и говорить, какой запах им подходит — фиалок или жасмина.

Молчавшая до сих пор Джоби не выдержала. Придав своему лицу такое выражение, какое бывало у Джеми, когда он о чем-то размышлял, она сделала вид, будто нюхает руку дамы.

— Да, да, — задумчиво произнесла она. — Вы — пышущая здоровьем зрелая красавица, вы напоминаете... ах да, мускусную розу. А вы, — девочка изобразила, как взяла за руку другую даму, — а вы сладки, как фиалка. — Внезапно она стала серьезной. — Мы должны дать ему список всех ароматов, и он в момент распродаст их.

— Верно, — согласилась Беренгария. — Полагаю, нам надо заранее распределить ароматы между дамами, чтобы он не ошибся, когда окажется при дворе. Мужчины плохо разбираются в этих вещах. Он может все перепутать и убедить маленькую хрупкую женщину, будто ей подходит запах лилий, а рослую и широкоплечую тетю-лошадь — в том, что от нее должно пахнуть утренней росой.

— Ну, это зависит от того, какой женщина видит себя, — заметила Эксиа. — А что думаешь ты, Джеми?

— Для меня большая честь, что вы трое наконец-то вспомнили о моем присутствии, прекратили обсуждать мои действия и мой характер без моего участия и решили спросить меня самого. — Он мило улыбнулся. — Я не намерен выполнять то, что вы задумали. Я не собираюсь тратить жизнь на то, чтобы целовать дамам руки и говорить им, как они... как они пахнут.

Эксия сникла, но спустя минуту востепенулась, потому что ей в голову пришла отличная идея.

— Да! Полагаю, что слепая красавица, создатель духов, лучше подойдет для этой роли!

— Я? — изумилась Беренгария, считавшая, что невестка просто шутит, но теперь усомнившаяся в этом. — При дворе? Голос Эксии звенел от возбуждения.

— Ты сидела бы в обитом бархатом кресле, а женщины по очереди подходили к тебе. Ты брала бы их за руку, задавала пару вопросов и объявляла, какой аромат им подходит.

— Нельзя, чтобы Беренгария... — заговорил Джеми. Но Джоби перебила его:

— А мужчины? Не забывай, что мужчинам тоже захочется иметь собственный аромат. Чем, по твоему, может пахнуть от мужчины по имени Ричард? Грубостью и богатством?

Беренгария весело засмеялась.

— А как должны пахнуть духи с названием «Генри Оливер»?

— Конским потом! — объявила Джоби, и все расхохотались. Даже губы Джеми тронула слабая улыбка, которая только вдохновила девочку. Она напыжилась, расправила плечи и, засунув большие пальцы рук за пройму жилета, принялась вышагивать перед зрителями. — Я мужчина! — заявила она. — Мне нужно то, что отражало бы мою мужественность, чтобы всем стало ясно: я настоящий мужчина.

Сделав вид, будто несет в руках флакон, Эксия приблизилась к золовке.

— О храбрый герой, вот духи. у которых самый что ни на есть мужской запах.

— Не нужны мне цветы! — низким голосом произнесла Джоби. — Я должен защищать свои... свои лучшие части тела, если ты догадываешься, что я имею в виду, девчонка.

— О да, сэр, — ответила Эксия, кокетливо прикрыв глаза, — и я вижу, что эти части вашего тела действительно прекрасны. Возьмите духи, вы сразу поймете, что мы использовали множество компонентов при их изготовлении.

— Цветы? — сердито осведомилась Джоби.

— О нет, ни в коем случае. Ну, может только один цветочек.

— Никаких цветов! Соображаешь, детка? Я мужчина, и мне не нужны цветы! Я уйду.

— Сэр, — воскликнула Эксия, обращаясь к спине Джоби, — но ведь это цветы сгнившей капусты. Своды леса огласил веселый смех.

— А что еще там есть? — остановившись и повернувшись, с подозрением спросила Джоби.

— Зубцы от пилы. — Джоби не смогла удержаться от улыбки и на мгновение забыла о своей роли. Привыкшая быть в центре внимания и своей игрой веселить зрителей, она с удивлением обнаружила, что Эксия не уступает ей в этой способности. — Зубцы от старой ржавой пилы. А еще сломанные мечи и грязь, собранная там, где умирали мужчины — сраженные в битве, естественно.

— Естественно, — важно согласилась Джоби.

— А в качестве основы мы использовали конский навоз.

— Этого достаточно, большего и не нужно.

— Но... — Эксиа огляделась с таким видом, будто проверяла, не подслушивают ли ее. — Специально для вас мы добавили еще один компонент.

— И какой же? — так же шепотом осведомилась Джоби.

— Ногтевой джем. Он приготовлен из того, что мы вынули из-под ногтей на ногах у огромного турка. Он ни разу в жизни не мылся.

— Я беру ваши духи! — объявила Джоби, перекрикивая всеобщий смех. — За них я даю вам шесть замков и двести акров земли. Достаточно?

— Нам нужно триста акров.

— Они ваши.

— Тогда я...

— Тихо! — вдруг воскликнул Джеми и, вскочив, бросился к ближайшим зарослям.

Знаком дав всем понять, чтобы они затаились в высокой траве, — Тод прижал к себе Беренгарию, стремясь защитить ее от возможного врага, — он пристально вглядывался в даль.

Прошла минута, прежде чем Джеми повернулся к распластавшейся на земле Эксиа.

— Это твоя кухня, — удивленно сказал он. — По тому, как сверкает ее платье, я узнал бы Франческу везде.

Еще не веря в такую удачу, Эксиа выглянула из-за поваленного дерева и увидела Франческу, не спеша направляющуюся к ним с таким видом, будто ей принадлежал весь мир.

Вскочив на ноги, Эксиа бросилась к кухне, но замерла на полдороге. Внешне Франческа ничуть не изменилась, несмотря на то, что ей пришлось испытать, однако она стала другой. «Как Тод», — подумала девушка.

— Ну? — осведомилась Франческа. — Разве вы не рады видеть меня?

С этими словами она распахнула объятия и прижала ринувшуюся к ней Эксию к груди. К своему изумлению, Эксиа и в самом деле была рада видеть ее.

К ним уже успел подбежать Джеми, которого так и подмывало засыпать Франческу вопросами, но та отказалась что-либо рассказывать до тех пор, пока не поест. Ее заявление о том, что она спрятала поблизости котомку с едой, сразило Джеми наповал.

— Что тебя так удивило, Эксиа? — засмеялась она, когда Джеми отправился к тайнику. — Как, по-твоему, моя семья добывала себе еду, прежде чем получила доступ к деньгам Мейденхолла?

— Я... я не знаю.

— Воровством, вот как. К четырем годам я достигла вершин в воровстве кур, а яйца я таскала чуть ли не из-под несущек. — Считая разговор оконченным, Франческа прошла к остальным.

Эксия посмотрела ей вслед, ошарашенная услышанным потому, что за долгие годы кузина ей уши прожужжала о том, что ее родственники — добрейшие и честнейшие люди на Земле. Наконец она пришла в себя и двинулась вслед за Франческой.

Час спустя, когда был приготовлен ужин — причем не кем-нибудь, а Франческой! — все собрались вокруг красавицы, чтобы узнать, как ей удалось сбежать.

Эксией владели странные чувства. Ей казалось, что все, кого она когда-либо знала, изменились. Ее дорогой Тод, всегда бросавший на нее восторженные взгляды, теперь с любовью смотрел на Беренгарию. А беспомощная Франческа сбежала из каменной башни и поджарила на костре яйца и бекон с такой легкостью, как будто всю, жизнь только этим и занималась. Эксия же всегда считала, что кузина не способна даже на то, чтобы завязать шнурки у башмаков, не говоря уже о том, чтобы приготовить себе еду.

Но не только это удивило Эксию. Франческа и вела себя по-другому. Видимо, она почувствовала себя уверенно, решила девушка. В каждом движении кузины сквозила непоколебимая уверенность в своих силах.

— Рассказывай, — попросила Джоби, растянувшись на траве. Она смотрела на Франческу, недоумевая, как Джеми мог променять такую красавицу на Эксию. Хотя с Эксией очень весело и... Может, она не так уж плоха? — Расскажи, как тебе удалось сбежать, — повторила она.

— Я нарисовала на стенах двери, — с улыбкой ответила Франческа, выжидательно глядя на присутствующих.

К ее удивлению, на их лицах не отразились никакие эмоции.

Вдруг Тод начал смеяться.

— Как Эксия, — заключил он.

Франческа повернула к нему голову, и они обменялись странными взглядами, насторожившими Эксию. Создавалось впечатление, будто эти двое что-то скрывают.

Франческа знаком предложила Тоду объяснить всем, что он имеет в виду.

— Именно так подшутила над нами Эксия, когда ей было двенадцать. Взяв себе в помощь целый отряд работников, она трудилась всю ночь, а к утру везде были приоткрытые двери — высокие и низкие. И даже несколько мышиных норок.

— А еще несколько окон, — добавила Франческа.

— Кухарка очень любила выпить и из-за Эксии едва не помешалась, потому что в течение нескольких дней пыталась войти в открытые двери и наткнулась на стену.

Тот случай напомнил Эксии о том, как она разрисовала маргаритками спальню Франчески. Но ей не хотелось, чтобы Тод и Франческа рассказывали об этом, особенно после того, что произошло, когда Джеми надел на кузину плащ, отделанный злополучными цветами.

— Так как же ты выбралась? — спросила она, надеясь тем самым помешать Тоду и Франческе предаваться воспоминаниям о детских проказах.

— Я задала себе вопрос: что сделала бы Эксия на моем месте? Так я и поступила, — гордо

объявила Франческа и, поглядев на Джеми, добавила: — Вам известно, что Эксиа очень сообразительна.

У Эксиа от изумления отвисла челюсть. Она бы прокомментировала слова кузины, если бы не была так уверена, что близится конец света.

— Я начну сначала, — рассказывала Франческа. — Первое время все шло прекрасно. Генри был добр ко мне, потому что единственная его цель заключалась в том, чтобы жениться на сестре Джеми. Он планировал обменять меня на нее. Но потом приехал его брат и заявил: «Генри, у тебя в руках наследница Мейденхолла, а ты собираешься обменять ее на ту, у которой нет денег даже на то, чтобы залатать собственную крышу?» Он убедил Генри, что тот должен сам жениться на мне и что меня следует до свадьбы держать в башне.

Франческа вздохнула и обвела глазами присутствующих. Обычно ни чья-либо красота, ни чья-либо захватывающая история, — а тем более история, рассказанная ею, Франческой, — не могли соперничать с живостью и жизнерадостностью Эксиа. Но сейчас центром внимания наконец-то стала она сама. Девушка с грустью напомнила себе, что ее звездный час скоро кончится — как только выяснится, что она не является наследницей Мейденхолла. Несмотря на все опасности, выпавшие на ее долю, роль наследницы понравилась ей в той же степени, в какой Эксиа ненавидела ее.

— Я прилагала все усилия, чтобы расположить к себе Генри, — продолжила она. — Я сказала ему, что сама разрисовала фургон. О, я так испугалась, когда обнаружила, что он не тот, кого Эксиа... э-э... — Франческа встревоженно взглянула на Джеми.

— Он знает, — проговорила Эксиа.

— Как бы то ни было, Генри решил, что я лучший художник на свете. Я надеялась, что мне не придется доказывать это. А потом он запер меня в башне. То, что я попросила принести мне краски, выглядело вполне естественно. Мне было страшно и очень одиноко. Ко мне никого не пускали, только Тоду разрешили дважды навестить меня, чтобы я не падала духом. Если бы не он, я бы... — Франческа отвела глаза и покраснела.

Эксиа в ужасе переводила взгляд с кузины на Тода и обратно. Когда же она посмотрела на Беренгарию, то увидела, что губы золовки сжались в тонкую линию.

— Я много думала над тем, как убежать, но ничего не приходило в голову. К тому же Генри сам носил мне еду. Возможно, мне бы удалось склонить на свою сторону другого мужчину, но только не Генри. — Замолчав, Франческа улыбнулась. — Потом я подумала: «А что сделала бы Эксиа?» И вспомнила, как она нарисовала двери. Тогда я попросила Генри купить мне пигментов, чтобы намешать краски. Я так часто видела, как это делает Эксиа. За ночь я нарисовала на стенах своей комнаты три двери и одно окно с птичкой на подоконнике. — Она устремила гордый взгляд на Эксию. — А из окна был виден луг, заросший маргаритками. Для меня не составило труда изобразить их, — добавила она, улыбнувшись зардевшейся кузине. — Настоящую же дверь я закрасила под каменную стену. Я знаю: Господь не наделил меня талантом художника, — как бы извиняясь перед Эксией, проговорила Франческа, — но я надеялась, что мне удастся одурачить Генри, у которого слабое зрение.

— И вам действительно удалось, — заметил Джеми. — Я не решался бежать через подземные тоннели из страха за вас. А потом я подслушал разговор двух дружинников. Они говорили о том, что Франческа исчезла, и из их слов я понял, что ее исчезновение окутано тайной. Благодаря своему дару убеждения мне удалось вытянуть из дружинника, что же произошло на

самом деле. Генри Оливер открыл дверь в комнату Франчески и увидел, что его пленница лежит без движения. Встревожившись, он приблизился к кровати. Прятавшаяся в углу Франческа выскользнула в коридор и заперла за собой дверь. Оливер несколько часов метался по комнате, пытаясь открыть нарисованные двери и окно. Честно говоря, потом он признался, что впервые видел такое чудо и совсем не расстроился, когда Франческа исчезла. — Он подмигнул Эксию. — Оливер клялся, что даже чувствовал запах маргариток.

Но Эксию не улыбнулась в ответ. У нее не вызывало сомнений то, что причиной пытки, которой подвергли Джеми, был побег Франчески.

— Уверена, что, в отличие от Генри, его брат не пришел в восторг, — заметила она.

— Верно, — согласился Джеми, — его брат буквально взбесился.

Он с любовью посмотрел на жену, стараясь взглядом передать ей то, о чем не успел поведать до сих пор. Сидя в подземелье, он понял, что так и не сказал Эксию, как сильно любит ее. Все это время он думал только о ней, о том, как много она значит для него. И сейчас он разрывался между благодарностью к ней за то, что она, рискуя жизнью, бросилась спасти его, и желанием убить ее за то, что она подвергала себя опасности.

«Сегодня, — напомнил он себе. — Сегодня я сожму ее в объятиях, мы будем одни, и я расскажу ей о своих чувствах».

— Стемнело, — объявил Джеми, вставая. — Полагаю, нам пора отправляться домой.

Франческа мгновенно вскочила и принялась собирать вещи. Эксию наблюдала за ней в полном изумлении. До похищения кухня не считала нужным даже пальцем пошевелить, чтобы помочь. Более того, она всегда казалась беспомощной и вообще не способной на что-либо.

— Не понимаю, — негромко произнесла Эксию, когда они с Франческой оказались в некотором отдалении от остальных.

— Что ты не понимаешь?

— Как?.. — Эксию с трудом подбирала нужные слова. — Франческа, я в жизни не встречала более беспомощного человека, чем ты. Как же тебе удалось сбежать? К тому же ты накормила всех нас и...

Смех кухни заставил ее замолчать.

— Я вовсе не беспомощна.

— Но ты... Ты...

Франческа пристально посмотрела в глаза Эксию.

— Я притворялась беспомощной, потому что так было нужно тебе. Тебе нравятся беспомощные люди.

— Что?! — В голосе Эксию недоверие смешивалось с гневом.

— Эксию, ты всегда боялась, что тебя никто не полюбит просто так, такой, какая ты есть. Даже о тех, кто испытывал к тебе истинные чувства, ты думала, будто они любят тебя за деньги отца. Я была ребенком, когда приехала в поместье, однако уже успела пройти через столько ужасов,

сколько и не выпадет на долю другого за всю жизнь. И я решила, что буду такой, какой ты хочешь меня видеть, лишь бы меня не вернули к моему отцу.

— И ты сделала вывод, будто мне нужно, чтобы ты была беспомощной, — саркастически заметила Эксия.

— Именно так. Ты должна чувствовать себя «полезной», как ты это называешь. Ты всегда стремилась доказать людям, что стоишь больше, чем деньги твоего отца. И ты действительно доказывала это, трудясь с утра до ночи. Пожалуйста, пойми меня правильно: ты так преуспела в том, чтобы быть полезной, что заставляешь всех вокруг чувствовать себя бесполезными. И в конечном итоге получается, что проще сидеть сложа руки и предоставить все делать тебе.

Возмущенная до глубины души, Эксия не сразу обрела дар речи.

— Значит, это я виновата в том, что ты тянула из меня деньги все годы? Ты вынуждала меня платить тебе чуть ли не за воздух, которым я дышу.

— Верно, — жизнерадостно согласилась Франческа, — и я сохранила все до последнего пенса. Эксия, ты действительно обладаешь потрясающей способностью делать деньги. Уверена, из тебя выйдет великолепная жена для Джеми. Его слепая сестра и эта девчонка-сорванец буквально созданы для того, чтобы ты могла реализовать свое стремление быть полезной. — Она улыбнулась. — Уверена, благодаря тебе в скором времени они будут купаться в деньгах. Ты найдешь способ добывать деньги из воздуха точно так же, как твой отец.

Минуту Эксия молчала, не в силах осознать услышанное.

— Все изменилось, — наконец прошептала она. — И ты. И Тод.

— Да, — подтвердила Франческа, бросив быстрый взгляд на Тода, который помогал Беренгарию отряхивать юбку. — Тод намеренно унижался перед Оливером, издеваясь над собственным телом и лицом. Жутко было слышать, что он говорит, а смотреть было еще ужаснее. — Она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. — Он делал это ради меня. Я всегда считала, что он ненавидит меня или, скорее, что я ему безразлична. Но оказалось... — Она вновь оглянулась на калеку.

— Он другой, — сказала Эксия. — Не могу определить, что именно, но что-то в нем точно изменилось. И ты другая. Что произошло? Почему вы оба так сильно изменились?

— Эксия, — тревожно зашептала Франческа, схватив кузину за локоть. — Я должна кое-что сказать тебе. Это очень важно. Ты должна узнать это, прежде...

Но она так и не закончила, потому что к ним подбежала Джоби, которую Джеми несколько минут назад послал на разведку, услышав стук множества копыт и надеясь, что едут люди его кузенов.

— Это сам Мейденхолл! — восторженно объявила она. — Вот он идет! За своей дочерью!

Эксия и Франческа замерли, словно громом пораженные. Прижавшись друг к другу, они устремили взгляды туда, куда указывала Джоби.

Из-за деревьев вышел мужчина, которого ни одна из девушек никогда не видела, но которого обе хорошо знали. За годы своего заточения Эксия пристрастно расспрашивала всех, кто приезжал поместью по поручению Мейденхолла, о том, как выглядит ее отец. Основываясь на

их описаниях, она нарисовала несметное множество его портретов, причем не только углем, карандашом или акварелью, но и маслом.

И вот сейчас к ней направлялся худощавый мужчина маленького роста, со свисающими до плеч жидкими седыми волосами, одетый в потертую тунику из черной шерсти. Однако ни у кого не возникло сомнения, что это — Перкин Мейденхолл, богатейший человек в Англии!

Он безошибочно определил, кто из девушек его дочь, и приблизился к Эксию.

— Итак, дочка, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Его взгляд был холоден, а в голосе слышался едва сдерживаемый гнев.

Глава 29

Видя, что и Эксию, и Франческа молчат, Перкин Мейденхолл бросил «пошли, дочка» и, уверенный, что та послушно последует за ним, повернулся к своим дружинникам, которые уже успели окружить плотным кольцом лагерь.

— Полагаю, вы ошибаетесь, — с некоторым удивлением произнес Джеми и обнял Эксию за плечи. — Это не ваша дочь.

Мейденхолл посмотрел на Джеми так, будто только что увидел его. Джеми мгновенно ощутил на себе действие его взгляда: темные, похожие на черные стекляшки глаза этого низкорослого мужчины будто буравили его насквозь. Молодой человек сразу догадался, почему Мейденхолл славится тем, что ни один партнер не посмел обмануть его.

— Ты утверждаешь, что я не знаю собственную дочь?

Джеми только сильнее сжал плечи Эксию.

— Эта женщина моя жена.

Мейденхолл закинул голову и издал отвратительный, похожий на скрежет ржавого железа звук, который следовало понимать как смех и который свидетельствовал о том, что этот человек вообще не привык смеяться.

— И что, по-твоему, ты сделал? Женился на наследнице Мейденхолла? Ты? Бедный Джеймс Монтгомери? Джеймс Безземельный — вот как нужно тебя называть.

Рука Джеми бессознательно потянулась к мечу — и в то же мгновение триста дружинников — и пеших, и конных — одновременно выхватили мечи из ножен и направили их на молодого человека.

— Пожалуйста, — взмолилась Эксию, вывернувшись из-под руки Джеми. — Я должна поговорить со своим отцом.

— С твоим?.. — ошеломленно переспросил Джеми, лицо которого в одну секунду переменялось. — Понятно, — процедил он. — Так вот в чем заключается твоя великая тайна. По-твоему, мое отношение к тебе изменилось бы, если бы я узнал о твоём баснословном богатстве? Ты считаешь меня настолько корыстным? Вот какого ты мнения обо мне?

Но вместо Эксию ответил Мейденхолл:

— А разве ты не этого хотел? Сначала ты ухаживал за бедной кузиной Франческой, а потом переключил свое внимание на мою дочь. — Он посмотрел на Эксию. — Ты никогда не спрашивала себя, почему он это сделал? Почему он прекратил увиваться вокруг такой красавицы, как Франческа, и заинтересовался такой невзрачной простушкой, как ты?

Девушке показалось, что отец прочел ее мысли — ведь она довольно часто задавалась тем же вопросом.

— Не знаю, на что вы намекаете... — начал Джеми, но Мейденхолл перебил его.

— Я утверждаю, милорд, — с насмешкой проговорил он, — что вы каким-то образом выяснили, в какую игру играют эти две глупые девчонки, и сразу же переметнулись к той, которая является моей наследницей.

— Я не... — попытался оправдаться Джеми, но, заглянув в глаза Эксии, понял, что она поверила своему отцу. Во всяком случае, тот посеял в ее душе сомнение.

Он гордо расправил плечи и сделал шаг назад от девушки.

Наконец Эксию нашла в себе силы произнести:

— Я хочу поговорить со своим отцом наедине.

— Да, — сердито бросил Джеми. — Так как ты действительно являешься дочерью великого Мейденхолла, тебе обязательно нужно поговорить с ним.

— Джеми, — пролепетала она, кладя руку ему на локоть.

Но Джеми резко повернулся и пошел прочь. Эксию и ее отец уединились за деревьями. Перкин Мейденхолл отличался таким маленьким ростом, что его глаза оказались на уровне глаз дочери. — Что ты хочешь? — холодно осведомилась девушка. Всю свою жизнь она мечтала о встрече с отцом и всеми силами старалась угодить ему. И вот сейчас он стоит перед ней, но в его взгляде нет ничего. Ничего, кроме денег. Франческа была права, когда заявляла: отец никогда не виделся с ней, потому что не находил способа сделать на дочери деньги — до настоящего времени.

Холодный тон Эксии вызвал у Мейденхолла некое подобие улыбки.

— Я слышал, что ты похожа на меня, и теперь я сам убедился в этом.

— Не надо оскорблять меня, — сказала Эксию. — Поговорим о деньгах. О каких суммах идет речь?

— Я заключил договор с Болингброком, — не колеблясь ответил Мейденхолл. — Это большая честь для тебя.

— Я перестала быть качественным товаром. Я же не девственница, поэтому не стою прежней суммы.

— Это не имеет значения, потому что сын Болингброка импотент. Если ты окажешься беременной, я выставлю ему еще один счет за то, что обеспечил его наследником. — Эксию побледнела, потрясенная тем, с каким хладнокровием отец говорит об этом. — В чем дело, дочка? Ты не веришь тому, что слышала обо мне? Ты считала меня добряком, который возится

с собаками и обожает маленьких детей?

Эксия действительно надеялась на то, что он будет добр с ней, со своим единственным ребенком. Теперь же она поняла, что этот человек никогда никого не любил. Редко ей встречались люди с таким тяжелым и бесстрастным взором.

Заставив себя собраться с мыслями, девушка выпрямилась. Если ей не избежать этого испытания, следовательно, нужно воспользоваться всеми теми качествами, которые она унаследовала от него.

— Я обвенчана с ним. Мейденхолл глухо хмыкнул.

— Была, — поправил он ее, — потому что мне не потребовалось почти никаких усилий, чтобы аннулировать этот брак. У тебя не было моего разрешения; ты выдавала себя за другую, когда выходила за него. — Его глаза блеснули. — Если хочешь, проверь: лист с записью о вашем браке таинственно исчез из церковной книги, а священник спешно отправился во Францию. Думаю, тебе будет очень сложно доказать, что вас когда-либо венчали.

Эксии понадобилась целая минута, чтобы прийти в себя. Ей всегда удавалось заключать любую желаемую сделку — и когда она жила в поместье, и во время путешествия. Она не прилагала особых усилий, чтобы убедить людей в своей правоте. Но сейчас, глядя в бездушные глаза отца, она поняла, что перед ней равный противник.

Эксия набрала в грудь побольше воздуха.

— Что ты сделаешь с ним, если я не поеду с тобой? Мейденхолл снова засмеялся — тем же ржавым, скрежещущим смехом.

— Любовь, да, дочка? Я-то думал, что отлучил тебя от этого чувства. Я убрал из поместья всех, кого ты могла любить, кроме того калеки и девчонки, у которой под красивой оболочкой скрывается высушенное, как лист, сердце. — Он окинул девушку презрительным взглядом. — Признаться, ты разочаровала меня. Ты вбила себе в голову, будто влюбилась, причем в первого встреченного тобою красавчика. Мне было интересно, сможешь ли ты противостоять его обаянию.

— Он...

— Говори что хочешь, только не трогай его. Я не желаю слушать то, о чем ты просто не имеешь права говорить.

Мейденхолл усмехнулся, давая ей понять, как именно он относится к ее слабости.

— Я сломаю его. Он будет удостоен чести увидеть свои амбары сожженными, его скот будет валить таинственная болезнь. Он сам и его бесполезная семейка считают себя бедными, но когда я возьмусь за дело, они будут готовы, как свиньи, жрать отбросы.

Эксия сжала руки в кулаки.

— Это обойдется тебе очень дорого. А что ты сделаешь, если я поеду с тобой?

Впервые девушка увидела в глазах отца нечто, напоминавшее эмоции. Она сказала себе, что ошиблась. В действительности же Мейденхолл был доволен ею.

— Я верну ему все, чем он владел.

— Он гордый, он не примет милостыню от тебя.

— Тогда я представлю все так, как будто ему неожиданно крупно повезло. Кто-то умрет и оставит ему в наследство землю. Когда он начнет молотить зерно, то обнаружит, что муки из-под жерновов выходит больше, чем засыпали зерна. Его овцы будут плодиться с невероятной скоростью.

— Понятно, — тихо произнесла Эксия и посмотрела туда, где собрались ее новые родственники.

Слепая сестра Джеми. Разве Беренгария сможет выйти замуж без приданого? Его младшая сестра, Джоби. Кажется, она сожалеет о том, что родилась девочкой. Придется много заплатить тому, кто согласится взять ее в жены. А Тод и Франческа?

Эксия видела, что Тод о чем-то беседует с Джеми, который стоит к ней спиной, что на лице Франчески отражается ужас, так как та понимает: сейчас решается и ее судьба.

Девушка знала, что у нее нет выбора. Если она уйдет к Джеми, то отец сотрет его в порошок.

— Я прощаюсь с ним, — прошептала она.

— И расскажешь, на какую благородную жертву идешь? — съязвил Мейденхолл. — Ты не подумала о том, что тогда он выхватит меч и ринется защищать тебя? Моим людям доставит огромное удовольствие проткнуть его насквозь.

— Верно, — согласилась Эксия, сообразив, что не может открыть Джеми правду. Опять она вынуждена лгать ему! Она подняла глаза на отца. — Он знал? Он знал, что я наследница?

— Он выяснил это в доме Лэклана Тивершема. Кто-то из его людей работал у меня, когда ты была маленькой. Ты не узнала того человека. — Мейденхолл многозначительно поднял бровь. — Разве не там Монтгомери начал ухаживать за тобой?

— Кажется, тебе известно очень много, — процедила сквозь плотно сжатые зубы Эксия.

Ей требовалось время, чтобы проанализировать услышанное и сопоставить факты. Действительно ли Джеми узнал, кто она? Неужели он уделял ей внимание лишь из-за этого?

— Информация помогает делать деньги. Ты знаешь, что все затеяли эти два демона, которых ты зовешь золотками? Они собрали всех жителей окрестных деревень и убедили их внести посильный вклад в то, чтобы сшить твоему любовнику роскошные одежды, дабы тот вернулся с золотом Мейденхолла. — Догадавшись по ее взгляду, что ей это известно, он прищурился. — Именно они заплатили Оливеру за то, чтобы он похитил тебя.

— Меня? — переспросила Эксия и усмехнулась. — Ты получил неверные сведения. Оливеру нужна была наследница.

— Нет, он должен был увезти тебя подальше от их братца и оставить его наедине с Франческой. Он писал о тебе в своих письмах домой, и они решили, будто ты пытаешься обманом соблазнить его и тем самым отвлечь от наследницы. — Чувствуя, что дочь все еще не верит ему, он спросил: — Они встретили тебя не очень-то радушно, не так ли?

Промолчав, Эксиа посмотрела на Джеми, который стоял, опершись одной ногой на поваленное дерево. Даже не видя его рук, она знала, что он вертит в пальцах кинжал — он всегда так делал, когда над чем-то размышлял. Девушка допускала, что он все знал и лгал ей, но не винила его за это. Он любит свою семью, которая крайне нуждается в нем. Движимый долгом, он предложил Франческе выйти за него замуж, но когда ему сказали, что настоящей наследницей является она, Эксиа...

Расправив плечи и гордо вскинув голову, Эксиа направилась к Джеми. Она догадывалась, что взгляды всех устремлены на нее. Неужели сестры Джеми действительно наняли Оливера, чтобы похитить ее? Неужели, они настолько наивны, что считают похищение невинной шалостью? Франческу могли ранить, даже убить. А спину Джеми исполосовали кнутом.

«Все ради денег, — думала девушка. — И ради гордости».

У этих бедных Монтгомери есть богатые родственники. Но они отказались от их помощи, решив, что тем самым унижают свое достоинство, и предпочли подвергнуть опасности жизнь женщины ради того, чтобы заполучить золото Мейденхолла.

И Джеми согласился действовать в соответствии с их планом.

Джеми не поворачивался, хотя Эксиа знала, что он слышит ее шаги. Тогда она встала перед ним, но он продолжал смотреть вниз.

— Ну как, вдоволь посмеялись надо мной? — осведомился он. — Бедный наивный Джеми. Вы с Франческой, должно быть, хохотали до упаду все это время. С того дня, когда я принял ее за наследницу и заявил, что не могу взять тебя с собой. Теперь я все понял. Лови момент! И в самом деле нельзя было упускать момент, если учесть, что тебе, такой богатой, предстоит выйти замуж за не менее состоятельного жениха. — Наконец он поднял на нее глаза. Его взгляд был таким же ледяным, как у отца Эксиа. — Тод утверждает, что тот, за кого ты выходишь, импотент. Значит, ты делала все возможное ради того, чтобы иметь ребенка, которого он не способен тебе дать. Верно?

Несмотря на то что каждое слово больно ранило Эксию, ей безумно хотелось прижаться к Джеми, обвить его шею руками и сказать, что она любит его и понимает, зачем он так поступил. Вдруг он поверит ей и простит ее? Но она сразу напомнила себе, что тогда он обязательно с мечом в руке бросится на дружинников отца, и в ее сознании возник образ мужа, истекающего кровью после многочисленных ран и шепчущего со слабой улыбкой: «Их было всего три сотни».

— Да, — выдавила она из себя, — верно. Я же говорила тебе, что наш брак просуществует недолго. Отец уничтожил все документы. Я уезжаю с ним.

Эксиа показалось, что взгляд Джеми смягчился, что он сейчас попросит ее остаться, но это длилось всего лишь мгновение: его лицо снова превратилось в непроницаемую маску.

— Надеюсь, ты делаешь это не из никому не нужного благородства.

Эксиа знала: достаточно одного ее слова и он будет сражаться за нее. До конца.

— О Джеми, — закинув голову и рассмеявшись, с наигранной беззаботностью сказала она, — ты такой забавный. Неужели ты действительно полагаешь, что я откажусь от наследства Мейденхолла ради брака с обедневшим графом? Посмотри на себя! Ради чего мне это делать? Ради твоего эксцентричного семейства, которое будет висеть у Меня на шее тяжелым грузом?

Ради твоей сумасшедшей матери, слепой сестры и подростка, который не может решить, кто он — мальчик или девочка? Разве какой-нибудь женщине захочется иметь такую жизнь? Все, чего я желала, — это интересно провести время, пока за мной не приедет отец.

— Да, — холодно произнес Джеми, — теперь я это вижу. Ты, должно быть, в душе хохотала над тем, что я говорил тебе, когда мы оставались наедине.

— О, я буду смаковать все это долгие годы. А сейчас извини меня, мне надо идти. Отец ждет меня. — Подобрал юбки, Эксия прошла прочь. — Поехали, Тод, — бросила она через плечо.

Но Тод, сжимавший руку Беренгарии, ответил:

— Я не поеду.

Эксия поняла: она теряет всех.

Остановившись, девушка вопросительно посмотрела на Франческу. Та сразу же взяла кузину за руку, и они, не оглядываясь, направились к Перкину Мейденхоллу, который ждал их с оседланными лошадьми.

Глава 30

Завтра должна состояться свадьба Эксии. Она понимала, что этот день станет самым несчастным в ее жизни, — нет, каждый раз поправляла она себя, самый несчастный день был три месяца назад, когда она в последний раз виделась с Джеми! — и не пыталась притворяться, будто с надеждой смотрит в будущее.

С того ужасного дня она несколько раз порывалась написать ему и объяснить, что двигало ею, однако страх останавливал ее.

«А вдруг он поверит мне?» — опять и опять задавалась она одним и тем же вопросом. А вдруг он поймет, что она любит его, и поверит, что их с Франческой затея была невинной шалостью?

Прижав руку к животу, Эксия поспешно опустилась на колени и склонилась над ночным горшком. Наверное, это уже тысячный приступ рвоты за сегодняшний день!

Очевидно, она догадывалась, что беременна, когда прощалась с Джеми. Очевидно, она подсознательно решила защитить своего нерожденного ребенка и мужа.

Верный своему слову, отец отложил ее бракосочетание с Грегори Болингброком до тех пор, пока не выяснится, носит ли его дочь в своем чреве ребенка. Когда же это стало известно, он поднял цену невесты.

«Продает собственного внука», — пробормотала Эксия, ставшая равнодушной ко всему, что происходило с ней, после того как рассталась с Джеми.

Женщины, которых нанял для нее отец, убеждали ее, что она будет жить как королева. И это была абсолютная правда. Ей больше никогда не придется экономить и урезывать себя в чем-то; она больше не будет целые дни проводить в сарае, пытаясь изготовить духи. Отныне ее будут окружать слуги, готовые исполнить любое желание. Ее будут одевать, раздевать, резать для нее мясо.

«А они будут за меня жевать?» — однажды поинтересовалась она.

Но никто не понял ее намека. Создавалось впечатление, будто все люди Земли стремятся к единственной цели — ничего не делать. Казалось невероятным, что у такой богачки, как она, может возникнуть желание стоять за прилавком фургона и торговать тканями — воспоминания о том случае были самыми приятными в ее жизни.

Но Эксиа старалась ни о чем не вспоминать, ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Ее уже предупредили, что ребенка заберут у нее сразу после родов и отдадут на воспитание другим.

«Лондон вреден для здоровья малыша», — сказали ей.

«Тогда почему я должна жить в Лондоне?» — осведомилась она, но никто не услышал сарказма в ее голосе и не понял ее гнева.

А гнев постепенно рос в ней. Почему Джеми не верил в нее? Почему он думал о ней только плохое? И действительно ли он знал, кто она? Правда ли то, что он ухаживал за ней только ради денег? Отец заявил, будто Джеми отказался бы от нее, если бы знал, что не получит золото Мейденхолла.

— Пора ложиться в постель, — прошептала миловидная женщина, приблизившись к Эксиа.

Все женщины, нанятые отцом, отличались привлекательной внешностью. Не такие красивые, как Франческа, они были гораздо симпатичнее Эксиа.

Вздыхнув и подняв руки, девушка позволила снять с себя тяжелое атласное платье, которое так затрудняло движения. На стене висело ее подвенечное платье — золотое, с золотым кружевом. Она не представляла, как сможет ходить, когда на плечи будет давить такая тяжесть.

Завтра она встретится с человеком, женой которого ей предстоит стать. За последние три месяца ни он сам, ни его отец не проявили ни малейшего желания взглянуть на невесту — ведь им нужны были деньги Мейденхолла, а не она сама.

Служанки откинули одеяла, и Эксиа забралась в свою постель. «Последняя ночь, когда я предоставлена сама себе», — подумала она, и на глаза навернулись слезы.

Но в эту ночь она не плакала. В эту ночь, когда она находилась одна в комнате при потушенных свечах, ее глаза оставались сухими и горячими. И в ее сознании звучало единственное слово: «Джеми».

«Джеми, где ты? Джеми, ты хоть иногда думаешь обо мне? Ты тоскуешь по мне так же, как я тоскую по тебе? Джеми, ты хоть чуточку любил меня?»

Была глубокая ночь, когда Эксиа заснула, но и во сне она беспокойно металась по постели, ей слышались странные звуки. Она просыпалась и снова забывалась в тяжелом кошмаре, в котором какие-то люди преследовали ее.

Однако кошмар не кончился с пробуждением, а переместился в реальность, потому что кто-то навалился на девушку и зажал ей рот рукой.

От страха и неожиданности Эксиа не сразу разобрала, что это Джеми. Но вместо успокоения она испытала еще больший страх — страх за его жизнь. Если отец застанет его здесь, то убьет не задумываясь.

— Молчи, — прошептал Джеми. Эксиа увидела кровь на его лице и на дублете. Через что он вынужден был пройти, чтобы добраться до нее?

— Я был во Франции и нашел викария, обвенчавшего нас, — продолжил он. — А еще я нашел свидетелей и церковную книгу. Бели хочешь, я могу доказать, что мы действительно женаты. — Он поколебался. — Но только если ты и в самом деле этого хочешь. Если же ты желаешь выйти за Болингброка...

Ему пришлось замолчать, потому что Эксиа, которой наконец-то удалось высвободить руки из-под одеяла, обняла его и припала к его губам поцелуем.

— У нас нет на это времени, — с трудом выговорил Джеми, не предпринимая однако попыток отстраниться от жены.

— Я не могу уйти с тобой, — сразу отпустив его, сказала Эксиа. — Мой отец...

— Ад и пламя — вот что нужно твоему отцу! — в ярости вскричал Джеми, и Эксиа, поспешно закрыв ладонью его рот, встревоженно посмотрела на дверь.

Джеми же тем временем принялся с жаром целовать ее руку.

— Отец лишит меня наследства, — прошептала девушка. — Он ничего мне не даст, а с тобой сделает что-нибудь ужасное. Ты не знаешь его.

— Я знаю, что он просто богач — он не король, распоряжающийся жизнью и смертью своих поданных. Эксиа, мне нужна ты, а не твои деньги.

Эксиа изумленно уставилась на него.

— А как же твоя семья?

— Мы переехали к кузенам Монтгомери.

— О Джеми, но ты же возражал против этого. Уверена, тебе не понравится жить у кого-нибудь из милости. Он нежно поцеловал ее.

— Я согласен на все, лишь бы быть с тобой. Я люблю тебя больше, чем свою гордость.

Эксиа поняла, что романтичность одержала верх в Джеми.

— Но твои сестры ненавидят меня. Они...

Губы Джеми помешали ей продолжить.

— Если они на кого-то и сердятся, так только на меня.

Все очень скучают по тебе.

В глазах девушки, вспомнившей, как Джоби и Беренгария организовывали ее похищение, появилось скептическое выражение.

— Многого произошло за эти месяцы, — догадавшись, о чем она думает, с улыбкой произнес Джеми. — Тод и Беренгария полюбили друг друга и хотят пожениться. Ты была права насчет него. Беренгария тоже утверждает, что в жизни не встречала более красивого человека. Она

уже пыталась изготовить духи, но говорит, что ей нужна твоя помощь.

Джеми понял, что Эксиа размышляет над сказанным. Его очень обрадовало, когда при слове «нужна» в ее глазах вспыхнул огонек.

— Джоби приводит в ярость мое присутствие в доме.

— Джоби хуже, чем всем — за исключением, естественно, меня. Как она заявляет, твоя любовь ко мне была настолько велика, что ты готова была отдать мне все наследство Мейденхолла. Она утверждает, что никогда не сможет так сильно полюбить мужчину. А ты? Ты и в самом деле любишь меня так сильно?

Эксиа глубоко вздохнула.

— Гораздо сильнее. Я люблю тебя... — Покачав головой, она попыталась отодвинуться. — Нет, ничего не получится. Отец уничтожит тебя. Он...

— Да, знаю. Но даже у твоего отца не хватит сил, чтобы противостоять всему клану Монтгомери. Если придется, мы будем жить в Шотландии. Моя семья владеет там такими укромными местечками, которые не нашел бы сам Господь. Все зависит лишь от твоего желания, моя любимая. Пойдем со мной — и все будет хорошо.

Эксиа ласково погладила его по щеке.

— Я пойду с тобой на край света.

— Даже если у меня не будет ни пенса? — еле слышно спросил Джеми.

— Ты уже дал мне все, о чем я мечтала, — ответила девушка, имея в виду ребенка, которого носила в своем чреве. Но сейчас она не будет рассказывать ему об этом. Еще не время. — Как мы выберемся отсюда? Дружинники отца...

— Иди сюда, — перебил ее Джеми.

Он заставил Эксию выбраться из постели и потащил за собой. Видя, что она идет спотыкаясь, он подхватил ее на руки и подошел к окну.

С высоты четвертого этажа девушке вдруг открылось впечатляющее зрелище: восходящее солнце освещало двор, который заполнили многие сотни конных воинов.

— Кто они? — шепотом поинтересовалась она.

— Монтгомери из Англии, Шотландии, Ирландии и Франции. Их было бы больше, если бы мои американские родственники успели переплыть океан.

— Джеми, — выдохнула Эксиа, — ты сделал это ради меня?

— Это и еще многое. Я люблю тебя, Эксиа. Я люблю тебя всей душой. Я люблю тебя больше золота, больше себя самого. — Замолчав, он прикоснулся губами к ее щеке. — Ты идешь со мной... жена?

— Да, — ответила она. — Я следую за тобой, муж мой, куда бы ты ни шел.

ЭПИЛОГ

— Что это? — сонно проговорила Эксиа. Она была на последнем месяце беременности и мечтала лишь о том, чтобы поспать. После жаркого спора с Джеми она настояла на том, чтобы они поселились в горной Шотландии, подальше от тех, кто мог отыскать их. Сначала Джеми протестовал, но, узнав, что жена ждет ребенка, согласился, потому что хотел, чтобы она чувствовала себя защищенной. И главным образом, защищенной от собственного отца. Никакие увещания Джеми не могли умалить ее ужас перед Мейденхоллом. Создавалось впечатление, будто тот олицетворяет для нее все зло на Земле. Она считала, что отец обладает безграничной властью и никто не способен противостоять ему.

— Письма, — ответил Джеми, вынимая кожаный кошелек, потертые края которого свидетельствовали о том, что его хозяину пришлось преодолеть долгий путь через море и горы.

Находясь в добровольном изгнании, они почти не получали вестей из внешнего мира, и это радовало Эксию. Она боялась услышать, что отец докопался до центра Земли, чтобы найти ее, что Джеми грозит расправиться с людьми отца, если те осмелятся приблизиться к их дому. Но больше всего она боялась того, что отец объявит огромную награду за голову Джеми.

— Эксиа, — в сотый раз терпеливо уговаривал ее муж, — ребенку вредит то, что ты живешь в постоянном страхе. Эксиа с усилием села.

— Раз эти письма нашли нас, то и он найдет. Джеми прекрасно понял, кого она подразумевает под «он», и, утомленно вздохнув, сел на край кровати.

— Их переслали моему дяде, а тот отправил их с человеком, которому доверяет.

— Уверена, что за ними следили.

— Да, — насмешливо согласился Джеми, — и, без сомнения, к ночи я буду мертв. Да не смотри ты на меня так, Эксиа! Это шутка.

Прошло несколько минут, прежде чем он развязал тесемки на кошельке и вывалил его содержимое на покрывало. Увидев два письма, Эксиа мгновенно узнала почерк своего отца.

— Он нашел нас, — ахнула она.

— Нет, его письмо нам переслали. Эксиа, да не прячься ты под одеялом. Распечатай письмо и узнай, что он хочет.

— Он будет грозить нам смертью. Он...

— Это от Франчески, — прервал ее Джеми, протягивая второе письмо.

Эксиа на секунду лишилась дара речи. Она ничего не слышала о кухне с тех пор, как отец разделил их по прибытии в Лондон. Все ее попытки что-нибудь разузнать о Франческе оказывались тщетными.

— Какое читать первым? — поинтересовался Джеми.

— То, которое от Франчески, — ответила Эксиа, желая отдалить момент, когда будет оглашен ультиматум отца.

Джеми улыбался, когда распечатывал письмо Франчески, но едва он пробежал глазами первые строки, его лицо изменилось.

— Ад и пламя! — пробормотал он. Эксиа выхватила у него листок.

"Дорогая кузина, — вслух прочитала она, — я знаю, ты всегда считала меня беспомощной и глупой, поэтому мне хочется сообщить тебе, что я кое-чему научилась у тебя. После того как Джеми увез тебя, твой отец пришел ко мне и все рассказал. Да! Все было именно так: он пришел именно ко мне, чтобы поговорить. Он выглядел не сердитым, а печальным — уверена, потому что над ним висела сделка с Болингброком. Мне известно, какие ходят о нем слухи: и то, что никому не под силу навязать ему невыгодную сделку, и то, что слово Перкина Мейденхолла является достаточной гарантией какой-либо сделки.

О Эксиа, не знаю, откуда я взяла силы сделать то, что сделала. Я внушила себе, что я — это ты, что я ничего не боюсь, и заключила сделку с твоим отцом. Мы сошлись на том, что вряд ли Болингброк, ни разу не встречавшийся с тобой, что-то заподозрит, увидев меня перед алтарем".

Эксиа подняла расширившиеся от удивления глаза на Джеми, а затем вновь вернулась к письму.

"Итак, я стала женой Грегори Болингброка, и все считают меня наследницей Мейденхолла. Я в восторге от этого. Эта роль нравится мне в той же степени, в какой ты ненавидела ее. А сколько внимания! А какие роскошные наряды!

Но тебя, я уверена, это не интересует. Твой отец отписал мне довольно значительную сумму, и теперь я богаче, чем могла мечтать. Он единственный на свете, кому известна правда.

Эксиа, я знаю, ты, как всегда, считаешь меня глупой, но все же тебе придется выслушать еще кое-что. Я доверила это письмо родственника. Джеми, а ты должна сжечь его, когда прочтешь. Если то, что в нем написано, станет известно, я погибла.

Эксиа, я беременна от Тода"

Джеми подобрал листок, выпавший из руки потрясенной Эксиа, и стал читать дальше:

«Не говори об этом Беренгарии — ведь она жена Тода, — только Джеми. Думаю, он поймет, каково мне пришлось в те дни, когда меня держали в башне. Тод был так добр ко мне, Эксиа, так добр».

— Да, его доброта безгранична, — заметил Джеми, и Эксиа выхватила у него письмо.

"Только представь, какая ирония судьбы: ребенок Тода станет наследником состояния Мейденхолла! К сожалению, я почти ни с кем не могу поделиться этим.

Я никогда не благодарил тебя за то, что ты сделала для меня. И сейчас не собираюсь благодарить. Когда вы с Джеми приедете к нам погостить, вот тогда и поблагодарю. Кстати, мне нравится мой муж. Он очень рад ребенку. Ни он, ни его отец не задают мне вопросы об отцовстве, хотя Грегори ни разу не дотрагивался до меня.

Передай мои наилучшие пожелания Джеми. Я счастлива, что он не женился на мне.

С любовью, Франческа".

Дочитав письмо, Эксия откинулась на подушки.

— В жизни не слышала ничего подобного. Тод! И Франческа! И они занималась этим, когда я так за них беспокоилась! Они...

— Если скажешь еще хоть слово, я решу, что ты ревнуешь. А теперь прочтем это, — объявил Джеми, распечатывая письмо от Мейденхолла.

— Нет! — воскликнула Эксия, но он не обратил внимания на ее возражения и сломал печать.

"Моя дорогая дочь!

Как тебе известно, все считают, что я лучше всех в Англии смыслю в бизнесе. Я знаю, как выбирать товар. Я умею отличать хорошую ткань от плохой. Я знаю, как определять качество мехов, продуктов, земель и кораблей.

А еще я знаю, по каким качествам оценивать мужчин.

Ты думаешь, я не любил тебя, если никогда не навещал. Но ты единственная, кого я когда-либо любил. Я запер тебя, чтобы защитить, чтобы обеспечить тебе безопасность. Живи ты среди людей, деньги оказали бы на тебя огромное влияние, твой дух был бы сломлен. Я дал тебе то, что нельзя купить: свободу быть личностью, а не тем мешком с золотом, который, по-твоему, видят в тебе люди.

Да, я выбрал тебе мужа. Я выбирал его так, как выбирал бы жеребца для лучшей на свете племенной кобылы: я обыскал всю Англию и нашел Джеймса Монтгомери. Он превзошел всех живущих на земле в отваге, в заботе о ближнем и любви к семье. О его чувстве долга слагались легенды. Ни один человек — бедный или богатый — не может сравниться с ним.

Но, будучи бизнесменом, я не имел права полагаться на суждения других. Поэтому я подверг его испытанию и поставил перед выбором — любовь или деньги.

Ты ошибаешься, полагая, будто я не знаю тебя. Из года в год мне рассказывали о твоих выходках. Мои «шпионы», как ты их называешь. Да, я удалял от тебя всех, кто не был достоин тебя. Когда я видел, что кто-то пытается сблизиться с тобой ради твоих денег, я убирал его. Только Тод и Франческа выдержали проверку. Тод любил тебя — с деньгами или без, — а Франческа была предана тебе, хотя ничем не показывала это. Думаю, ты убедилась в ее преданности.

Я познакомил тебя с хорошим человеком, с твоим красавцем Джеми, а потом вынудил его доказать тебе, мне и, возможно, себе самому свои чувства. Предложи я ему жениться на наследнице Мейденхолла, уверен, он бы согласился. И тогда ты, дорогая доченька, всю жизнь сомневалась бы в его любви. Никакие его действия никогда не доказали бы тебе обратное. Но я-то знал, что он ни перед чем не остановится. А разве могло быть иначе? Кажется, все мужчины, которые когда-либо видели тебя, просили твоей руки. А ты не догадывалась об этом, верно? И я всем говорил «нет». Если они вновь приходили ко мне, я утверждал, что лишу тебя наследства, если ты ослушаешься меня. После подобного заявления ни один из них уже

никогда не возвращался.

А вот Джеми вернулся. Он сражался с драконами ради тебя. Рисковал всем, что у него есть, разве не так?

Теперь ты знаешь, что он любит тебя. Не твое богатство, а тебя саму.

Я не лишил тебя наследства. Все будет принадлежать тебе, за исключением тех крох, которые я из жалости подарил Франческе. Уже сейчас ты владеешь огромным состоянием. Можешь тратить его, как пожелаешь, ведь для меня самое большое наслаждение зарабатывать деньги, а не копить их. Думаю, в этом я похож на свою дочку.

Я желаю тебе счастья. И ты будешь счастлива, потому что у тебя хороший муж. Я уже сказал тебе: я отлично разбираюсь как в женщинах, так и в мужчинах.

Отдаю тебе всю свою любовь, доченька. И все свое богатство, и всю свою душу.

Твой любящий отец Перкин Мейденхолл".

Подняв глаза на Эксию, Джеми увидел, что у нее по щекам текут слезы.

— Я-то думал, что ты будешь счастлива услышать такое, — тихо проговорил он, еще не разобравшись в своем отношении к тому, что был пешкой в сложной игре Мейденхолла.

Но все сомнения вылетели из головы, когда он прижал Эксию к себе и почувствовал прикосновение ее огромного живота. Ничто не имеет значения, кроме того, что она принадлежит ему и они свободны.

— На свете нет человека счастливее меня, — уткнувшись ему в грудь и всхлипнув, прошептала Эксиа. Я самая счастливая.

— Я счастливее, — возразил Джеми и поцеловал ее в макушку. — Я счастливее тебя.